

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

ПОВЕРЕННАЯ АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СКАЗОЧНОГО ДИСКУРСА:
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(на материале немецкого и русского языков)**

10.02.19 – теория языка

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Ю.П. Нечай

Краснодар 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СКАЗОЧНОГО ДИСКУРСА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ.....	10
1.1 Мифологическая картина мира и ее отражение в языке.....	10
1.2 Зарождение и эволюция сказочного нарратива.....	21
1.3 Исторические предпосылки и эволюция теории сказочного дискурса.....	38
1.4 К проблеме классификации сказочного дискурса и его сюжетов.....	56
Выводы.....	72
ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ СКАЗОЧНОГО ДИСКУРСА В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ КАРТИНАХ МИРА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	75
2.1 Синкретизм структуры и содержания немецкого и русского сказочного дискурса.....	75
2.2 Лингвостилистические особенности сказочного дискурса.....	81
2.3 Аксиологические характеристики образов героев в сказочном дискурсе.....	118
2.4 Лингвосемиотические особенности актуализации образов животных и птиц в сказочном дискурсе.....	131
Выводы.....	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	162
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	170

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь и история человечества связаны, как известно, теснейшим образом с главным инструментом его коммуникации – языком, поскольку именно он является одним из основных инструментов реализации реально существующего мира, национального менталитета, характера, обычаев и морали. Следовательно, необходимость более глубокого и тщательного изучения вопроса взаимоотношения языка и культуры в настоящее время особенно актуальна. Подтверждением сказанного служит тот факт, что национальный менталитет – его формирование и отражение – широко подвержен влиянию фольклора и мифологии, в которых отражены и зафиксированы древнейшие представления о мире. Сказочный дискурс как раз и представляет собой один из таких информационных источников, доносящих до нас историческую, культурную и языковую специфику определенного, в данном случае германского и славянского, этносов и позволяет ближе познакомиться с их легендами, верованиями и предрассудками. Нельзя не отметить и практическую значимость сказки, суть которой заключается в формировании у представителей сегодняшнего и последующих поколений национального самосознания как неотъемлемого атрибута любого человека, а также патриотизма, моральных и этических жизненных устоев.

Результаты знакомства с рядом отечественных и зарубежных научных работ по данному вопросу свидетельствуют о сложности формирования сказки как отдельного жанра устного народного творчества.

Процесс перехода из устной коммуникации в письменную способствовал приданию сказке эстетической ценности. В результате этих изменений меняется роль участников общения и сказка становится личностно ориентированным бытийным типом дискурса. Заметно меняется состав и роль участников общения, к которым теперь относятся также собиратели, обработчики, составители, импровизаторы, слушатели и читатели. Поэтому сказочный дис-

курс, представляющий собой волшебный и в то же время мифологический текст, вызывает у исследователей особый интерес.

Степень разработанности темы исследования. На настоящий период времени существует целый ряд работ, в которых сказка рассматривается как особая область языка с присущими ей синтаксическими особенностями (Брандаусова 2008), жанровым своеобразием (Скороходько 1991), психолингвистическим моделированием концептов персонажей (Елина 2013), кросс-культурной лингвофольклористикой (Девицкая 2014), способами лингво-прагматической репрезентации фантазийных концептов (Петрова 2011), лингвокультурными характеристиками сказочного дискурса (Акименко 2005), лингвокультурологическими и когнитивными аспектами (Эпоева 2007), этнолингвистическим и этнокультурным аспектам (Плахова 2007, Соборная 2004), лингвистикой текста (Ласкавцева 2001) и др. Однако интенсивное развитие информационных технологий, а также антропологический поворот во всем цикле лингвистических дисциплин, способствовали стремительному расширению и качественному изменению исследовательской парадигмы в языкознании, поскольку это понятие традиционно изучалось и анализировалось, в основном, в рамках литературоведения.

Актуальность исследования определяется тем, что среди насущных вопросов, рассматриваемых в современной теории языка, особое внимание приковывает сформировавшийся в том или ином этническом сообществе определенный образ мира, отпечаток которого несет в себе и один из древних жанров словесности – сказка, сохраняющая и обобщающая исторический, культурный и социальный опыт народа. Сказка представляет собой один из информационных источников исторической, этнокультурной и языковой специфики германского и славянского этносов. Этот жанр проделал долгий путь от воспроизведения примитивно-фантастической действительности до символического и философского переосмысления. Текст сказочного дискурса способен не только формировать в сознании реципиента реальную картину среды

обитания, традиции и обычаи представителей данного этноса, но и маркировать наиболее характерные черты национального менталитета. Чтобы понять многовекторность сказочного дискурса, необходимо иметь четкое представление об историческом процессе зарождения и развития самого фольклора и статуса сказки как одного из его жанров. Особую ценность и перспективность исследование получает при анализе и сопоставлении практического языкового и культурного материала разных этнических сообществ, в данном случае немецкого и русского этносов.

Объектом исследования является немецкий и русский сказочный дискурс.

Предметом исследования выступают культурно-аксиологические и лексико-стилистические особенности немецкого и русского сказочного дискурса.

В работе выдвигается **гипотеза**, согласно которой сказочный дискурс рассматривается как активная среда реализации специфических параметров категории сказочности, вербализующихся на разных уровнях языковой структуры.

Практическим языковым материалом исследования послужили тексты сказок из сборников народных сказок «Kinder- und Hausmärchen» Вильгельма и Якоба Гриммов и «Народные русские сказки» А.Н. Афанасьева, а также данные, извлеченные из толковых и переводных словарей. Лингвистическому анализу подвергнуты 55 сказок на немецком языке, 55 их переводов на русский язык, выполненные Е. Гиляровой, К. Савельевым и Г. Петниковым, а также 61 русская сказка.

Общий объем картотеки составил более 3 420 примеров (1100 немецких, 1100 их переводов и 1220 русских).

Цель исследования заключается в комплексном лексико-стилистическом и лингвокультурологическом анализе немецкого и русского сказочного дискурса.

Из поставленной цели вытекают следующие *задачи*:

- 1) провести анализ теоретико-методологических основ научного понимания, трактовки и эволюции сказочного дискурса;
- 2) исследовать и дескриптивно представить мифологическую картину мира и религиозно-мифологические представления;
- 3) выявить и проанализировать культурно-аксиологические и лексико-стилистические особенности сказочного дискурса;
- 4) описать аксиологические характеристики образов положительных и отрицательных героев в сказочном дискурсе;
- 5) раскрыть и описать лингвосомиотические особенности актуализации образов животных и птиц в сказочном дискурсе.

В работе использованы следующие *методы* исследования: описательный метод, метод контекстуального анализа, метод стилистического анализа, метод интерпретации лексического материала, метод количественного анализа.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Сказочный дискурс – это, условно ограниченный рамками социокультурной и коммуникативной ситуации, речемыслительный процесс между автором и читателем сказочного произведения. Сказочный дискурс, помимо собственно текста, формируемого языковыми единицами, включает совокупность экстралингвистических факторов, носящих ярко выраженный этнокультурный характер, – представления о мире, мировоззренческие установки, нравственно-этические и эстетические ориентации и т.д.

2. Структура немецкой и русской сказки располагает устойчивыми элементами, неизменяемым и последовательным сюжетом. Билатеральная особенность данного жанра характеризуется, с одной стороны, своим многообразием, пестротой и сказочностью, а с другой стороны, незначительным количеством сказочных функций, но большим числом действующих лиц.

3. Специфичным для сказочного дискурса представляется изобразительно-выразительный потенциал фонетических средств (аллитерация, ассонанс, звукоподражания), функционирование особой культурно-маркированной лексики, обилие образных художественных средств, обусловленных лингвокультурологическими и мифопоэтическими характеристиками.

4. Положительные и отрицательные герои в немецких и русских сказках характеризуются, с одной стороны, схожестью общечеловеческих свойств и качеств, а с другой стороны, совершенно разными типами и видами языковых описаний героев. Деление персонажей в сказках обоих народов на положительных и отрицательных производится с позиции их отношения к герою или другим типам ведущих положительных персонажей. В некоторых случаях их причастность к той или группе не зависит от их отношений с другими. Негативный поступок, осуществленный преднамеренно или случайно героем, не меняет его положительного статуса, например, если он наказывает своего брата или близкого человека за измену или другой проступок. У других же персонажей такой статус может меняться. Для анализа мотивов важно то, в какую именно группу в момент анализируемого состояния входит персонаж.

5. Исходя из культурных традиций, территории проживания, этнических и религиозных различий немецкого и русского народов, выделяются главные типы животного эпоса, которые зависят также от временных и пространственных рамок. В сказках обоих народов можно встретить неспецифических, «сквозных» (*лиса, волк*), относительных (*медведь, кошка-кот*) и абсолютно специфических персонажей (*мышь, бык, свинья, коза-козёл, воробей, заяц*). Различия в их наборе и количестве в текстах обоих языков свидетельствует о непостоянстве, вариативности этих показателей.

Теоретико-методологической базой исследования послужили научные идеи и концепции, изложенные в трудах отечественных и зарубежных учёных в области:

– теории дискурса: Н.Д. Арутюнова (1990); В.Г. Борботько (1981); В.З. Демьянков (1982); В.И. Карасик (1999, 2000); А.А. Кибрик (2003); М.Л. Макаров; Е.С. Кубрякова (2005); Е.В. Сидоров (2008), Ю.С. Степанов (1995), Р.Барт (2001); Э. Бенвенист (1974); Т.А. ван Дейк (1988); П. Сериио (1999) и др.;

– теории текста: Л.Г. Бабенко (2005); М.М. Бахтин (1986); В.В. Виноградов (1958); И.Р. Гальперин (1981); Е.С. Кубрякова (1994); Ю.М. Лотман (1970); Р. Барт (2007) и др.);

– мифологии и фольклора: Ф.И. Буслаев (1861); А.Н. Афанасьев (1996); А.А. Потебня (1989); А.Н. Веселовский (1979); В.Я. Пропп (1976); Е.М. Мелетинский (1970); Я. и В. Гримм (1987); М. Мюллер (1863) и др.;

– лингво- и этнокультурологии: В.В. Красных (2010), Н.А. Акименко (2005), С.Г. Воркачев (2004), Г.Г. Слышкин (2004), И.С. Соборная (2004), О.Н. Буянова (2001), В.И. Карасик (2001), В.А. Маслова (2001), Ю.С. Степанов (1997) и др.

Научная новизна работы состоит в следующем: 1) определен статус немецкого и русского сказочного дискурса как лингвокультурного феномена, в пространстве которого представлены национально маркированные этнокультурные фрагменты национального образа мира; 2) выявлены и проанализированы фонетические, лексико-семантические и стилистические характеристики сказочного дискурса как сферы реализации мифического и сакрального; 3) изучены и описаны ценностные доминанты, представленные в характеристиках образов положительных и отрицательных героев сказочного дискурса в немецком и русском языках; 4) в интегративном ракурсе изучены и описаны образы животных и птиц в немецком и русском сказочном дискурсе.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит из уточнения статуса и типологических черт сказки как особого типа дискурса, выявления этнокультурной специфики сказок как отражения национальной картины мира и менталитета народа. Полученные результаты способствуют даль-

нейшему углублению и расширению понятийного содержания ряда лингвистических терминов, формирующих метаязыковую основу сказки как текста. Работа приносит определенный вклад в дальнейшее развитие лингвокультурологии, лингвофольклористики, стилистики текста.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты могут быть использованы при чтении лекционных курсов, в разработке спецкурсов и семинаров по проблемам теории текста и сказочного дискурса, лингвокультурологии, стилистики и лексикологии немецкого и русского языков, а также при написании выпускных квалификационных работ, магистерских и кандидатских диссертаций по данной тематике.

Апробация исследования заключается в изложении и обсуждении положений работы на заседаниях кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета, в выступлениях с докладами по теме диссертации на научно-практических и научно-методических конференциях молодых учёных в рамках Недели науки Кубанского государственного университета (Краснодар, 2020, 2021 г.); на Международной научной конференции «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» («Научные исследования стран ШОС: синергия и интеграция») (Пекин, КНР, февраль 2019 г.); на VI Международной научно-практической конференции «Германистика в современном научном пространстве» (КубГУ, Краснодар, февраль 2020 г.); на VII Международной научно-практической конференции «Германистика в современном научном пространстве» (КубГУ, Краснодар, 2021 г.); на Международной конференции в Англии «Process Management and Scientific Developments» (Birmingham, United Kingdom, May 2. 2020).

По теме диссертации опубликованы **11** работ, **3** из них в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК.

Структура работы определяется её исследовательскими задачами. Диссертация объёмом 191 страница состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка (235 наименований).

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СКАЗОЧНОГО ДИСКУРСА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

1.1 Мифологическая картина мира и ее отражение в языке

Язык в жизни человека – это своего рода зеркало культуры, которое, по словам С.Г. Тер-Минасовой, в состоянии отображать окружающий человека мир, его характер, способ мышления, мироощущения, традиции и обычаи. [Тер-Минасова 2000]. На рубеже XX–XXI вв. понятие «картина мира» для таких направлений, как философия, психология, культурология, когнитология, лингвистика, является уже довольно устоявшимся. В когнитивной лингвистике, например, актуален термин «концептосфера», в психологии он не может быть никоим образом, а в лингвокультурологии – «национальный образ мира» [Гачев 1998], «модель мира» [Гуревич 1995], «the mapping of the world» (картирование мира) [Семейн, Тарасова 2005], «менталитет» [Маслова 2001], [Werlen 1998] и др. Сам термин «картина мира» зародился в физике в конце XIX – начале XX в. во время жарких научных полемик. Предложил его немецкий физик, исследователь электромагнитных волн Генрих Герц. Под этим термином ученый, конечно, подразумевал *физическую картину мира*, т.е. внутреннее объединение образов внешних предметов, логический анализ которых позволяет получать информацию об их поведении. Более того, он представил и основные требования к ней, суть которых состояла в том, что ее принципы не должны противоречить законам нашего мышления; существенные отношения между элементами этой картины мира должны соответствовать отношениям внешних вещей; научная картина мира должна отображать лишь существенные свойства вещей [Герц 1914]. На этом этапе своего развития классическая физика И. Ньютона была уже не в состоянии дать научное объяснение множеству фактов в области магнитного поля, элементарных частиц и строения ато-

ма, теории относительности и квантовой физики. Законы же прежней физики оказались бессильными и выступали лишь частным следствием общих законов. Макс Планк пытался расширить данное понятие и внес предложение разделить его и различать *научную* и *практическую* (обиходную, наивную) картины мира [РЧФ в Я 1988]. Широкое признание этот термин получил в философии и лингвистике благодаря исследованиям В. фон Гумбольдта, Л. Витгенштейна и Л. Вайсгербера. Сложившаяся ситуация способствовала созданию основы для возникновения новой *картины мира*, которая, с одной стороны, не зависит от наличия опыта, полученных знаний и особенностей восприятия отдельных личностей, с другой же стороны, не может не считаться с данными новых открытий и формирующихся современных ей теорий. По своей сути она не представляет некую целостность, в то же время бессильна в плане объяснения всего происходящего, так как в мире пока еще имеют место факты, не подвластные науке. *Наивная картина мира* представляет собой сформированное у индивида на основе своего и опыта других понимание окружающего мира. Этой картине, как правило, не присущи резкие изменения. Поэтому, как отмечал А. Эйнштейн, человек стремится сформировать некую простую, но адекватную картину мира, чтобы заменить с ее помощью мир ощущений [Герц 1914]. А. Эйнштейн приводит также собственное понимание, отмечая, что «картина мира» – это сжатое и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах [Эйнштейн 1967].

В антропологии и семиотике термин «языковая картина мира» появился благодаря трудам лингвиста и специалиста по немецкому языку, кельтологии и общему языкознанию, представителя неогумбольдтианского направления Лео Вайсгербера. С его точки зрения, словарный запас отдельно взятого языка включает наряду с языковыми знаками также и определенный, находящийся в распоряжении общества блок понятийных мыслительных средств. А поскольку каждый носитель языка овладевает этим словарным объемом, то и все чле-

ны языкового общества, вольно или невольно, усваивают эти мыслительные средства. Это подтверждает гипотезу о том, что язык в своих понятиях содержит определенную единую картину мира, которую трансформирует затем всем членам сообщества [Вайсгербер 1993]. Ее целостность рассматривается и в работе отечественного лингвиста Б.А. Серебренникова «Роль человеческого фактора в языке». Картину мира автор определяет как единый образ мира, который предстает в виде результата духовной активности человека. Ее возникновение в сознании человека связано в результате его взаимодействия с окружающим миром. В формировании *картины мира* задействована вся психическая деятельность человека, т.е. его ощущения, восприятия, представления, мышление и самопознание. Одним словом, человек не только ощущает, созерцает, постигает, понимает и интерпретирует окружающий мир, но и отображает его, находится в нем и представляет себе потенциально возможные миры [Серебренников 1988]. Особый интерес к философскому, а затем и к лингвистическому понятию «языковая картина мира» в научных исследованиях стал проявляться во второй половине XX в. в связи с бурным развитием информационных технологий. Большой вклад в понимание данного феномена имел выход в свет в XX в. работы М. Хайдеггера «Время картины мира», в которой автор подчеркивает, что понятие «картина» в сознании человека есть обозначение сущего в целом, т.е. это не картина, изображающая мир, а мир, понимаемый в виде картины [Хайдеггер 1993]. Одной из форм является «языковая картина мира». Подчеркивая ее донаучный характер, некоторые лингвисты употребляют термин «наивный» [Шарикова 2006]. Именно в языковой картине мира преломляется вся совокупность духовного и материального опыта людей, говорящих на определенном языке [Пименова 1999].

В монографии Г.В. Колшанского «Объективная картина мира в познании и языке» *картина мира*, отображенная в человеческом сознании, выступает как вторичная экзистенция объективного мира, реализованная в материальной форме в виде языка, функция которого заключается в объективации индивиду-

ального человеческого сознания [Колшанский 1990]. Ю.Н. Караулова обращает внимание также на то, что в широком смысле *языковая картина* мира есть система репрезентации реальности (или всех классов объектов) [Караулов 1981]. По мнению ряда исследователей язык и картина мира тесно связаны, причем язык выступает не только в виде составной части культуры, но и её орудием, выражая специфические черты национальной ментальности. Иными словами, язык человека является тем механизмом, который открыл перед ним область сознания [Жинкин 1998].

Следовательно, такое простое сочетание слов как картина мира, самым тесным образом связано с понятием «языковая картина мира». Например, Ю.Д. Апресян рассматривает языковую картину мира в виде наивной, объясняя это тем, что язык путем фиксации стереотипных, коллективных и эталонных представлений обобщает любую деятельность сознания человека, делая ее доступной для изучения. Тем не менее стоит подчеркнуть, что наивные представления сами по себе отнюдь не примитивны. Например, представления о внутреннем мире человека зеркально отражают опыт, накопленный людьми на протяжении тысячелетий, и могут выступать надежным путеводителем в этот мир [Апресян 1995].

В.А. Маслова высказывает мнение, что языковая картина мира способна не только формировать определенный тип отношений людей к окружающему миру, в том числе к природе, животным и самому себе, но и задавать нормы их поведения. А выражаемые в языке смыслы воссоединяются в единую, определенную систему взглядов, образуя тем самым некую коллективную философию, которая выступает со временем как обязательная для всех представителей данной языковой общности. Нельзя не отметить и тот факт, что у разных представителей определенной языковой общности концептуальная картина мира может отличаться, например, у индивидуумов разных эпох, социальных и возрастных групп или областей научного знания. Более того, у представителей разных языковых сообществ при определенных условиях концептуальные

картины мира могут иметь большую схожесть, а у людей, общающихся на одном, значительно отличаться. Из этого следует, что для концептуальной картины мира характерно также присутствие как национального, общечеловеческого, так и личностного. Поэтому картина мира, отражающая реальный, окружающий человека мир, и языковая картина мира находятся в тесных и довольно сложных отношениях [Маслова 2001].

В работе мы придерживаемся мнения исследователей, которые считают, что языковая картина мира формируется независимо от человека, стихийно и отражается в значениях и категориях языка, в его форме и содержании, при этом проявляется безотчетный, но типический мотив деятельности человека [Определение картины мира].

В настоящее время исследования и разработка различных научных картин мира (мифологической, религиозной, философской, физической, художественной и др.) для прошлых и настоящей эпох имеет свое продолжение [Концепции современного естествознания].

В.И. Постовалова относительно языковой картины мира придерживается мнения о том, что возникновение в лингвистике понятия языковой картины мира связано с фактом выделения и становления гносеолингвистики как отдельной ее части, развиваемой на антропологической основе. Понимание языковой картины мира способствует более быстрому разрешению вопроса о соотношении языка и действительности, инвариантного и идиоматического в процессах языкового отображения действительности как сложного процесса интерпретации человеком мира [цит. по: Гречко 2003]. Лингвистический анализ научных исследований свидетельствует о том, что языковая картина мира есть индивидуальное содержание, образованное как отражение и познание действительности отдельным языковым сообществом. Эта картина внутренне содержит особое мировосприятие и мировидение народа, закрепленное прежде всего в базисном составе языке (в лексике, грамматике, словообразовании), а также в образном представлении окружающего мира в семантике различных

языковых единиц [Язык и картина мира]. Хотя индивидуальная семантическая организация лексики в том или другом языке, несомненно, играет важную роль в создании языковой картины мира, она будет далеко не полной, если не учтены другие компоненты системы языка и прежде всего глубинные, относящиеся к его внутренней структуре. Своеобразие картины мира создается в значительной мере категориальным представлением действительности в морфологической, синтаксической, словообразовательной системах языка. В языках, относящихся к разным морфологическим типам, действительность организуется и отражается по-разному. Кроме того, языковая картина мира зависит от характера образности языка, в чем находит выражение психология народа, его мировосприятие и мировидение, образ жизни и др. [Гречко 2003].

Интересен в научном плане и тот факт, что на рубеже XX–XXI вв. большое внимание стало уделяться изучению *национальных картин мира*. Причиной послужило скорее всего наличие многочисленных геополитических процессов в окружающем нас мире. Язык же, выступая неотъемлемой частью культуры, призван выполнять важную миссию как в выражении, так и в формировании *национальной картины мира*. Непосредственная культура представителей языкового сообщества вербализуется, по замечанию В.А. Масловой, именно благодаря накоплению ключевых концептов и реализует их в знаковом воплощении – словах [Маслова 2008]. Нет сомнения и в том, что язык, на котором мы говорим, определенным образом влияет на формирование наших взглядов относительно окружающего нас мира. В качестве подтверждения сказанного можно привести слова немецкого учёного, филолога, философа и лингвиста В. фон Гумбольдта (1767–1835) о том, что любой язык представляет собой очерченный вокруг определенного народа круг, и выйти из него человеку можно лишь при условии, что он тут же вступает в круг другого языка [Гумбольдт 1984]. Проследить это можно при сопоставлении немецкой и русской языковых картин мира, результаты которого вскрывают существенные отличия, иногда даже довольно серьезные. Русское название *бабочки* (галсту-

ка-бабочки) в немецком языке не употребляется, ему соответствует эквивалент *Fliege* (муха). Слово *часы* в русском языке подразделяется на *наручные, песочные, настольные*, а в немецком языке для этого служат совершенно разные слова. Фразеологизм *от горшка два вершка* немец передает совсем иным вербальным сочетанием – "*er ist drei Käse hoch*" (досл. *он ростом в три головки сыра*) или "*Auch unser Weizen wird einmal blühen*" – *будет и на нашей улице праздник* (досл. *и наша пшеница когда-нибудь зацветет*). Русским понятиям *жениться* и *выйти замуж* в немецком языке соответствует один эквивалент – *heiraten*, а два немецких *Mauer* и *Wand* выражаются одним словом – *стена*. Выражение *Ach, du grüne Neune!* буквально переводится как *Ах ты, зеленая девятка!* означает *Вот тебе раз!*; *Eine böse Sieben* – буквально как *злая семерка*, а на самом деле означает *ведьму* или *бабу-ягу*. Русскому глаголу *знать* в немецком языке соответствует *wissen, kennen, können, sich auskennen, Bescheid wissen* [Кравченко 2010].

Зарождение мифов относится к стадии осознания первобытно-общинного строя и переноса его на окружающую действительность, поскольку ей, по понятиям человека, были присущи подобные ему свойства. Человек этой эпохи считал, что даже боги имели семейно-родовые отношения, о чем свидетельствуют дошедшие до нашего времени мифы. По своей сути мифы представляют некий информационный канал, обеспечивающий связь между прошлым и настоящим и трансформирующий последующим поколениям накопленный в разных жизненных сферах ценный опыт и духовные ценности. Нельзя не отметить и то, что картине мира такого плана свойственны также пространство и время. Мифологическое пространство – это то пространство, в котором пребывают сверхъестественные силы, духи, тотем рода, боги. Следовательно, зарождение и существование мифов – это своего рода первая попытка человека в те далекие времена понять и объяснить окружающие его явления природы и общества. Поэтому мифологическая картина мира представляет целостную, универсальную форму сознания, объединяющую религиозные верования, по-

литические убеждения и знания. Представление о мифе как форме и способе миропонимания прочно утвердилось в науке благодаря предположению о существовании в прошлом такой стадии развития человека и общества, когда сумма знаний об окружающей действительности, элементы языковой системы и формы организации культуры обнаруживали четкую взаимосвязь с мифологической информацией [Кравченко 2007, Попкова 2005]. Следует сказать и о такой особенности, характерной для мифологической картины мира, как образность, т.е. мифологическое мировоззрение, отражающее действительность в форме конкретных, чувственно воспринимаемых образов. основополагающим фактором мифологической картины мира является, пожалуй, то, что она обладает особой нелогичностью и не отражает истинной сути мира и процессов, поскольку объяснение мира осуществляется через образы. Вся вселенная представляет собой живое существо, а все предметы и явления соединены особыми связями, осуществляемыми как через основополагающие, так и через второстепенные признаки предмета. Необходимо отметить, что подобная картина мира имеет свои особые пространство и время [Мифологическая картина мира].

На первых этапах зарождения мифологического мировоззрения окружающий мир человек представлял в виде животного или созданного по принципу зооморфизма. Подобная зооморфная мифологическая картина мира указывала на зверей как на демиургов. Демиурги-животные могли создать как мир, так и человека, явление, его род. Такого плана представления и послужили основой для зарождения тотемизма, т.е. веры в родство человеческих коллективов с животными, растениями, иногда некими вещами и неорганическими предметами (явлениями) [Мифологическая картина мира МКМ]. «Тотем (англ. *totem* из языка североамериканских индейцев) – предмет культа у некоторых примитивных племён (животное, реже растение, явление природы и т.п.), считающийся родоначальником и покровителем племени» [БТС 1998 : 1335]. Покровитель рода человеческого, его прародитель мог вмешиваться в жизнь сво-

их соплеменников, например, охотник не имел права убивать, причинять вред или употреблять в пищу мясо тотемного зверя, поскольку он приравнивался по кровному родству к представителю рода. Разрешалось делать это только при совершении определенных ритуалов. В мифологии существовало и такое понятие, как *фетишизм* (фетиш – франц. *fetich* – у верующих неодушевлённый предмет, наделённый сверхъестественными свойствами и служащий поэтому объектом религиозного культа) [БТС 1998 : 1420]. Это как раз тот случай, когда человек приписывал неодушевленным предметам особые свойства, способные оказать влияние на окружающий его мир или же на него самого. Влияние фетишизма можно наблюдать в пользовании разного рода талисманами, амулетами или «заколдованными» вещами. В более поздний период развития цивилизации появляется и так называемое понятие *анимизм* (от лат. *anima* – душа. Свойственное первобытным народам донаучное представление о существовании духа, души у каждой вещи; одухотворение сил и явлений природы.) [БТС 1998 : 40], т.е. вера в духов и души. Человек верил, что потусторонние силы пребывают на другом уровне Вселенной, им свойственна собственная воля и сознание и они могут вмешиваться в естественный ход событий на Земле. Для защиты человека от их негативных вмешательств существуют шаманы, миссия которых заключается в общении с духами. Анимизм также причастен к одушевлению природы, что можно до сих пор наблюдать во многих выражениях, например, «небо хмурится», «море волнуется» и др. В настоящее время отголоски анимизма можно отметить в сеансах спиритизма, когда человек пытается осознанно построить контакт для общения с духами усопших. Мифологическая картина мира, в основе которой было заложено божественное происхождение мира, просуществовала у европейских народов вплоть до XVII в. Согласно этой картине, Бог является первопричиной всех составных частей мира, и его Божественная воля управляет всеми происходящими на Земле событиями и судьбами живущих на ней людей. Весь мир разделен на две части, между которыми идет постоянное противоборство добрых и злых сил. В

Верхнем слое (местонахождение рая) всегда царят свет, добро и справедливость. В Среднем слое (местом вечной борьбы сил добра и зла за душу человека) находится Земля и человек – они не вечны и должны иметь свой конец. Низший слой (местонахождение ада) принадлежит царству тьмы и зла. Рассмотренные принципы мироустройства являются в определенной мере общими не только для различных разновидностей христианства, но и для других религиозных мировоззрений – исламского и иудейского. Вместе с тем конкретная трактовка этих принципов в различных типах религиозных картин мира различается. Религиозная картина мира и заложенные в ней принципы совершенствуются вместе с развитием не только религии, но и философии [РиМКМ]. Важно и то, что *религиозная* по своей форме картина мира не в состоянии нести в себе последовательность и пребывать единственной в сознании индивида, поскольку достигнуть цели, только какими-то иллюзорными представлениями невозможно. Из этого следует, что параллельно с некими несбыточными представлениями религиозная картина мира должна содержать и реалистические взгляды на окружающую человека реальность. В определенных обстоятельствах (безработица, неуверенность в завтрашнем дне, деградация культуры и т.д.), при наличии неуверенности или страха воздействие религиозной картины мира значительно возрастает. Вместе с тем религиозная картина мира – это неотъемлемое достояние человеческой культуры, и общество, которое сознательно вписывает себя в общемировую историю, неизбежно к такой картине мира обращается, тем более, что историческая память развитых народов в качестве существенного компонента включает компонент религиозный [РиМКМ]. Следует отметить и некоторые ошибочные трактовки в данном вопросе. Например, Б. Уорф, американский лингвист и автор гипотезы лингвистической относительности, известной как гипотеза Сепира – Уорфа, выстраивал научную картину мира непосредственно на базе языковой, что и послужило поводом для их отождествления. В своих исследованиях он подчеркивал: «Мы расчлняем природу (и мир в целом) в направлении, подска-

занном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [Уорф 1960 : 174].

Примечательно и то, что *языковая картина мира*, отображая различные картины мировидения человека, способствует построению и общей картины мира. *Наивной картине мира*, в котором преобладает предметный способ восприятия, отведена роль интерпретационного характера. Роль языка заключается в фиксации стереотипных представлений, объективации интерпретирующей деятельности сознания человека с последующей возможностью для изучения. Начало изучения мифа как одной из форм хранения и представления знания заложено в работах по философии, логике, психологии и лингвистике, представители которых все чаще высказывают мнение о его ключевой роли в понимании многих подсистем сознания, в том числе научных, философских, нравственных, политических, религиозных, правовых и других знаний. Деятельность человека, составными частями которой выступают также символическая, т.е. культурная, специфична по своей природе, что свидетельствует не только о своеобразии языковой картины мира, но и ее универсальности.

Картина мира – это целостный образ мира, имеющий исторически обусловленный характер. В основе понятия лежат представления о мире как о некой упорядоченной целостности. Картина мира связана с потребностью человека найти ответы на «вечные» вопросы: о происхождении мира, его устройстве, месте человека в нём, смысле и цели человеческой жизни [МКМ]. Миф не является повествованием о чем-то чудесном или легендой. Мифология, по словам А.А. Потебни, есть «история мифического мирозерцания, в чем бы оно ни выражалось – в слове, в сказании или в вещественном памятнике, обычае и обряде» [Потебня 1976 : 426]. В действительности, по мнению О. Фрей-

денберг, «таким же мифом служат и действия, и вещи, и речь, и «быт» первобытного человека, т.е. все его сознание и все то, на что направлено это сознание» [Фрейденоберг 1978. Цит. по: Маковский 1996 : 18]. «Мифология как способ глобального концептирования немислима вне парадигматического аспекта, вне неразрывного единства мифологического повествования (сюжетов, событий) и мифологических представлений (мироощущения, мифической картины мира)» [Раевский 1985. Цит. по: Маковский 1996 : 18]. Для исследования миф доступен только в виде образного и словесного следа, в то время как живой самовоспроизводящийся миф есть особый тип мышления, хронологически и по существу противостоящий историческому и естественнонаучному типу мышления [Топоров 1988. Цит. по: Маковский 1996 : 19].

Таким образом, мифологическая картина мира послужила определенной базой для формирования и развития представлений человека о мироздании. Но ее польза намного шире, поскольку она не только помогала людям на первобытных этапах выживанию и осмыслению окружающего их мира, но и способствовала трансформации полученных о ней знаний последующим поколениям. Ее путь достаточно протяженный и проходит через умы античных мыслителей, религиозные воззрения Средневековья и сменяется в XVII в. научным мировоззрением. В современном же индивидуальном мировоззрении научная картина мира в состоянии сочетаться и с религиозной, и с мифологической, поскольку для мифологического представления нет потребности в знаниях и доказательствах, ему необходима лишь вера.

1.2 Зарождение и эволюция сказочного нарратива

В период развития цивилизации (3000 г. до н. э. – 476 г. н. э.) человек пользовался сказкой, скорее всего, как одним из способов выражения эмоций и внутренних переживаний. Этот жанр устного народного творчества очень под-

ходил для этого, поскольку представлял собой короткий, придуманный рассказ с небольшим количеством персонажей, а сюжет связывался с каким-то одним основным эпизодом. К тому же отличительной чертой сказки, по мнению известного отечественного ученого-фольклориста В.В. Проппа, является тот факт, что ни сам автор, ни читатель не верят в её содержание. Присутствие же вымышленного и волшебного направлено на рефлексию таящихся в ней красоты действительности и различие истин [Пропп 1998]. Подобного рода рассказы передавались от поколения к поколению и проделывали большой путь во времени, начиная от греческих мифов, рассказов Средневековья, более известных сказок XVIII в. и вплоть до настоящего времени. В научных кругах бытует мнение и о том, что происхождение большинства сказок вполне объяснимо теорией моногенеза, т.е. их распространение происходило за счет миграции человека. Однако существует и противоположное мнение, основанное на теории полигенеза, согласно которой в совершенно разных частях нашей земли почти в одно и то же время имело место появление неких закономерностей человеческой мысли, послуживших отправной точкой формирования единого человечества. Поэтому изучение и обобщение материала фольклора разных народов позволяют констатировать, что общие всему человечеству законы логики и психологии, общие явления в быту и в семье, общие пути развития культуры должны были предельно одинаково отразиться в народном творчестве. Так появилась теория самозарождения сюжетов, или антропологическая теория [Эпоева 2007; ЛС 1990].

Формирование фольклористики во второй половине XIX – начале XX в. создало предпосылки для формирования сравнительно-исторического метода, открывшего пути совсем иного изучения фольклорных произведений с последующим зарождением и формированием школы сравнительной мифологии, одним из первых представителем которой был русский ученый А.Н. Афанасьев (1826–1871), собравший в своем сборнике «Народные русские сказки», более 600 сказок из разных уголков страны. С этого момента сказка начинает за-

воевывать все большую популярность среди не только детей, но и взрослых, как в России, так и повсеместно в Европе. Следует отметить, что термин «сказка» общеизвестен и понятен, тем не менее его этимология несколько туманна и расплывчата. Лингвистический анализ многочисленных источников зарождения и эволюции сказки свидетельствует о том, что в разных языках термин «сказка» воспринимается и трактуется далеко неоднозначно. Латинский термин *fabula*, например, многозначен и интерпретируется не только как *разговор, сплетня, предмет разговора*, но и как *рассказ, сказка и басня*. Смысловое значение «басня» оно имеет в немецком языке (нем. *Fabel*). В Европе фольклорная сказка практически никак не интерпретировалась и для ее обозначения употребляли самые различные слова. Первое упоминание термина в немецком языке относят к 1500 г. в значении краткое повествование. Немецкий же язык использует термин *Märchen* – *короткий рассказ (kurze Erzählung)*, берущий свое начало от слова *Mär* или *Märe* (высок., устар., *сказание, легенда; странная [невероятная] история*) с добавлением уменьшительно-ласкательного суффикса *-chen*. Наряду с этим существуют и такие прилагательные, как *mären* (*возвещать, рассказывать*) и *mär-i* (*известный*). Следовательно, *Mähre* – это своего рода сообщение о чем-либо, что известно или заслуживает того, чтобы стать общеизвестным [Rölleke 1983]. Словарь Дудена [Duden 1963] трактует термин как новость *Nachricht*, сказание *Sage*, форма которого с XIII в. постепенно закрепляется в значении «сказка». Значимым при этом является то, что первоначально термину *Mähre* было присуще положительное значение. Но со временем, как и многие другие термины с уменьшительным значением, его смысл получил иной семантический оттенок и стал обозначать некие неправдоподобные и придуманные истории. В качестве примера можно назвать возникшие в этот период времени понятия *lugmaere* и *tandmaere* [Lüthi 1990]. Оба термина применялись для обозначения выдуманных, невероятных повествований, которые сохранились до настоящего времени, например, *лживые сказки* или *рассказывай эту сказку кому-нибудь друго-*

му! Русский язык до XVII в. использовал для характеристики этого жанра народного творчества термины *баснь* или *байка*. И только в XVII в. слово «сказка» начинает обозначать все виды устной прозы, для которой характерен поэтический вымысел, и восприниматься до середины XIX в. как забава или развлечение для детей и низших слоев общества. В настоящее время в немецкой лингвокультуре приняты следующие трактовки понятия «сказка»: «Ein Märchen ist eine ursprünglich überlieferte Erzählung, die wunderbare Begebenheiten schildert. Unter Märchen verstand man unwahre, wunderbare Geschichten, die man sich zum Spaß und zum Zeitvertreib erzählte [Wilpert 2000]. То есть сказка – первоначально устно передаваемый рассказ, в котором описываются чудесные события, происшествия. Под сказками понимали выдуманные удивительные истории, которые рассказывались для времяпрепровождения и забавы. «Unter Märchen werden mehrgliedrige, handlungsfreudige Erzählungen wunderbaren Inhalts verstanden, die keinen Anspruch auf Glaubwürdigkeit erheben und unabhängig sind von den Bedingungen der Wirklichkeit mit ihren Kategorien Zeit, Raum und Kausalität» [Röhricht 1976] – данная интерпретация сформулирована немецким лингвистом Л. Рёрихом, с которым мы полностью солидарны. Под сказками, по мнению ученого, следует понимать рассказы с радостным, веселым содержанием, которые недостоверны и независимы от условий действительности с их категориями времени, пространства и причинности.

С такой трактовкой согласен и отечественный собиратель сказок А.И. Никифоров, утверждающий, что сказка является бытующим в народе устным рассказом, цель которого заключается в его развлечении и содержащем необычные повседневные фантастические или житейские события, характеризующиеся специальным композиционно-стилистическим построением [Никифоров 1930].

Интересная версия представлена в исследованиях отечественного фольклориста Э.В. Померанцевой, которая под данным жанром понимает эпическое устное художественное произведение, преимущественно прозаическое,

волшебное, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел. Именно установка на вымысел кардинально отличает сказку от других жанров устной прозы: сказа, предания и былички, т. е. от рассказов, имевших место, не обращая внимания на их маловероятность и фантастичность [Померанцева 1963].

В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона под сказкой понимается фантастический рассказ, не имеющий жесткой привязанности к определенному месту и времени и передаваемый из уст в уста (а иногда и письменно), либо странствующий от народа к народу, возможно, привязанный к старым мифам рассказ народного творчества (народная сказка), или произведение одного отдельно взятого автора (литературная сказка) [ЭСБЕ 1996].

И только в XIX в. благодаря сборникам братьев Гримм и Г.Х. Андерсена сказки стали обозначать определенный род повествования. Это свидетельство того, что языковые корни позволили этому жанру народного творчества стать одной из древнейших форм культурного достояния, сохранять его на протяжении веков и передавать в устном пересказе из поколения в поколение. Однако конкретных научных доказательств о возрасте и происхождении сказки вплоть до настоящего времени нет. Наши наблюдения позволяют отметить существование ряда теорий о времени возникновения и месте происхождения сказок. Одни исследователи их возникновение датируют каменным веком, другие высказывают мнение, что их зарождение начинается с раннего Средневековья. Спорным является также предположение считать местом их происхождения Индию, Египет, Вавилон или Крит. Отсутствие четких подтверждений о происхождении данного жанра устного народного творчества не является все же полной лакуной. На территории Древнего Египта, Греции и Рима, Индии, Персии и даже России были обнаружены некоторые письмена на папирусе с различными мотивами из европейской сказочной культуры, которые указывали на повествования, похожие на сказочный стиль [Lüthi 1990]. Конечно, о наличии сказок в те далекие времена можно лишь догадываться. Повествования,

содержащие мотивы народных сказок, обнаруженные в Древнем Египте, по своей сути не были народными сказками и адресовались высокообразованной знати. Здесь нельзя не отметить и присутствие мотивов в повествованиях о Геракле, Персее, в которых лишь усматриваются сказочные схемы основного смысла и построения. Более заметно существование элементов в греческих сказаниях и повествованиях, сходных как с мотивами, так и с построением отечественной сказки. Тем не менее отнести к жанру сказки лишь отдельные элементы, по нашему мнению, будет грубой и безосновательной ошибкой, поскольку подобного рода сущностные черты могли быть позаимствованы из мифов и былин. То же касается и дошедших до нас литературных источников Средневековья, отдельные элементы которых несут в себе определенные мотивы народных сказок.

Немецкая литература отличается разнообразием устной прозы, представленной в виде *саги*, *легенды*, *мифа*, *басни*, *сказки* и *шванка*, которым присущи свои особенности и своя история. Термин «сага» в переводе с древнеисландского означает *сказание*. В XX в. его стали часто использовать в ироническом контексте, подразумевая большое и растянутое повествование. В действительности оно может иметь и небольшой объем, но в нем всегда заложен глубокий смысл. По определению немецкого германиста и фольклориста Ф. Ранке, *сага* представляет собой передаваемый от поколения к поколению рассказ о необычайных событиях, преподносимый рассказчиком и воспринимаемый аудиторией как достоверный [Ranke 1935], т.е. это своего рода повествование в виде мифа или легенды, в реальность существования которых можно поверить. Большинство немецких саг сходно с сагами других народов Европы. Они повествуют о стихийных природных невзгодах, одухотворенных и предстающих перед нами в виде злых или добрых духов. Очень распространенными и популярными являются саги о гномах, великанах, лесных и водяных духах. От сказок они отличаются главным образом большим количеством излишних сведений, например, упоминанием личных имен, названий других

стран, городов, местностей, географических сведений и др. По своей сути сага очень близка к *легенде*, которую «Словарь русского языка» С.И. Ожегова трактует как поэтическое предание о каком-нибудь историческом событии [Ожегов 1983 : 282–283]. В основе легенды лежит сказка или рассказ, дошедшие до нас путем передачи из поколения в поколение. Этот жанр, отражающий более правдиво определенные события или место, хотя, практически, с позиции истории подтвердить их невозможно, получил широкое признание.

Миф как универсальный источник осмысления и интерпретации разнообразных феноменов действительности остается в центре внимания деятелей науки, культуры и искусства и на рубеже XX–XXI вв. По замечанию одного из наиболее ярких исследователей сравнительной мифологии в современном мире А.В. Ващенко, «сегодня о мифе не пишет разве что только ленивый» [Золотова 2014 : 651–657]. Миф (греч. *mythos* – слово) представляет собой некий рассказ, который в вымышленной форме объясняет древнему человеку непонятные явления из окружающего его мира. «Словарь русского языка» С.И. Ожегова определяет этот жанр как «древнее народное сказание о легендарных героях, богах, о происхождении явлений природы или же недостоверный рассказ, выдумку [Ожегов 1983]. Более пространное определение этого понятия представлено в «Большом толковом словаре» С.А. Кузнецова: «1. Древнее народное сказание о богах и обожествлённых героях, о происхождении мироздания и жизни на Земле. 2. Вымысел, измышление; ложь, *миф* о необыкновенной силе кого-л. || О чём-л. фантастическом, неправдоподобном, нереальном. 3. Оторванное от действительности изложение каких-л., событий, фактов, основанное на их некритическом, ошибочном истолковании» [БТС 1998 : 546]. Отсюда следует, что миф, повествуя о людях, богах, подвигах и происхождении мира, помогал древнему человеку налаживать отношения с окружающей его действительностью. Он имеет непосредственную связь со сказкой о животных и волшебной сказкой, поскольку древнейшие представления о животных-тотемах находят как раз свою экспликацию в этом жанре. В

волшебной же сказке роль животного-тотема заключается в оказании волшебной помощи герою. Данный вид сказки доносит до нас древний обряд перехода молодого человека через целый ряд испытаний в мир взрослых. Если миф доносит до нас общее понимание местонахождения человека в упорядоченной системе земных и божественных сил, то сказке, с ее подробностями быта, семейного уклада, обычаев и перенесенными из обычной жизни в вымышленный мир персонажами, присуще максимальное сближение с окружающей человека жизнью.

Наряду с сагой, легендой и мифом *басня* является одним из древних видов устного народного творчества. Ее полное определение мы находим в «Большом толковом словаре» С.А. Кузнецова: «1. Жанр (обычно короткого стихотворного) нравоучительного или сатирического рассказа, иносказательно изображающего людей и их поступки; рассказ в таком жанре. 2. Выдумка, небылица; пустые разговоры, болтовня» [БТС 1998 : 61]. О наличии этого жанра свидетельствуют не только шумерские и вавилонские клинописные таблички, но и тексты Библии. Но как самостоятельный жанр, не зависимый от контекста, басня появляется только в греческой литературе в VIII–VI вв. до н. э., а ее родоначальником считается легендарный древнегреческий поэт-баснописец Эзоп.

Из дошедшей до нас из раннего Средневековья литературы на латинском языке можно отметить истории из немецкого фольклора, так называемые шванки (от средневерхненемецкого *swanc* – *веселая идея*). «Энциклопедический словарь» определяет его следующей формулировкой: «нем. Schwank, букв. – шутка), жанр немецкой городской средневековой литературы. Короткий, полный сочного комизма рассказ (иногда пьеса) в стихах или прозе, часто сатирического и назидательного характера» [Ласкавцева 2001; СЭС 1981]. В германистике он понимается следующим образом: «Im späten Mittelalter und bis 16. Jh. scherzhafte Erzählung oder possenhafte kurze Komödie, volkstümlich, oft sehr derb, mitunter sogar zotenhaft, in der Mehrzahl zu sog. Schwankbüchern zu-

sammengefasst» / В позднем Средневековье, и особенно в XVI в., шуточные повествования или краткая смешная комедия, обобщенная в народных, часто грубоватых, иногда даже в непристойных, собраниях шванков [Kosch 1956]. Шванки создавались как для развлечений, так и для поучений. В них высмеивались жадность, глупость, невежество и другие пороки, а также поощрялись положительные качества людей. В немецком фольклоре героями этого жанра были простые крестьяне, мастера и ремесленники, бедняки, студенты, судьи, духовные служители и др. В XX в. этот жанр практически вытеснен другими комическими видами сочинений, в основном анекдотом.

В Германии XVI в. литературе отводится значительная роль – она получает тесную связь со школой. Поэзией занимаются большей частью школьные наставники, в литературе же превалирует морально-наставнический оттенок и религиозно-догматическое содержание, поскольку она должна была служить распространению и укреплению лютеранского учения. Формировавшееся под влиянием гуманизма и Реформации буржуазное мировоззрение продолжало развиваться и укрепляться. Его проявление просматривается в литературных жанрах, в том числе и в значительном объеме дошедших до наших дней немецких рассказов и повествований, несущих в себе сказочные мотивы, которые можно уже назвать сказками. Более того, появляются и книжные сказки, которые остаются популярными и в наши дни [Karlinger 1983].

Литература XVII в. испытала не только влияние тридцатилетней войны, которая нанесла Германии огромный экономический и духовный урон и затормозила ее развитие на десятилетия, но и формирования территориального абсолютизма. Значительный урон был нанесен и немецкому языку. Помимо доминирующей роли латыни в ученых кругах, немецкая интеллигенция предпочитала разговаривать на французском или итальянском языках, стыдясь своего родного, считая его грубым языком ремесленников и крестьян.

В эпоху Просвещения сказка воспринималась в обществе с большой долей иронии. Причиной тому было и не выясненное до конца само понятие

«сказка», и ее конкретное предназначение, поскольку у одних она ассоциировалась с простонародным рассказом или басней, а у других – с литературной новеллой. В это время многие немецкие лингвисты, в том числе и братья Якоб и Вильгельм Гримм, занимались глубоким исследованием сказок. Их «Немецкие пересказы», а также «Детские и семейные сказки» послужили для многих немецких и зарубежных ученых-лингвистов и литературоведов наглядным примером и побудили к интенсивному сбору и обработке произведений этого жанра народного творчества. Понятие «сказка» подразумевало народную сказку, тем не менее обозначало и литературную сказку. В то же время делались попытки дать определение и литературной сказке. Приоритет в этой деятельности принадлежит Я. Гримму, который одним из первых увидел отличие литературной сказки от народной.

Стремясь к максимальному сохранению колорита, языка и духа народа, Якоб и Вильгельм Гримм собрали и обработали более двухсот сказок. Им принадлежат, например, сказки «Schneewittchen» / «Белоснежка», «Die goldene Gans» / «Золотой гусь», «Das tapfere Schneiderlein» / «Храбрый портняжка», «Die Bremer Stadtmusikanten» / «Бременские музыканты», «Die zwölf Brüder» / «Двенадцать братьев», «Hänsel und Gretel» / «Гензель и Гретель», «König Drosselbart» / «Король Дроздобород», «Schneewittchen» / «Снегурочка», «Der goldene Schlüssel» / «Золотой ключик» и многие другие [Нечай, Поверенная 2019].

Во второй половине XVII в. французский писатель Ш. Перро издает восемь сказок, семь из которых были народные («Спящая красавица», «Красная шапочка», «Кот в сапогах», «Госпожа Метелица», «Золушка» и др.), на простом языке, без какого-либо приукрашивания и добавления. Волшебство в них выполняет роль перехода от обычного естественного к сверхъестественному. Сказки Ш. Перро повествуют о нравах и обычаях той далекой эпохи, перед нами предстают картины с прекрасными замками и дворцами, сказочные феи и светские дамы со своими прихотями, добрыми и злыми поступками. Выход в

свет сказок Ш. Перро стал толчком к основательному пересмотру существовавших в то время взглядов и подходов к устному народному творчеству в Германии.

XVIII столетие оказалось поворотным моментом в изучении сказки, началом не только целенаправленного их собирания, но и первых попыток интерпретации их содержания, в том числе и такими учеными, как И.И. Винкельман, И.Г. Гаман, И.Г. Гердер, К.Ф. Моритц и др. Так, например, К.Ф. Моритц представляет их интерпретацию с поэтической позиции, а И.Г. Гердер видит в них символическое отражение древних забытых верований. Наряду с этим существовало и другое направление – символическая школа, самыми известными представителями которой были Ф. Кройцер (F. Creuzer) и Й. Гёррес (J. Görres). В данном случае мы наблюдаем интенсивное стремление мыслителей того периода времени к поиску чего-то нового, более жизнеутверждающего и явное разочарование в христианском учении.

Анализ значительного количества сказок, в том числе и волшебных, свидетельствует о том, что в классической сказке создается достаточно жесткая и упорядоченная структура из двух, а большей частью из трех испытаний героя. Почти в каждой из них есть первое испытание, которое впоследствии приводит к получению чудесного средства, выступает неким преддверием к основному подвигу. Иногда имеет место и третий этап, своего рода уточнение или идентификация победителя. Заключительный финал – это, как правило, женитьба на царице и получение половины царства.

Наиболее ценным и перспективным достижением этого периода в немецкой национальной литературе было представление об исторической картине мира, которая была предначертана И. Гердером и Г. Гегелем. Речь идет о единстве человеческого рода, миссия которого заключается в делах при жизни, а не после смерти, а также в постоянном стремлении к новым, более высоким формам общественного сосуществования, к постоянному совершенствованию рода человеческого. Литература этого периода начинает сознательно вписы-

ваться в национальный и всемирно-исторический образовательный процесс и направлена на его продвижение большими творениями человека. Национальная литература стремилась быть таковой, объединяя в себе лучшие достижения мировой литературы, становясь частью мирового искусства. Эпоха Просвещения повлекла за собой основательное переосмысление нравственного, политического и социального уклада жизни и, как следствие, значительные изменения и в устном народном творчестве, в том числе и в рамках сказки.

К середине XVIII в. вследствие влияния Востока и перевода сказочного цикла «Тысяча и одна ночь» общество начинает снова проявлять большой интерес к волшебному миру сказки. В Европе, в том числе и в Германии широкую популярность приобретают сказки о феях.

К началу XIX в. в распоряжении лингвистов и ученых оказалось значительное количество сказок, требовавшее проведения определенной упорядоченности в рамках этого жанра [Нечай, Поверенная 2019].

Европейская зарубежная сказка характеризуется как своим объемом, так и разнообразием героев: «Бездушный», «Белый волк», «Бенедикт и повелитель гномов», «Бережливый и расточительный», «Гамельнский крысолов», «Говорящий осёл», «Золотые овечки», «Как мальчик учился колдовать», «Королевич-пастух», «Лебединое озеро», «Повелитель гномов и его невеста», «Портной Ганс и звери-всезнайки», «Рюбецаль и Анна», «Силач Готлиб», «Шапка-невидимка» и многие другие. Русский сказочный мир изобилует не меньшим богатством персонажей: «Баба-Яга», «Белая уточка», «Василиса Прекрасная», «Волшебная дудочка», «Волшебное кольцо», «Гуси-лебеди», «Заколдованная королева», «Иван-царевич и серый волк», «Крошечка-Хаврошечка», «Мальчик-с-пальчик», «Морозко», «Морской царь и Василиса Премудрая», «Никита Кожемяка», «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», «Сивка-бурка», «Сказка о молодильных яблоках и живой воде», «Снегурочка», «Царевна-лягушка» и др.

Период XX в. отмечен новым поворотом внимания общественности к жанру сказки. Она снова уносит взрослых и детей в волшебный мир, полный тайн и глубины, снова возрождает сказочное царство, дистанцируясь в поисках новых форм от устоявшихся традиций и становясь более свободной. Авторы народного жанра пытаются трансформировать сюжеты и элементы волшебного и фантастического в условия современной жизни, вплетая их в художественную ткань лексических единиц, обозначающих реалии современной действительности. Композиция сказки на данном этапе более подвижна, не подвластна традиционным канонам и свободна в плане интерпретации закрепленных временем общепринятых мотивов. Сказка наполняется элементами иронии, пародии, юмора, игры, гуманности и демократизма. Фольклорная традиция подвергается глубокому переосмыслению и одухотворяется новой и современной жизнью. Реальное и вымышленное настолько переплетаются и теряют границы, что становятся практически равноправными. Множество современных сказок отличаются также и многообразием сюжетов. Тем не менее они, на наш взгляд, лишены дидактической наполненности, что нельзя сказать о фольклорных сказках. Основная их цель заключается в развлечении аудитории и отвлечении её от злободневных проблем окружающей действительности. Сказка наших дней по сравнению с традиционной значительно превосходит ее по объему и разнообразию присутствующей в ней лексики, сложности синтаксических построений и наличию большого количества диалогов. Эти особенности способствуют приближению читателя к непосредственной действительности и помогают более полно раскрыть образы, характеры и поступки действующих лиц.

Несмотря на всю сложность и витиеватость современной сказки, основополагающим все же событием в истории становления и последующей эволюции немецкой народной сказки было издание в 1812 г. собрания «Детских и домашних сказок» братьями Гримм. С этого момента во всей Европе по их образцу стали собирать, публиковать и тем самым возрождать этот забытый вид

устного народного творчества. Название «Детские и домашние сказки» наводит на мысль, что их содержание предназначено только для детей. Но как известно, народные сказки изначально писались для взрослой аудитории, поскольку заменяли в то время человеку книгу, газету, радио, телевизор и компьютер. Они приносили в однообразную повседневную жизнь простого люда определенное разнообразие, увлекая его в мир грез со счастливым исходом. Нельзя не подметить и то, что стиль отдельных сказок на протяжении веков менялся под влиянием времени и своеобразия каждого народа. Однако, несмотря на национальные, временные и индивидуальные различия, основной тип европейской народной сказки смог сохранить наличие определенных общих черт, в том числе тему и мотив. Главный герой отправляется в путь за счастьем или же находит его случайно, суть которого заключается в получении богатства, невесты, жениха или королевского трона. Но прежде чем что-то из этого получить, герой сталкивается с труднопреодолимыми препятствиями в виде бедности, бездетности, какой-то беды, болезни или смерти матери. Между невзгодами и счастьем выступает конфликт, который герой должен обязательно разрешить, покинув родной дом и отправившись в далекий путь. Во время странствий он не одинок и в помощь получает всякого рода магические средства от волшебников, мудрых женщин или сказочных животных. И, конечно же, симпатия в сказке адресуется всегда герою, хотя он часто глуп и простодушен, но его смелость и доброе сердце покоряют всех. Таким образом, проверка, испытание, освобождение или спасение выступают одной из постоянно повторяющихся тем. Повторяются также и мотивы, суть которых заключается в издевательствах над детьми, их изгнание и проклятие, служение потусторонним силам, борьба с великанами и драконами. Наряду с темами и мотивами люди и вещи в сюжете также имеют свое соотнесение. Главным действующим лицом в каждой сказке является человек. Разного рода другие представители имеют к нему определенное отношение и являются его помощниками или друзьями. Короли, принцессы или родители поручают что-то главному

герою с целью выявления его честности или способностей, черные силы (ведьмы, феи, волшебники, великаны и гномы), напротив, желают его погубить. Герои часто нарекаются именами, которые отражают их личные черты, профессиональные особенности или же широко распространенные в народе имена, например, Ганс или Иван. Большое значение имеют предметы и вещи, например, кольцо или ключ, живая или мертвая вода, столы, платья, дома или мечи, а также растения – цветы, деревья, фрукты и др.

Лингвистический анализ содержания сказочного материала свидетельствует о наличии в нем особых символов и картин. По этому поводу следует вспомнить высказывания известного швейцарского литературоведа и интерпретатора сказок Макса Люти, отмечавшего, что у тех, кто размышляет о сказке, в воображении сразу же всплывают образы принцев и принцесс, королей и королев, свиней и гусынь, лесов, коней, драконов, волков и ведьм, замков и башен, Солнца, Луны, звезд и др. [Lüthi 1995]. С ними могут соседствовать и образы покойной матери, мачехи, феи, гномов, вороны, брата и сестры, обуви, одежды и многого другого. Стихии же Огня, Воды, Воздуха и Земли имеют символический характер.

Специальные названия присущи временам года, а также животным, например, собака обозначает *верность*, коза – сомнение и упрямство, сова – мудрость, голубь – благоразумие и др. [Strüber 1995]. Грозные медведь или лев, если их не обманывают, могут превращаться в прекрасного принца, а уродливая невеста в образе жабы, крысы или обезьяны – в прекрасную принцессу. Двойной образ имеет и картина леса, который служит не только местом, где можно заблудиться, повстречать злых разбойников, ведьм или диких зверей, но и местом сказочных встреч и приключений. Нельзя здесь не упомянуть и один из любимых образов сказки – замок. Это место, где присутствует богатство, блеск и происходят сказочные события, в котором есть двенадцатая или тринадцатая комната, в которую героям вход категорически закрыт, так как в ней скрывается зло [Lüthi 1995].

Сюжет сказки в целом характеризуется появлением конфликта и его решением, т.е. необходимостью преодоления всех трудностей. Трудности или преграды могут заключаться в борьбе или какой-то поставленной сложной задаче, разрешение которой подвластно только герою сказки. Характерным является и счастливый исход. Основные действия и поступки героя сказки могут заключаться в борьбе, постановке и решении поставленных задач, интриге и помощи, нанесении вреда и исцелении, смерти, пленении и освобождении, сватовстве и помолвке, а также в контакте с волшебными или потусторонними силами. Важными темами сказки среди прочего могут быть иллюзия и действительность, превращение ситуации в противоположность, а также победа малого над большим. При этом парадоксы настолько естественны, что почти не привлекают особого внимания. Многие сказки по своему сюжету двойственны, например, после выполнения поставленной задачи, одержания победы, получения награды от невесты или жениха героя или героиню похищают или они оказываются в каком-то другом бедственном положении, которое им приходится преодолевать самим или быть из него кем-то вызволенными. Учитывая двойственный характер сказки, нельзя не отметить и факт ее стремления к изображению действительности в трех процессах: три брата для решения какого-либо дела один за другим покидают дом или же герой должен выполнить одно за другим три поручения, победить трех чудовищ или добыть три волшебные вещи [Lüthi 1995]. По своей сюжетной структуре сказка однонаправленна, имеет четкие, легкообозримые эпизоды, что придает повествованию определенность и ясность. В ней отсутствует подробное представление героев и мест событий, что также способствует доступному пониманию. Предпочтение в сказке отдается грубым контурам, круглым цифрам и широко известным цветовым гаммам. Ход событий всегда определяется не самими героями, а извне, о чем свидетельствуют постановка задач, запреты, условия, советы и всякого рода оказываемая со стороны помощь. Герои действуют в одиночку, а их внутренний мир представлен так же узко, как и герои потусторонних мест.

Наши наблюдения позволяют отметить значительное разнообразие сказочного жанра, что подтверждает не только многовековое существование данного вида словесного искусства, но и его популярность и демократичность во всем мире. Каждый народ вкладывает в него свою специфическую жизненную и социальную философию, определяемую бытом и историей. Между тем сказку понимают решительно все. Она беспрепятственно переходит все языковые границы, от одного народа к другому, и сохраняется в живом виде тысячелетиями [Пропп 2000]. Не менее важен и тот факт, что жизненный период существования этого жанра, трансформируемого из одного поколения в другое, очень продолжителен. Он наполнен не только многообразием художественных средств языка (эпитеты, олицетворения, повторы, песни, образные выражения), но и приёмами вымышленного, иногда чрезмерно увеличенного или уменьшенного фантастического изображения действительности. Такого рода формы, совершенствуясь на протяжении долгого времени, стали традиционными и уже теснейшим образом связаны с укладом жизни немецкого или русского народов. Поэтому комплексное описание и разъяснение национально-культурной специфики коммуникативного поведения представителей обоих этносов способствует профилактике и предотвращению межнациональных недоразумений и конфликтов [Нечай, Шишкина 2015].

Однако, несмотря на отличие немецких сказок от русских существует и много общего, например, сходство стремлений, желаний и надежд, что свидетельствует о совпадении идеалов и конфликтов в жизни обоих народов, т. е. противостояние бедности и богатства, ума и глупости, трудолюбия и лени. Более того, немецкий и русский языки выработали специальные термины для обозначения этих понятий.

1.3 Исторические предпосылки и эволюция теории сказочного дискурса

Современное состояние языкознания свидетельствует об интенсивном развитии и кардинальной смене основополагающих аспектов лингвистических исследований. Это подтверждает тот факт, что основное внимание исследователей XIX в. было направлено в основном на выявление законов языка по уже устоявшимся в других дисциплинах – естественнонаучным и логико-математическим матрицам. Начиная со второй половины XX в. бóльшая часть лингвистов осознала, что тот язык, который подвергался всестороннему изучению, являлся в действительности некой научной абстракцией, не имеющей никакой связи ни с человеческим фактором, ни с процессом коммуникации. Глубокому научному переосмыслению в большой степени способствовали также философия, этнография, психология, культурология, эстетика, семиотика, логика, герменевтика и др. Кардинальные преобразования в научных взглядах и подходах в лингвистике наметили прямой путь для формирования функциональных дисциплин, ориентированных на человеческий фактор. Присутствие человека в качестве субъекта порождения языковых единиц в научной парадигме послужило основой для формирования теории коммуникации и речевого взаимодействия, теории речевых актов, теории текста, теории высказывания, а также новой языковой единицы – дискурса. Сам термин представляет собой объект междисциплинарного изучения. Помимо теоретической дисциплины изучением дискурса занимаются также разного рода науки и исследовательские направления, которые рассматривают дискурс по-своему, тем не менее многие из них внесли определенную лепту в ракурс рассмотрения лингвистического дискурсивного анализа.

В своих исследованиях В.З. Демьянков отмечает, что лексема *discursus* имела место в классической латыни еще в V в. н.э. и понималась как «беседа, разговор» [Демьянков 2005]. Правда, не всегда под этим термином подразуме-

валось значение «беседа». Поэтому мы солидарны с мнением И.Т. Касавина о том, что этот термин появился несколько позже – в период Возрождения [Касавин 2006]. Позднее в латыни средневекового периода «дискурс» приравнивали к слову «текст» или «разговор в размышлении». Начиная с XVI в. этот термин встречается уже и во французских источниках в значении «речь перед собранием людей» [Касавин 2006]. Соседствующие с французами англичане трактовали данный термин примерно одинаково, т.е. «речь» или «разговор». В русской культуре периода XVIII–XIX вв. дискурс понимается как устный монолог.

Во Франции в 1960-х гг. изучение дискурсивного анализа осуществлялось в тесной связи с лингвистикой, психоанализом Ж. Лакана и философией Л. Альтюссера. Цель анализа дискурса обосновывается необходимостью исправления недостатков контент-анализа (анализа содержания), методическая основа которого заключалась в статистической обработке информации, т.е. их систематизации. Основная задача контент-анализа – восприятие материала в форме текста. Отсюда следует, что если при контент-анализе «тексты являются прозрачными для представлений людей, которые они призваны отражать, то анализ дискурса, напротив, принимает к сведению их непрозрачность, отказываясь от их непосредственного проецирования на недискурсивную реальность» [Серио 1999 : 12]. Формирование дискурса во Франции началось в период расцвета структурализма – направления в XX в., получившее бурное развитие и связанное со структурной лингвистикой, основы которой были заложены Ф. де Соссюром. Цель этого направления заключалась в установлении отношений языка и связность с его структурой. В ходе развития данного направления была выработана основа для изучения такого явления, как дискурс, которое не удавалось вписать в общепринятую филологию. Поэтому в структурализме сформировалось новое видение «письма», объединявшее лингвистику, психоанализ Ж. Лакана и философию Л. Альтюссера [Серио 1999 : 12].

Основные направления исследования дискурса в Европе следует начать с французской школы, объединяющей ряд формально-структурных и функциональных лингвистических школ и направлений, которые включают таких франкоязычных исследователей, как М. Пеше, П. Серио, Г. Парре, Э. Бьюиссанс, Э. Бенвенист, А. Греймас, Ж. Курте и др. Время рождения этой школы относится к началу 1960-х гг., а методологическую основу составляют идеи структурализма. Ее представители занимаются изучением дискурса в основном с философской, исторической, социокультурной и политико-идеологической позиций, акцентируя основное внимание на письменном нормативном типе текстов, т.е. на высказывании и его дискурсивном механизме. В данном случае дискурс выступает в виде переосмысления дихотомии Ф. де Соссюра «язык – речь». Что же касается таких понятий, как «дискурс» и «текст», то здесь французская школа, по замечанию Н.С. Бажалкиной, проводит противопоставление по нескольким критериям: процесс – продукт, диалогичность – статичность, актуальность – виртуальность [Бажалкина 2016]. Мы наблюдаем явное отождествление речевой коммуникации с дискурсом.

Своеобразную трактовку и понимание термина «дискурс» уже в лингвистическом плане мы отмечаем и в высказываниях Фердинанда де Соссюра, швейцарского лингвиста, заложившего основы семиологии и структурной лингвистики. В своей работе «Курс общей лингвистики» (1916) ученый употребил термин «дискурс» всего один раз в значении «речь со специальным смыслом», но, по словам В.В. Заложных, он не мог остаться незамеченным [Заложных 2017]. Несколько позже (1943) в свет выходит работа бельгийского языковеда Эрика Ж.Л. Бюиссанса «Язык и дискурс». И в ней термин «дискурс» снова имеет место, правда, в более расширенном противопоставлении «язык – речь», под дискурсом теперь уже понимается некий «проводник» или «медиум», связывающий абстрактную знаковую систему с живой речью [Кожмякин 2008].

Известный французский лингвист Э. Бенвенист, рассматривая дискурс с обычным повествованием в сопоставительном плане с позиции коммуникативной прагматики, приходит к выводу, что в случае с дискурсом говорящий и слушающий всегда находятся на первом плане, при этом иллокуция первого своим образом воздействует на второго [Бенвенист 1974].

М. Пеше в своих работах «Автоматический анализ дискурса» и «Дискурс – структура или событие?» характеризует его как место встречи языка и идеологии, а дискурсивный анализ – как изучение идеологических аспектов использования языка и воплощение в языке мировоззрения. Автор построил модель, представлявшую идею о взаимосвязи места, времени и социокультурных явлений, их влияний на условия производства дискурса [Pêcheux 1969].

Широкое внимание лингвистов привлекла вышедшая в 1969 году работа философа М. Фуко, автор которой представляет «концепцию дискурса как механизм высказывания и как институционный механизм, что отвергает всякий поиск скрытого смысла» [Серио 1999 : 14]. В основе данной работы лежит концепция бессубъектного дискурса, а ее идея видится в том, что дискурс не имеет зависимости ни от его экспликаторов, ни от меняющихся ситуаций коммуникации, а представляется непосредственно на уровне материальной субстанции. По мнению ученого, дискурс является разновидностью мышления и говорения о всевозможных гранях реальности. Дискурс способен нести в себе определенный объем высказываний, касающихся определенной области, и упорядочивать высказывание на определенную тему [Kress 1985]. Подчеркивая в своих исследованиях историческую зависимость дискурса, М. Фуко видит в нем нечто большее, чем определенный набор знаков, присутствие которых необходимо для выражения предметов и явлений. Он рассматривает дискурс в виде множества высказываний, принадлежащих одной формации. Высказывание же, по его мнению, являет собой не словесное высказывание, не языковой порядок знаков, а часть познания человека. «Власть дискурса» заключается именно в том, что он охватывает все возможности для появления

определенных высказываний или действий (дискурсивная практика, по М. Фуко, включает в себя как речевые, так и неречевые действия!) и, следовательно, обладает возможностью управления и направления высказываний [Чернявская 2013].

Франко-швейцарский лингвист и культуролог П. Серио выделил категориальные признаки дискурса: «эквивалент понятия "речь", единица, по размеру превосходящая фразу, высказывание в глобальном смысле»; воздействие высказывания на его получателя и его внесение в «высказывательную» ситуацию; беседа; речь, присваиваемая говорящим в противоположность «повествованию»; противопоставление языка и речи; система ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции. По традиции анализ дискурса определяет свой предмет исследования, разграничивая высказывание и дискурс [Серио 1999]. По мнению П. Серио, высказывание представляет собой некую последовательность фраз, находящихся в рамках двух семантических пробелов, с двумя остановками в коммуникации; дискурс – это высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет [Серио 1999 : 26–27]. Итак, анализ дискурса у французских исследователей представляет собой нечто намного большее, чем собственно лингвистическая интерпретация текстов. Здесь анализ дискурса покидает пространство лингвистики и соединяется с широким историческим, психологическим анализом [Чернявская 2013]. Тем не менее зыбкость границ в трактовке данного термина создает преграду для его окончательного и полного понимания.

Американские лингвисты, по мнению Тёна Адриануса ван Дейка, одного из разработчиков теории речевых актов и анализа дискурса, предначертали в своих работах будущую основу дискурсивного анализа [Дейк 1988]. В статье «Дискурс-анализ» (1952) Зеллиг Харрис рассматривает дискурс чисто формально, т.е. в рамках структуралистической парадигмы, не учитывая при этом ни коммуникативный контекст, ни социальные факторы. Он представляет дис-

курс как последовательность предложений, которые больше, чем таковое [Harris 1952]. Из этого следует, что он пытается выйти за границы предложения, не ограничивает при этом дискурс в объеме и относит к нему как диалогические, так и монологические высказывания. Но при таком подходе дискурс соответствует в большей степени пониманию текста в немецкой лингвистической традиции [Бажалкина 2016]. Следует отметить и то, что основная цель исследования представителей американской школы направлена на вербальную и невербальную коммуникацию, т.е. на интерактивное взаимодействие адресанта и адресата сообщения [Бажалкина 2016].

В своих исследованиях З. Харрис обращает внимание на то, что в случайных предложениях реализация языка не имеет места, а вот в дискурсе мы это наблюдаем. Большею частью, продолжает исследователь, мы можем проводить грамматический анализ текста, но не понимать при этом смысл и не видеть взаимосвязь в предложениях, чего нельзя сказать о дискурсе. Глубокий лингвистический анализ проблемы приводит ученого к мысли о том, что «discourse – that is, the sentences spoken or written in succession by one or more persons in a single situation» [Harris 1952: 3]. / дискурс – это предложения, произносимые или написанные последовательно одним или несколькими лицами в одной ситуации. В 1957 г. З. Харрис приходит к заключению о необходимости расширения анализа трансформацией и рассматривает уже каждое предложение как результат преобразования ядерного предложения в реальную фактическую форму, что позволяет установить значительное число закономерностей в объеме целого текста. По его мнению, именно через дискурс-анализ мы в состоянии понять текст и смысл каждого его отдельно взятого составного элемента и, следовательно, выстроить нужный тип дискурса.

Вопросы изучения дискурса затронуты также в работе известного лингвиста Британии Дэвида Кристала «Кембриджская энциклопедия английского языка», в которой он отводит данному вопросу значительное место в разделе «Разновидности дискурса» (Varieties of Discourse) [Crystal 2003 : 286–297]. Од-

нако прямого определения понятия «дискурс» мы в данном разделе не находим. Основное внимание автор акцентировал на разведении данного понятия на «устный дискурс» и «письменный дискурс», выделив при этом также «смешанный дискурс» [Crystal 2003 : 290–293]. Далее, Д. Кристал, поставил косвенный знак равенства между понятиями «дискурс» и «связная речь или связная письменная деятельность», отмечая при этом, что построение необходимой связной речи или осуществление определенной письменной деятельности в виде монолога или диалога связано с использованием лексических и грамматических ресурсов языка, необходимость которых обусловлена поиском путей, которые позволят реализуемому контексту свободно протекать и трансформировать необходимые нюансы [Там же]. Следовательно, Д. Кристал под дискурсом подразумевает прежде всего «устный диалог» и только потом – «письменный дискурс», в рамках которого он склонен проводить анализ текстов в виде «коммуникативных продуктов», выступающих с определенной целью и взаимосвязанных с «ситуацией».

Другой американский исследователь Д. Шиффрин объясняет зыбкость границ в определении понятия «дискурс» наличием формальной и функциональной научных парадигм. Сторонники формальной парадигмы придерживаются мнения, что дискурс – это уровень лингвистической структуры, превышающий предложение, т.е. практически они приравнивают дискурс к тексту. Их оппоненты – сторонники функциональной парадигмы трактуют дискурс как речь, наличие которой позволяет осуществлять общественное взаимодействие. Для понимания дискурса, по мнению Д. Шиффрина, существует настоятельная необходимость в интеграции этих учений в формально-функциональное. Такая точка зрения побуждает рассматривать дискурс как некое соединение функционально организованных в контексте единиц языка. Единицей же дискурса выступает высказывание. По мнению ученого, дискурс уже не может находиться в границах лингвистики, поскольку исследование языка приходится проводить с привлечением разных граней коммуникации.

Происходит отождествление дискурса с речью, речевой деятельностью, а это переводит внимание как на процессуальность, так и на взаимосвязь с условиями социальной обстановки. Из этого следует, что данное направление склонно в большей мере двигаться по пути социальных, а не лингвистических исследований, поскольку в этом случае лингвистика вместе с социологией и психологией стремится к установлению коммуникативных намерений адресанта и адресата сообщения [Schiffrin 1990 : 97–100].

Немецко-австрийская школа анализа дискурса выделяется тем, что в последние годы в научных исследованиях ее представителей помимо теоретической направленности, начинает все больше выходить на первый план прагматический, институциональный аспект. Так, в немецкоязычном лингвистическом сообществе вышло в свет значительное количество работ немецких (И. Визе, А. Реддер) и австрийских лингвистов (П. Новак, Ф. Менц), в центре внимания которых дискурс рассматривается, например, уже во взаимоотношениях между врачом и пациентом. В прагматическом ключе изучению подвергается и ряд других индивидуальных типов дискурса: юридический дискурс, дискурс культуры и средств массовой информации, политический дискурс и т.д.

К основным представителям немецкой школы дискурсивного анализа относятся У. Маас, Ю. Линк, З. Егер. Их взгляды сформировались с опорой на основные постулаты теории дискурса М. Фуко. В Германии термин «дискурс» появляется в научных исследованиях в 1990-х гг. Правда, термин понимается исследователями неоднозначно и можно отметить несколько направлений в его понимании. Первое направление – это классический анализ текста (исследования Г. Брюннера, Р. Филера, В. Киндта) и лингвистический дискурс-анализ (*linguistische Diskursanalyse*) (работы Д. Буссе, Ф. Херманнса, В. Тойберта, Г. Штётцеля). В этом ключе исследования проводит со своими единомышленниками и М. Юнг, акцентируя внимание на корпусно-ориентированном дискурс-анализе (*korpusorientierte Diskursanalyse*), суть ко-

торого заключается в возможности определить ключевые лексемы, характерные для определенной текстовой структуры, и выявить основные приоритеты и ценности, сделав опору на устойчивость и частотность словосочетаний, выступающих в контексте.

Другое направление – общественно-научный дискурс-анализ (*sozialwissenschaftliche Diskursanalyse*), который исследуют З. Егер и Ю. Линк – последователи М. Фуко.

Дискурс-анализ связан также с социологическим направлением, разработкой которого занимается Р. Келлер. Научные изыскания этого ученого направлены на коммуникативное конструирование социальных практик и процессов, стабилизацию и трансформацию символических порядков, а также их последствий: законов, статистики, классификаций и т.п. Практики в этом смысле «являются одновременно результатом дискурса и предпосылкой для новых дискурсов» [Олешков 2006 : 107]

Термин «дискурс» мы встречаем и в работах немецкого философа Ю. Хабермаса, основная идея которого заключается в том, что правила речевого действия могут стать темой разговора, дискуссии, одним словом, дискурса [Пуанкаре 1983]. Научные взгляды Ю. Хабермас основаны на лингвофилософских идеях Наома Хомского, Джона Остина и Джона Сёрла. Американский исследователь Н. Хомский в своей книге «Аспекты теории синтаксиса» проводит кардинальное различие между *компетенцией* (знание своего языка говорящим – слушающим) и *употреблением* (реальным использованием языка в конкретных ситуациях) [Хомский 1972]. По утверждению Н. Хомского *употребление* как раз и есть проявление *компетенции*, именно оно связано с мышлением и опытом человека. Наличие такого рода полученных знаний, навыков, умений и было затем обозначено термином «*компетентность*».

Д. Остин и Д. Сёрл, исходя из теории речевых актов придерживаются мнения, что высказываниям (предложениям) присуще практическое значение, поскольку продуцент берет на себя роль спрашивающего, соглашающегося,

ставящего задачу и т.д. Поэтому именно в речевых актах, считает Д. Серль, заложены правила коммуникации.

Ю. Хабермас понимает под дискурсом некий вид речевой коммуникации, обусловленный критическим рассмотрением ценностей и норм социальной жизни [Хурматуллин 2009]. Исследователь пытается вписать дискурс в рамки тех категорий, функция которых направлена на закрепление системы общественного действия (коммуникативное, тактическое, нормативное действие). По его мнению, коммуникативная модель действия в плане создания постоянных, устойчивых, законных отношений и прочных личностных структур, является самой эффективной. Дискурс, как вариация общественно-направленной практики снабжает, поддерживает и воплощает в жизнь коммуникативное действие, формируя идеальную поведенческую модель. «В нормативном аспекте дискурс осуществляется при соблюдении ряда правил (например, правила полноправного участия в дискурсе всех участников или правила достижения аргументированного согласия), что задает потенциальную позитивную значимость дискурса в аспекте достижения солидарности и интеграции общества» [Кожемякин 2008 : 9]. Основной идеей Ю. Хабермаса является тот факт, что правила речевого действия могут стать темой разговора, дискуссии, одним словом, дискурса. Дискурс – это больше, чем свободный разговор, в котором собеседники не думают о соблюдении правил речевой коммуникации [Мотрошилова 2000]. С точки зрения ряда современных исследователей, в политической философии Ю. Хабермаса присутствует семантически многозначный и лингвистически довольно расплывчатый термин «дискурс», совпадающий практически с диалогом. Интерес представляет по этому поводу и замечание О.Ф. Русаковой о том, что дискурс, по Ю. Хабермасу, «представляет собой диалог – согласование спорных притязаний на значимость с целью достижения согласия» [Русакова 2007 : 54]. Тем не менее не любой диалог может стать дискурсом, а лишь тот, который способен обеспечить коммуникативную компетентность. Например, у Ю. Хабермаса для этого состояния использован

термин «Mündigkeit» (совершеннолетие), т.е. подразумевается именно такой диалог, который в рационально-лингвистическом смысле уже преодолел стадию «детского состояния» [Зайцева 2012 : 75–98].

Несмотря на то что немецкая и французская школы имеют одинаковую социально-историческую основу, между ними есть и некоторые отличия. Если в теории археологии знания М. Фуко основная опора делается не на лингвистический аспект, то немецкие исследователи в анализе дискурсивного единства основной акцент делают именно на данный аспект, что можно четко видеть в высказываниях У. Мааса, который рассматривает дискурс в виде текста, который выступает выражением или частью социальной практики, детерминирующей определенное количество возможных текстов, выражающих ту же самую практику [Maas 1984]. В данном случае мы четко видим, что правила дискурса выступают характеристикой высказывания или текста, которые потенциально допустимы в одной социальной практике. В работах Ю. Линка дискурс трактуется в виде институционально закрепленной манеры говорения, поскольку она направлена на определение и закрепление действий и осуществление власти. По мнению исследователя, дискурс несет в себе знания из специальной области, которые урегулированы, институционализированы и связаны с определенными действиями [Link 1983]. В данном случае роль дискурса заключается в регулировании инстанции, формирующей сознание. При этом соединяющим элементом дискурса выступают коллективные символы, представляющие культурные стереотипы, которые коллективно используются [Drews, Link 1985]. Благодаря запасу коллективных символов, которые знают все члены общества, в распоряжении имеется репертуар образов, с помощью которых они составляют для себя целостную картину общественной действительности (например, политического ландшафта), истолковывают эту действительность или получают уже истолкованной через СМИ [Becker, Link 1997]. По мнению Ю. Линка, коллективные символы – выразители коллективного бессознательного, обеспечивающего связь между языковыми и неязыковыми

феноменами дискурса. Из сказанного следует, что представители немецко-австрийской научной школы дискурс рассматривают в виде свода текстов одной тематики, в котором основное значение отводится не количественному, а качественному составу, поскольку при таком подходе анализу подвергаются как политико-идеологические, так и социокультурные практики.

В XVII–XIX вв. термин «дискурс» в русистике встречался в основном в художественной литературе в значении устного монолога. В начале XX в. термин начинает использоваться для замены слов «речь» или «разговор». В гуманитарных дисциплинах XIX в. мы отмечаем присутствие прилагательного «дискурсивный», как правило, уже в значении «рассудочный», предполагающего отношение мысли к монологической речи, т.е. в смысле «связанный монолог». Спустя некоторое время появилось уже производное от него понятие «дискурсия», которое остается в научном обороте до сих пор, но уже в двух ипостасях – «дискурсивный» и «дискурс». Несмотря на достаточно раннее появление этого слова в русской гуманитарной науке, о существовании термина «дискурс» в трудах по теории речи М.В. Ломоносова, И.С. Рижского, М.М. Сперанского, Н.Ф. Кошанского, К.П. Зеленецкого и других авторов, опиравшихся на античные традиции, говорить не приходится. В то время в научном обиходе очень популярно было понятие «речь». Исключением можно назвать употребление лексемы «дискурс» вместо понятия «речь» в латиноязычных руководствах по риторике, вышедших в ломоносовский период [Горбунова 2012]. По замечанию Е.А. Кожемякина, в широком лингвистическом плане явление «дискурс» до конца 1960-х гг. практически не употреблялось, при этом, в него вкладывались большей частью такие понятия, как «текст», «речь», иногда «коммуникация» и «язык». Причиной тому было возникновение и развитие семиотики как общей теории знаковых систем, поскольку согласно ее теории язык проявляет себя и в графическом изображении, и в вербальном тексте, и в телесных жестах, и в иных знаковых формах [Кожемякин 2008].

В рамках изучения организации текста связной речи наблюдается присутствие широкой полемики как относительно определения самого термина как объекта исследования, так и самой области, в которой осуществляется изучение текста. Так, не все лингвисты согласны с появившимся в языке и не совсем удачным словосочетанием «лингвистика текста». Вместо этого словосочетания они стали использовать термин «дискурс», который не обладал достаточной семантической однозначностью. В «Кратком словаре терминов лингвистики текста» Т.М. Николаевой его полисемичность дескриптивно представлена достаточно подробно: «Дискурс – многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [Николаева 1978 : 467]. Такой резкий отход от понятия речи к термину «дискурс» обусловлен тем, что многие лингвисты считают необходимым ввести классическое противопоставление речи и языка де Соссюра некое третье, более «речевое» понятие, чем сама по себе речь, которое можно изучать с позиции традиционных методов лингвистики. При этом, они понимают дискурс как речь, вкрапленную в коммуникативную ситуацию, с более выраженным социальным содержанием. К тому же практика современного дискурсивного анализа имеет прямую связь с вопросом закономерностей движения информации через обмен репликами в пределах коммуникативной ситуации, т.е. та же структура взаимодействия в диалоге – своего рода некое продолжение прообраза структуралистской линии З. Харриса.

Проблемам дискурса посвящены и многие работы отечественных лингвистов, в том числе В.А. Звегинцева, Ю.Н. Караулова, М.Л. Макарова, А.К. Михальской, Ю.Е. Прохорова, К.Ф. Седова, Е.И. Шейгал и др. В основе их исследований лежат идеи М.М. Бахтина, отождествленные с понятиями

«текст», «общение», «диалог». По М.М. Бахтину, язык – это отличительный для культуры способ вербального осмысления мира.

В процессе дальнейших разработок дихотомии языка и речи ученые выделили в каждом из них статический и динамический аспекты. «Динамическая сторона речи – это деятельность вкупе с ее физическими, психическими и социальными характеристиками, а статическая сторона речи – это текст, выделенный из речевой деятельности и зафиксированный тем или иным способом» [Арутюнова 1990 : 128]. Словарная статья несет в себе детальное разграничение речи и языка, а также речи и дискурса. Дискурс представляет собой некий вид речевого произведения, при толковании которого следует учитывать также и сопровождающие его формирование экстралингвистические факторы. Официальное появление термина «дискурс» в отечественной лингвистике датируется 1980-ми гг. Автор статьи в журнале «Новое в зарубежной лингвистике» отождествляет дискурс с текстом. Из содержания его работы следует, что на начальном этапе исследования дискурса в России осуществлялись в рамках внутренней лингвистики без учёта социальных и психических факторов [Бажалкина 2016]. Появление теории дискурса означало важный поворотный момент в развитии науки о языке. *Дискурс* как категория, выйдя из рамок текста и имея с ним тесную связь, требовал конкретного разведения этих двух понятий. В качестве подтверждения сказанного может служить высказывание В.Г. Борботько о том, что текст как языковой материал не всегда представляет собой связную речь, т. е. дискурс. Текст – более общее понятие, чем дискурс. Дискурс всегда является текстом, не всякий текст является дискурсом. Дискурс – частный случай текста [Борботько 1981].

В отечественной лингвистике выделяются два основных подхода к анализу дискурса: московский и волгоградский. Московский подход опирается на работы В.И. Тюпы и его соратников и трактует дискурс с позиции Т. ван Дейка: дискурс – «коммуникативное событие», подразумевающее аспекты: креативный (субъект коммуникативной инициативы – автор), референтный (пред-

метно-смысловая сторона высказывания) и рецептивный (адресат) [Тюпа 2001].

В.И. Карасик в своей работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» [Карасик 2002] рассматривает не только аспект лингвокультурологии, но и такие насущные вопросы дискурса, как определение, категории, типы, отмечая при этом, что многие термины, в том числе и дискурс, которые используются сразу в нескольких областях знания (в лингвистике, прагмалингвистике, психолингвистике и др.), имеют достаточно спорную интерпретацию. Глубокие познания в языкознании, социолингвистике, психолингвистике позволяют ученому не только подвергнуть широкому научному анализу работы в области семантики дискурса С. Слембрука, М. Стаббса, П. Серию, М.Л. Макарова, В.Е. Чернявской, В.Г. Костомарова и др., но и познакомить отечественных лингвистов с содержанием статьи М. Стаббса «Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language» (1983). В этой статье М. Стаббс представляет три основные характеристики дискурса: 1) в формальном отношении это единица языка, превосходящая по объему предложение; 2) в содержательном плане – связь дискурса с использованием языка в социальном контексте; 3) в организационном плане – факт интерактивности, т.е. диалогичности дискурса [Карасик 2002]. Автор приходит к неопровержимому выводу о том, что всех исследователей дискурса объединяют следующие основные посылки: 1) статическая модель языка представляется достаточно упрощенной и не соответствует его природе; 2) в основе динамической модели языка должен быть заложен коммуникативный аспект, т.е. совместная деятельность людей, которые пытаются выразить свои чувства, обменяться идеями и опытом или повлиять друг на друга; 3) протекание общения в коммуникативных ситуациях, рассмотрение которых должно происходить в культурном контексте; 4) центральная роль в коммуникативной ситуации принадлежит людям, а не средствам общения; 5) коммуникация включает докоммуникативную и посткоммуникативную стадии; 6) текст как продукт коммуникации имеет несколь-

ко измерений, главными из которых являются его порождение и интерпретация. Дискурс же – явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в «сухом остатке» общения, с другой стороны [Карасик 2000]. Непосредственное описание дискурса ученый предпринимает с позиции лингвофилософии, лингвистики и социолингвистики. С точки зрения лингвофилософии дискурс, по его мнению, представляет уточнение, детализацию речи во всевозможных способах человеческого бытия. С позиции лингвистического аспекта это процесс живой словесной коммуникации с большим количеством отступлений от установленной письменной речи, что порождает спонтанность, тематическую связность, ясность разговора для всех участников. Если рассматривать данную категорию с позиции социолингвистики, то это уже процесс коммуникации людей, объединенных одним языком или социальной группой. В итоге своих наблюдений В.И. Карасик представляет свое определение: дискурс – это текст в ситуации общения [Карасик 2002].

В работах А.А. Кибрика мы прослеживаем попытку проведения разграничения текста и дискурса. В своих исследованиях ученый рассматривает дискурс в виде единой цепочки: языковая деятельность – результат (текст). По его мнению, эти понятия неразделимы, поскольку текст является составной частью дискурса и любое противопоставление здесь будет неуместным. В результате своих наблюдений автор приходит к выводу, что текст представляет собой статический объект, зарождающийся в процессе языковой деятельности, реализация которого может осуществляться в форме последовательного соединения графических символов, т.е. в виде письменного или устного текста. Кроме текста, автор относит сюда также обусловленные временем процессы его создания и понимания [Кибрик 2003].

В научных исследованиях Г.Н. Манаенко предпринята попытка суммировать различные подходы к пониманию дискурса как общепринятого типа речевого поведения субъекта в определенной области деятельности человека,

детерминированного социально-историческими условиями с утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов [Манаенко 2003]. Автор понимает дискурс в виде конструкта из четырех компонентов:

1) среда (тип социального события, его цель, социально-идеологические условия, обстановка);

2) социальный субъект (социальный статус, ролевые отношения; социальная активность участников, их личные отношения);

3) содержание (интенции и цели, мировоззренческие позиции, общий фон знаний, знание норм и правил коммуникации);

4) текст (тема речевого общения, отнесенность к какому-либо жанру, композиционное построение высказывания, специфика отбираемых языковых средств для речевого взаимодействия) [Манаенко 2003 : 37].

Е.С. Кубрякова, придерживаясь мнения Н.Д. Арутюновой, вносит некоторое пояснение относительно того, что дискурс представляет собой не некую субстанцию, а пространство времени, заполненное произнесением речевого произведения или же заполняемое его созданием [Кубрякова 2005]. Другими словами, дискурс – это особая форма применения языка в реальном времени, способная отобразить определенный тип социальной активности человека. Дискурс «создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [Кубрякова 2004 : 525]. Как особый мир дискурс представляется в научных работах фундаментального теоретика языка Ю.С. Степанова, охватившего в своих исследованиях области знания от индоевропейского синтаксиса до философских и эстетических аспектов логической семантики. Он трактует дискурс в виде особой социальной данности, подчеркивая, что язык только грамматикой и лексикой не составляет дискурс, а существует в первую очередь в таких текстах, за которыми встает особая грамматика, особый лек-

сикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, составляющие особый мир [Степанов 2001].

Проблеме дифференциации понятий «текст» и «дискурс» значительное место посвящено в работах В.З. Демьянкова, считавшего, что текст сам по себе не является простым материальным объектом, он представляет собой интерпретируемый вербальный объект, за которым можно увидеть протекание дискурса. Текст можно оставить дома, а дискурс выступления на каком-то мероприятии отделить от субъекта невозможно. В качестве вывода ученый высказывает мысль о том, что прототипический текст – предмет, а прототипический дискурс – процесс, как этого и требует их этимология. Поэтому текст остается словом обыденного языка, а дискурс – специальный термин наук о человеческой духовности [Демьянков 2005]. В его понимании дискурс – это произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения, который часто концентрируется вокруг некоторого опорного концепта, создавая общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и определяемый не столько последовательностью предложений, сколько тем общим миром, который строится по ходу его развертывания. К составным частям дискурса, автор относит излагаемые события, их участников, перформативную информацию и «не-события», т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценку участников события; г) информацию, соотносящую дискурс с событиями [Демьянков 1982].

Таким образом, в современной лингвистике трактовка понятия «дискурс» представляется неоднозначно и характеризуется несколькими подходами в определении.

1. Коммуникативный (функциональный) подход: дискурс как вербальное общение (речь, употребление, функционирование языка), либо как диалог, либо как беседа, т. е. тип диалогического высказывания, либо как речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой

позиции. В рамках коммуникативного подхода термин «дискурс» трактуется как «некая знаковая структура, которую делают дискурсом её субъект, объект, место, время, обстоятельства создания (производства)» [Карасик 1999 : 5].

2. Структурно-синтаксический подход: дискурс как фрагмент текста, т. е. образование выше уровня предложения (сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, абзац). Под дискурсом понимаются два или несколько предложений, находящихся в смысловой связи друг с другом, при этом связность рассматривается как один из основных признаков дискурса.

3. Структурно-стилистический подход: дискурс как нетекстовая организация разговорной речи, характеризующаяся нечётким делением на части, господством ассоциативных связей, спонтанностью, ситуативностью, высокой контекстностью, стилистической спецификой.

4. Социально-прагматический подход: дискурс как текст, погружённый в ситуацию общения, в жизнь, либо как социальный или идеологически ограниченный тип высказываний, либо как «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности, имеющей свои тексты.

Данная классификация позволяет понять, что природа дискурса тройственна: одна его сторона обращена к прагматике, к типовым ситуациям общения, другая – к процессам, происходящим в сознании участников общения, и к характеристикам их сознания, третья – к собственно тексту [Хурматуллин 2009].

1.4 К проблеме классификации сказочного дискурса и его сюжетов

Сказка является одним из распространённых и увлекательных жанров фольклорных произведений, отражающим как мудрость веков, так и многовековой опыт народа, его обычаи и мировоззрение.

Большой интерес к произведениям народного творчества начинает проявляться в XVIII в. В этот период времени появляется и термин *фольклористика*, предложенный в 1846 г. археологом У.Дж. Томсом для обозначения науки, изучающей различные явления народной культуры. Именно фольклористам принадлежит множество исследований сказки, в том числе и ее научное определение. Однако до сих пор вопрос классификации сказочного дискурса и его сюжетов остается все еще открытым из-за большого количества немецких и русских сказочных мотивов, действующих лиц и способов разрешения конфликтов. Все это служит значительным препятствием при попытке классификации, т.е. выделения видов и жанров сказочного дискурса. Эта проблема затрагивалась в исследовательских работах многих лингвистов, предпринимавших попытки решить данный вопрос и предлагавших существенно различающиеся способы классификации этого жанра устного народного творчества. Наличие же единой классификации, а она имеет первостепенное научное значение, позволило бы открыть исследователям совершенно иную картину мира сказок. В ней можно было бы не только учесть характер сюжетов, героев, внешние признаки, поэтику, идеологию и т.д., но и определить соответствующие приемы для изучения происхождения и истории разного рода сказок. Однако учеными пока еще не выделены конкретные признаки, наличие которых позволило бы создать стройную и единую классификацию сказок. Поэтому выделение видов сказки из общего ее жанра встречает те же препятствия, что и выделение сказки из других видов народной прозы [Аникин 1984].

Впервые попытка классификации сказок была предпринята в начале XIX в. русским этнографом, фольклористом и палеографом И.П. Сахаровым, распределившим их по типам героев: богатыри, удалые люди, глупцы, умники, чудовища и пр. Однако эта классификация не получила признания среди исследователей, так как в нее не входили сказки о животных, а герои были представлены из разного вида сказок.

Свою лепту в классификацию сказочного эпоса внес В.Г. Белинский, разделявший в своих исследованиях русские сказки на два вида – богатырские и сатирические. Первые, по его словам, «так и бросаются в глаза своим иностранным происхождением; они налетели к нам и с Востока, и с Запада. В сказках западного происхождения заметен характер рыцарский, в сказках восточного происхождения – фантастический» [Белинский 1954 : 417].

В течение десяти лет (1855–1864 гг.) А.Н. Афанасьев издает свой первый сборник сказок. Его содержание выглядит довольно хаотично вследствие того, что выпуск осуществлялся по мере поступления сказочного материала в редакцию. В разных выпусках имели место как однородные сказки, так и несколько вариантов одного и того же сюжета. Такого рода «сказочный хаос» требовал упорядочения собранного материала. Классификация второго издания (1873 г.), после тщательной переработки и систематизации автором получила в научных кругах высокую оценку и признание. Ее суть может быть представлена следующим образом: сказки о животных, включающие в свой состав часть сказок о предметах и стихиях, сказания исторического, мифологического, волшебного и фантастического плана; народные анекдоты; былички и прибаутки. Несмотря на то, что в данной классификации имеет место определенная неупорядоченность, при более глубоком и научном ее осмыслении в ней можно отметить уже основные крупные разряды: сказки о людях, т.е. волшебные и новеллистические, а также сказки о животных. Из сказанного можно заключить, что исследователь выделил три основные группы сказок: фантастические (мифологические), или волшебные сказки; сказки о животных и новеллистические сказки.

В конце XIX в. появляется работа П.В. Владимирова «Введение в историю русской словесности» (1896), в которой представлен несколько иной взгляд на классификацию сказки. Автор выделяет в данном виде устного народного творчества три разновидности мотивов: мифы, бытовые произведения и животный эпос. Под мифом он подразумевает волшебные сказки, в ко-

торых, однако, не всегда фантастический образ исходит из некоего мифа, да и не все волшебные сказки располагают мифическими героями. Подобного рода распределение заимствовано у А.Н. Афанасьева. К животному эпосу П.В. Владимиров относит мотивы благодарных животных, птичьего или звериного языка и др. Тем не менее эти мотивы находят свое место уже в волшебных сказках. Автор не до конца представляет мотивы сказок, относя к ним как дробные части повествования, так и целые сюжеты. Следует отметить, что классификация П.В. Владимирова не имела достаточного практического подтверждения и не получила научного признания.

Романтизм, возникший как художественное направление в европейской культуре в конце XVIII в., стал началом зарождения и мифологической теории, основоположниками которой в Германии были братья В. и Я. Гримм, а в России – Ф.И. Буслаев. Основной исследовательский труд братьев В. и Я. Гримм – «Немецкая мифология» (1835). По мнению авторов, начало национальной культуры напрямую связано с древними народными верованиями, т.е. с язычеством.

В труде Ф.И. Буслаева «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (1861) высказывается идея о коллективной природе художественного творчества народа и проявлении народного сознания в двух ипостасях: языке и мифе. Представители *мифологической школы* отдельно выделяют бытовые, животные, сатирические и мифические сказки, отдавая предпочтение волшебным сказкам, в содержании которых присутствуют богатырские подвиги, чудесные превращения, волшебные предметы, силы природы и т.п. Отдельную группу составляют бытовые сказки, которые, по замечанию Ф.И. Буслаева, трансформируются из мифического эпизода в новеллу и здесь контактируют уже с повестью и нравоучительной басней [Виды и жанры русских сказок].

В исследовательских работах известного русского учёного О. Миллера мы находим следующую классификацию сказок, которая совпадает с взгляда-

ми представителей мифологической школы: сказки бытовые, сказки о животных и мифические сказки с чудесным содержанием. Следует отметить, что его первая научно обоснованная классификация была позаимствована (за рядом исключений) у А.Н. Афанасьева.

Русский историк, этнограф и фольклорист И.М. Снегирёв в «Лубочных картинках русского народа в московском мире» смешивает сказку с былиной и речь ведет о трех видах сказки: мифической; богатырской (сюда относит и былины) и житейской. Сказки о животных он вообще не берет во внимание. Такой подход, по мнению ученых, не только не имеет под собой научного обоснования, но и необъективен. Следует заметить, что авторы всех классификаций сказки в учебниках и учебных курсах XIX в. придерживаются деления О. Миллера и А.Н. Афанасьева. Более того, вплоть до XX в. проблема сказочного эпоса, а также его жанры и отношения между ними оставались все еще незавершенными.

Интенсивные усилия по разработке общих принципов классификации сюжетов сказок предпринимали ученые и в зарубежной фольклористике второй половины XIX в.: И. Ган (I. Hahn), С. Баринг Голд (S. Baring Gould), Ф. Стил (F. Steel), Р. Темпл (R. Temp), Э. Коскен (E. Cosquin), Г. Гомм (G. Gomme), И. Якобс (I. Jacobs), В. Шовэн (V. Chauvin), Б. Хаджеу (B. Hadjeu) и др. Несмотря на некоторые расхождения в названиях, подходах и технике классификации сказочного материала, в этих работах просматривается тенденция к объединению многочисленных сюжетов в более ограниченное количество групп. Например, во введении к «Греческим и албанским сказкам» (1864) И. Ган насчитывал 40 групп, или, по его терминологии, формул [Hahn 1864 : 45–61].

А. Христенсен предпринимает попытку проведения классификации сказок по мотивам и темам.

Немецкий ученый В. Вундт распределяет сказки по формам развития, учитывая, что самую древнюю форму представляют мифологическая сказка и

басня. Эта же форма послужила, по его мнению, и основой для появления чисто волшебной, биологической сказок и басен двух видов: чисто животной басни и этимологической сказки. Следует заметить, что созданная В. Вундтом система – это скорее всего плод его философской эволюционно-психологической концепции [Камалова 2006].

Достаточно полный указатель мотивов сказок представил американский исследователь С. Томпсон. Он переработал классификацию Н.П. Андреева и добавил в нее алфавитный предметный и именной указатель типов, упростив тем самым работу исследователей фольклора – теперь любой ученый мог, пользуясь алфавитным указателем, без особого труда отыскать нужную ему сказку [Пыпин 2011].

Тем не менее в то время ни И. Ган, ни другие исследователи не смогли достичь нужных результатов, поскольку все их классификации не доводились до завершения и базировались на довольно скудном материале. Однако их наличие и модели порождали новые способы и пути для нахождения и выработки средств, способствовавших составлению новых, более совершенных классификационных схем и каталогов.

Плодотворная работа по изучению фольклора отечественными и зарубежными учеными способствовала накоплению огромного сказочного материала, который требовал новой и широкой научной систематизации. И этой работой занялись исследователи многих стран. Одной из систематизаций сказочного материала был «Указатель сказочных типов» представителя финской школы Антти Ааматуса Аарне (1867–1925 гг.), который вошел в международный обиход. Автор разделил фольклорный материал на три больших разряда: 1) сказки о животных; 2) собственно сказки; 3) анекдоты. Сказки о животных делятся по животным (о лисе, о прочих диких животных, о диких и домашних животных, о человеке и диких животных, вплоть до «прочих животных и предметов») [Николаева, Сафронов 1999]. Сказки А. Аарне подразделяет в своем указателе не только на волшебные, легендарные и новеллистические, но

и на разряды и подразряды. Волшебные сказки он распределяет и по действующим лицам, правда, не выдерживает этот принцип и в действительности исходит из признаков. А легендарные и новеллистические сказки он подразделяет по мотивам.

С анекдотами получается еще больший конфуз – их распределение по действующим лицам проводится не до конца и к нему примыкает подразделение по мотивам (о счастье по случаю). Ученые-фольклористы данную классификацию принимают как прикладную. Спустя определенное время ряд исследователей подвергает ее значительному усовершенствованию. Свое завершение эта работа получает в «Сравнительном указателе сюжетов восточнославянских сказок», в основе которого лежит указатель Аарне-Томпсона.

Вопросами классификации в этот период занимались и другие исследователи. Например, Ю.М. Соколов выделяет в своем перечне чудесные сказки, сказки о животных, бытовые сказки, сказки-анекдоты, обосновывая это тем, что «обычной классификацией конкретных сказочных записей является их разделение по сюжетам, а внутри сюжетов – по мотивам» [Леви-Стросс 1970 : 38]

В 1950–1970-х гг. в исследованиях по изучению фольклора намечается тенденция к сведению количества групп в репертуаре сказок к трем или четырем. Так, В.П. Аникин приводит схему, в которой сказочный материал сформирован в трех группах [Померанцева 1965].

Э.В. Померанцева в работе «Судьбы русской сказки» [Померанцева 1963] выделяет «четыре основные группы сказок: сказки о животных, волшебные сказки, авантюрные и бытовые» [Зуева 1995 : 82].

В.Я. Пропп причисляет сказку к области народной прозы и характеризует ее по «структурным признакам». «В результате, – отмечает он, – она распадается на сказки волшебные, кумулятивные, о животных, о людях». Ученый предлагает более узкий термин «тип», типы распадаются на сюжеты, сюжеты – на версии и варианты [Иванова 1995].

Один из ведущих отечественных славистов, историк и фольклорист В.Е. Гусев, автор работы «Эстетика фольклора», считает, что в основу систематизации сказок следует заложить два взаимосвязанных ее свойства – «отражение социального или бытового конфликта и фантастический вымысел» [Выготский 1991 : 118]. Относительно же самой классификации он придерживается мнения о том, что устоявшимся является подразделение сказок на: а) сказки о животных; б) волшебные сказки (чудесные, фантастические) и в) бытовые (новеллистические или реалистические) [Выготский 1991].

Н.И. Кравцов в своих исследованиях убирает понятие вида (В.Я. Пропп), подразделяя структуру произведений на роды, жанры и жанровые разновидности, обосновывая это тем, что под родом следует понимать способ изображения действительности (эпический, лирический, драматический), под жанром – тип художественной формы (былина, сказка, песня, пословица и т.п.), под жанровой разновидностью – тематическую группу произведений (сказки волшебные, сказки о животных, сказки социально-бытовые) [Данилов 1961].

Такого рода расстановка сказочного материала представляется наиболее приемлемой как в теоретическом, так и в практическом плане для накопленного в настоящее время материала, включающего и традиционные, и новые сказочные тексты.

Следовательно, глубокий научный анализ множества существующих уже классификаций сказочного жанра можно считать устоявшимся, а к общепринятым типам отнести следующие: 1) сказки о животных; 2) фантастические (мифологические), или волшебные сказки; 3) новеллистические (бытовые) сказки.

Сказки о животных

Сказки о животных представляют собой довольно обособленную группу, а их выделение носит достаточно условный характер. В составе этой группы можно выделить также сказки с кумулятивным сюжетом. В их основе заложен

прием лингвистического повторения одних и тех же действий. Затем эта цепочка действий раскручивается в обратном порядке. К этому виду сказок можно применить, пожалуй, и немецкий термин «Kettenmärchen» – «цепные сказки». Сюжет какого-то интересного события в них практически сводится к минимуму, но именно он и имеет комический контраст. Например, в сказке «Der Fuchs und das Pferd» / «Лиса и лошадь» затронута не только тема животных, но и житейская тема. У одного крестьянина была верная и сильная лошадь, которая помогала ему выполнять самую трудную работу. Но прошли годы, лошадь состарилась и не могла уже выполнять прежнюю работу. Бездушный и жадный крестьянин перестал ее кормить, прогнал ее далеко в поле и заявил, что оставит ее жить у себя и будет продолжать кормить и дальше, если она покажет себя очень сильной и принесет ему льва. Хитрость и доброе сердце повстречавшейся ей лисы, помогли разрешить сложившуюся ситуацию. Хитрая лиса крепко связала ноги льву лошадиным хвостом, тот не смог их освободить, и лошадь потащила его к хозяину. Увидел это хозяин, оставил ее у себя и кормил пока та не околела.

Кумулятивный сюжет мы отмечаем и в сказке «Der Hase und der Igel» / «Заяц и еж». Композиция ее достаточно проста и выстроена в целую цепочку событий: *встреча Зайца и Ежа на краю своих угодий; заключение пари; необычный и смешной финал этого состязания, которое Заяц проиграл Ежу.* Жилище Ёжа и Зайца находятся по соседству. Ёж решает осмотреть свои поля с брюквой и заодно прогуляться. В это время с таким же желанием выходит на прогулку Заяц, но у него поле засажено капустой. Еж дружелюбно приветствует Зайца, но тот надменно отвечает ежу и начинает насмехаться над его короткими ногами. После такого необоснованного оскорбления Ёж утверждает, что сможет обогнать Зайца, и заключает с ним пари на золотой луидор и бутылку вина. Через полчаса они встречаются на краю поля. Но перед встречей Ёж просит свою жену пройти на другую сторону поля и там оставаться. Когда же Заяц будет подбегать – громко кричать: «А я уже здесь!». И их соревнование

началось. Заяц стремглав помчался вниз по полю. А Ёж, пробежав несколько шагов, спокойно уселся в бороздку. Заяц в один миг оказался на другом конце поля, а Ежиха громко кричит ему: «А я уже здесь!» Заяц не поверил своим глазам и решил побежать обратно, но на другом конце ему отвечает уже Ёж: «А я уже здесь!» Заяц не сдавался. На 74-й раз он не добежал до края поля и дальше уже двигаться не смог. Ёж же спокойно забрал сой выигрыш и вместе с женой отправился домой.

Следует отметить, что до настоящего времени лингвистика не располагает точным и подробным описанием кумулятивных сказок. Нет также и их выделения в отдельный разряд, поскольку они не подходят для восприятия формами нашего сознания, а являются результатом более ранних форм восприятия и творчества. Сам по себе способ нанизывания можно понимать не только как художественный прием, но и как форму мышления, имеющую место и в фольклоре, и в явлениях языка. В языке этому соответствовала бы агглютинация, т.е. название без флексий [Кумулятивная сказка в рамках культуры]. Сложность в изучении жанровых признаков в содержании сказок о животных заключается в их разнородной природе.

В *тематической классификации* сказок о животных центром внимания является главный герой. Данная классификация представлена в указателе сказочных сюжетов, разработанного Арне–Томсоном, и в «Сравнительном указателе сюжетов. Восточнославянская сказка»: 1) дикие животные (Лиса. Другие дикие животные). 2) дикие и домашние животные; 3) человек и дикие животные; 4) домашние животные; 5) птицы и рыбы; 6) другие животные, предметы, растения и явления природы.

Структурно-семантическая классификация подразделяет сказку по жанровому признаку. Например, В.Я. Пропп, придерживаясь структурно-семантического признака, в работе «Фольклор и действительность» дает следующие разновидности сказок: 1) кумулятивная сказка о животных; 2) волшебная сказка о животных; 3) басня (аполог); 4) сатирическая сказка.

Наряду с жанровой систематизацией он предлагает классифицировать сказки о животных по действующим лицам и делит их на сказки о диких животных, о домашних животных, о птицах, рыбах, пресмыкающихся, к которым естественным образом примыкают сказки о растениях, о неживой природе и предметах [Пропп 1976].

Е.А. Костюхин в своей работе «Типы и формы животного эпоса» выделяет следующие жанры о животных: 1) комическая (бытовая) сказка о животных; 2) волшебная сказка о животных; 3) кумулятивная сказка о животных; 4) новеллистическая сказка о животных; 5) аполог (басня); 6) анекдот; 7) сатирическая сказка о животных; 8) легенды, предания, бытовые рассказы о животных; 9) небылицы [Костюхин 1987].

Таким образом, В.Я. Пропп закладывает в основу своей классификации формальный признак, а Е.А. Костюхин, исходя лишь отчасти из формального признака, в основном разделяет жанры сказки о животных по содержанию. Такой подход позволяет намного шире охватить многообразие сказок о животных, рефлектирующих значительный объем структурных построений, богатство стилей и содержания.

Имеет место и третья классификация сказки о животных, подразумевающая целевую аудиторию: 1) детские сказки: сказки, рассказанные для детей, и сказки, рассказанные детьми; 2) взрослые сказки.

Волшебные сказки

В эту категорию входят волшебные, приключенческие и героические сказки. Основой их создания является чудесный мир, который порождает неограниченные возможности и скорости «превращения»: дети растут не по дням, а по часам, герои перемещаются с невероятной скоростью, люди с уродливой внешностью в одно мгновение меняют ее на ослепительную красоту или, перекувыркнувшись, превращаются в птицу, зверя или насекомых и т.д. Например: *Kaum hatte sie [das Mädchen – A.P.] aber die Spindel angerührt, so*

ging der Zauberspruch in Erfüllung, und sie stach sich damit in den Finger. In dem Augenblick aber, wo sie den Stich empfand, fiel sie auf das Bett nieder das da stand, und lag in einem tiefen Schlaf [Brüder Grimm. Dornröschen. №50. S. 281]. – *Но только она [Девочка. – А.П.] прикоснулась к веретену, как исполнился наговор, и она уколола веретеном палец. И в тот миг, когда она почувствовала укол, она упала на постель, что стояла в светелке, и погрузилась в глубокий сон* [Пер. П. Полевого. №50. С. 155].

Все сказочные «обращения», «перемещения» и другие чудеса осуществляются, как правило, с помощью волшебных манипуляций, существ или предметов. Суть самого сюжета заключается в поиске чего-то потерянного или недостающего. Кульминационный момент волшебной сказки – сражение главного героя с противоборствующей силой и ее уничтожение, например: *Da ging er noch weiter, und alles war so still, dass einer seinen Atem hören konnte, und endlich kam er zu dem Turm und öffnete die Türe zu der kleinen Stube, in welcher Dornröschen schlief. Da lag es und war so schön, dass er die Augen nicht abwenden konnte, und er bückte sich und gab ihm einen Kuss* [Brüder Grimm. Dornröschen. №50. S. 281]. – *Подошел он наконец к башне и отворил дверь маленькой светелки, где спала Шиповничек. Она лежала и была так прекрасна, что он не мог оторвать от нее глаз; и он нагнулся к ней и поцеловал ее. – И только он к ней прикоснулся, открыла Шиповничек глаза, проснулась и ласково на него поглядела. И сошли они вместе с башни* [Пер. П. Полевого. №50. С. 155].

Развязка – это момент, когда герой приобретает более высокий, чем был раньше, социальный статус, например: *Und da wurde die Hochzeit des Königssohns mit dem Dornröschen in aller Pracht gefeiert, und sie lebten vergnügt bis an ihr Ende* [Brüder Grimm. Dornröschen. №50. S. 281]. – *И отпраздновали тогда пышную свадьбу королевича с королевной Шиповничек, и жили они счастливо до самой смерти* [Пер. П. Полевого. №50. С. 155].

Волшебная сказка рисует семейную ситуацию. Типичный герой волшебной сказки – крестьянский юноша, младший сын, падчерица или сирота, кото-

рых с теплым юмором называют «золушкой» или «дурачком». Героем может быть и царский сын; в русской сказке это Иван-царевич. В волшебной сказке действуют фантастические силы – чудесные лица и предметы. Они и придают ей особый колорит, выражают ее внешнее своеобразие. Все эти особенности волшебной сказки затрудняют ее социально-политический анализ в свете «чаяний народных» [Мелетинский 2005 : 7].

Исследуя волшебную сказку, В.Я. Пропп подчеркивает ее однообразие в некоторых случаях не только на сюжетном уровне, но и в синтагматическом плане. При этом он устанавливает неизменность определенного набора функций, их линейную последовательность, набор ролей, распределённых между конкретными персонажами: антагонист (вредитель), даритель, помощник, царевна или её отец, отправитель, герой, ложный герой.

В своих исследованиях Е.М. Мелетинский устанавливает пять групп волшебных сказок и предпринимает попытку решения вопроса исторического развития жанра вообще и сюжетов в частности. Сказка может содержать и некоторые мотивы, характерные для тотемических мифов. Достаточно четко просматривается мифологическое происхождение в волшебных сказках о браке с чудесным тотемным существом, которое может временно сменить звериную внешность и принять человеческий облик. Специфической особенностью мира волшебной сказки является его разграничение на положительный и отрицательный. Герой вступает в контакт с дарителем, получает чудесный предмет или приобретает чудесного помощника, выполняет трудные задачи и благополучно возвращается в свой мир: *Die Mädchen waren fortgesprungen, aber der Bär rief ihnen nach: "Schneeweißchen und Rosenrot, fürchtet euch nicht, wartet, ich will mit euch gehen." Da erkannten sie seine Stimme und blieben stehen, und als der Bär bei ihnen war, fiel plötzlich die Bärenhaut ab, und er stand da als ein schöner Mann und war ganz in Gold gekleidet. "Ich bin eines Königs Sohn," sprach er, "und war von dem gottlosen Zwerg, der mir meine Schätze gestohlen hatte, erwünscht, als ein wilder Bär in dem Walde zu laufen, bis ich durch seinen Tod erlöst*

würde. Jetzt hat er seine wohlverdiente Strafe empfangen" [Brüder Grimm. Schneewittchen und Rosenrot. №161. S. 674]. – Девочки бросились бежать, но медведь крикнул им вслед: «Белоснежка, Алоцветик, не бойтесь, подождите, я вас провожу». Они узнали его по голосу, остановились. Подошел к ним медведь, и вдруг свалилась с него медвежья шкура, – и стоял перед ними красивый юноша, одетый весь в золото. «Я сын короля, – сказал он, – я был околдован этим злым карликом. Он украл у меня мои сокровища, обратил меня в дикого медведя и заставил жить в лесу до той поры, пока его смерть не расколдует меня снова. А теперь он получил должное возмездие». И вышла Белоснежка за королевича замуж, а Алоцветик – за его брата [Пер. П. Полевого. №161. С. 413].

Счастливым финалом, завершающим волшебную сказку – это непоколебимая вера человека в конечную победу идеалов добра и справедливости и мечта о том, что каждый человек достоин личного счастья и может его добиться: *Da ward sie erst bitterböse, holte ihn herauf und war ihn aus allen Kräften wider die Wand: "Nun wirst du Ruhe haben, du garstiger Frosch." Als er aber herabfiel, war er kein Frosch, sondern ein Königsson mit schönen und freundlichen Augen. Der war nun nach ihres Vaters Willen ihr lieber Geselle und Gemahl* [Brüder Grimm. Der Froschkönig oder der eiserne Heinrich. №1. S 39]. – Рассердилась тут королева и ударила его изо всех сил об стену. – Ну, уж теперь, мерзкий лягушонок, ты успокоишься! Но только упал он наземь, как вдруг обернулся королевичем с прекрасными, ласковыми глазами. И стал с той поры, по воле её отца, её милым другом и мужем [Пер. П. Полевого. №1. С. 5].

Выделяемая группа сказок о свадебных испытаниях обращает внимание на повествование о личных судьбах.

Бытовые сказки

Бытовые сказки являются зеркалом обыденной жизни, а не каких-либо чудес или фантастических образов. В них заложена идея трудолюбия и прилежания, высмеиваются неумелые и ленивые люди, которые остаются в резуль-

тате ни с чем. Их возникновение относится к периоду разложения родового строя, формирования семьи и семейного быта. Им присущ определенный набор сюжетов, образов, а также специфические художественные приемы.

Главным героем бытовой сказки является не богатырь, а обычный солдат, крестьянин, кузнец и т.д., которые благодаря своей ловкости и смекалке, без каких-либо выдающихся подвигов и волшебных манипуляций выходят из трудных ситуаций. Примером может служить русская сказка «Каша из топора»: Солдат возвращался домой со службы. Ему очень хотелось есть, но у него самого ничего не было. Подойдя к деревне, он постучал в избушку и попросил разрешения отдохнуть и немного еды. В избушке жила старуха. Отдохнуть она его пустила, а еды солдату пожалела, сказав, что у самой ничего нет. Под лавкой лежал топор и солдат предложил сварить из него кашу. Старуха дала ему котелок, в который солдат положил топор, поставил на костер и стал помешивать, попробовал и стал жаловаться, что в каше не хватает соли. Старуха принесла ему соли. Продолжая варить кашу, солдат попросил щепотку крупы, затем масла. Все это старуха принесла ему. Каша была готова и они сели есть. Удивилась старуха, что из топора можно варить такую вкусную кашу и спрашивает, когда же можно есть топор. А солдат положил топор в ранец, посетовал, что тот не доварился и придется его по дороге доварить и съесть. Так, ловкому солдату удалось поесть каши и уйти с топором.

В сказках этого жанра наглядно и социальное неравенство действующих лиц. Причем герои из низших сословий более благородны и добры, чем выходцы из богатых. Из кратких штрихов характеристики действующих героев бытовых сказок можно понять, что тематика их содержания очень широка и включает мужей и жен из разных сословий, смекалистых солдат, умных и глупых купцов, добрых и злых богачей, женитьбу, господ, слуг, ловких воров, жадность, завистливость, исправление строптивых жен, ленивых хозяек и др. Об этом нам хорошо повествует немецкая сказка «Die faule Spinnerin» / «Ленивая пряжа». В ней речь идет о нерадивой жене-рукодельнице одного крестья-

нина. С заданной мужем работой жена справлялась кое-как, а порой и вовсе не хотела ее выполнять, особенно, когда дело касалось прядения. Начнет ее муж бранить, а она ему отвечает, что нечем ей прясть и велит ему идти в лес и принести дерево для мотовила. Но когда муж пытается срубить для него дерево, она, спрятавшись, громко кричит: *«Кто дерево для мотовила рубит – умрет, а кто мотает – тот себя погубит»* [Пер. Г. Петникова]. Ситуации такого рода не только быстро охлаждали пылкие начинания мужа, но и побуждали признать себя виновным во всем и больше не заводить речь ни о шерсти, ни о пряже.

Одним словом, бытовая сказка представляет собой «драгоценную шкатулку» вербальных повествований, содержащих описание народного быта, откуда и пошло ее название.

Классификация бытовых сказок носит довольно условный характер, и не всегда позволяет однозначно трактовать ее отношение к той или иной категории. Например, содержание многих сказок можно характеризовать как социально-бытовое, и как сатирико-бытовое, а в известной русской сказке «Морозко» к этим двум особенностям добавляется еще и известная доля волшебства, поэтому она и бытовая, и сатирическая, и волшебная одновременно. Из проведенного анализа видно, что классификация бытовых сказок довольно сложна и носит условный характер. Бытовая сказка имеет обыденный сюжет и выстраивается на конфликте двух персонажей. Для данного вида сказки характерно присутствие иронии, самоиронии и нескольких подтипов. В их содержании неотъемлемым и значимым является элемент социальной и нравственной критики, а также стремление к воплощению идеала человеческого существования.

Таким образом, фольклористика располагает множеством данных по исследованию сказки, включая и ее определение. Но несмотря на многочисленные научные усилия отечественных и зарубежных исследователей, до сих пор не выделены конкретные признаки, которые послужили бы основанием для создания единой классификации сказок. Неплохих результатов в этом плане

добился отечественный славист-литературовед Н.И. Кравцов, подразделивший структуру сказочного текста на роды, жанры и жанровые разновидности и сумевший обоснованно соединить их в тематическую группу в виде волшебных, социально-бытовых сказок и сказок о животных. Расстановка сказочного материала в таком плане нам представляется наиболее приемлемой как в теоретическом, так и в практическом плане, поскольку лингвистический анализ имеющихся классификаций данного жанра считается устоявшимся, а общепринятые типы следующие: сказки о животных; фантастические (мифологические) или волшебные сказки и новеллистические (бытовые) сказки.

Выводы

Картина мира представляет собой симбиоз определенных идей и познаний о мире, о людях и их жизни в целом и формируется под влиянием географических условий, исторической, этнической и психологической специфики каждого, отдельно взятого народа. Понятие «картина мира» зарождается в XIX–XX вв. и используется в таких уже довольно устоявшихся науках, как философия, психология, культурология, когнитология, лингвистика, в виде разных терминов и терминосочетаний, например, «концептосфера», «образа мира», «национальный образ мира» и др. Название «языковая картина мира» впервые представлено в работах 1930-х гг. Лео Вайсгербера. Мифологическую картину мира можно считать своего рода основой, на которой складывались и развивались представления человека о мироздании. В этом плане мифология германцев достаточно скромна легендами, а все ее существа обладают огромным ростом и физической силой, карлики и эльфы – сказочным умом, волшебными знаниями и могут предсказывать будущее.

Лингвистический анализ многочисленных источников зарождения и эволюции *сказки* свидетельствует о том, что уже сам термин воспринимается и

трактуется в немецком и русском языках неоднозначно. Главное действующее лицо в каждой сказке – человек, с которым другие представители имеют определенные отношения и являются его помощниками или друзьями. Предметы, вещи, а также растения играют также немаловажную роль.

Сама сказка, жанр которой создавался веками и переходил от одного поколения к другому, относится к древним, распространенным и популярным видам словесного искусства у всех народов мира. Содержание немецких и русских сказок характеризуется многими различиями, но имеет и ряд сходств, таких как противостояние бедности и богатства, ума и глупости, трудолюбия и лени.

Первые сведения о дискурсе ученые относят к античному периоду, который трактовался в то время как язык в его реальном применении. В Европе основными направлениями исследований дискурса занимались представители французской школы, взгляды которых находили свое продолжение в работах Фердинанда де Соссюра швейцарского лингвиста, заложившего основы семиологии и структурной лингвистики.

Проблемы дискурсивного анализа рассматривались также в целом ряде работ ученых, принадлежавших к американским, английским, а также немецким школам дискурсивного анализа, их взгляды формировались с опорой на основные постулаты теории дискурса М. Фуко.

В русской гуманитарной науке, авторы которой опирались на античные традиции, термин «дискурс» не имел приложения, так как в научном обиходе широкое употребление получило понятие «речь».

В работах современных отечественных лингвистов в основе понятия «дискурс» заложены идеи М.М. Бахтина, отождествленные с понятиями «текст», «общение», «диалог». Ученый считал, что язык является для культуры своего рода отличительным способом вербального осмысления мира.

В отечественной лингвистике представлены два подхода к анализу дискурса: московский и волгоградский. Первый из них опирается на работы

В.И. Тюпы, а также его последователей и трактуется с позиций Т. ван Дейка. Волгоградская школа определяет дискурс с позиции Н.Д. Арутюновой, которая видит в этом понятии единый текст, тесно переплетающийся с прагматическими, социокультурными, экстралингвистическими, психологическими и другими факторами. Из сказанного следует, что дискурс представляет собой многоплановое и динамичное понятие однозначная характеристика которого пока что еще не представлена.

Классификация сказок по типам героев, впервые предпринятая И.П. Сахаровым в XIX в., не была принята научным сообществом, так как не охватывала сказки о животных, а героев объединяла из разного вида сказок.

Попытки в этом плане предпринимались также П.В. Владимировым, выделявшим в них три мотива: животный эпос, мифы и бытовые произведения; Э.В. Померанцевой, представившей сказки о животных, волшебные сказки, авантюрные и бытовые; В.Я. Проппом, характеризовавшим этот жанр по структурным признакам и разбившим их на волшебные, кумулятивные, о животных, о людях. Тем не менее научный анализ разнообразия имеющихся классификаций сказок можно считать устоявшимся и представляющим следующие типы: сказки о животных; фантастические (мифологические) или волшебные сказки; новеллистические (бытовые) сказки.

ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ СКАЗОЧНОГО ДИСКУРСА В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ КАРТИНАХ МИРА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

2.1 Синкретизм структуры и содержания немецкого и русского сказочного дискурса

Любое социальное общество не только проводит четкое разграничение отличий между определенными личностями и группами людей, но и стремится связать имеющиеся различия с человеческими качествами или групповой принадлежностью. Необходимость в этом объясняется тем, что концепции и непосредственная практика в разных культурах имеют значительные расхождения. Примером тому могут служить попытки представителя одной культуры сделать замечания партнеру по коммуникации, представляющему иную культуру. В этом случае могут иметь место недоразумения и непонимание, а невинные действия восприниматься как угроза или даже агрессия. Анализ европейского пути развития общества наглядно подтверждает тот факт, что формирование национального характера у представителей Западной Европы протекало в условиях индивидуального образа жизни и ведения хозяйства, т. е. когда интересы одной личности подавляли общественные и конечная цель состояла в том, чтобы выработать у индивида самостоятельность во всем, в том числе и в отношении родителей. Например, немцы с раннего детства приучают своего ребенка к обдуманым действиям и самостоятельности. Уже в садиках проводятся детские собрания на которых, подводятся итоги прошедшей недели и обсуждаются планы на предстоящую. Малышей учат печь печенье, варить суп, а многие игры ориентированы на практическое применение в жизни. Поэтому сегодняшние немецкие подростки подчеркнуто самостоятельны. Большая часть молодежи покидает родительский дом в возрасте 18 лет. Учась в универ-

ситете или работая, они живут в студенческих общежитиях или снимают одну квартиру на несколько человек, даже если у родителей простаивает пустой двухэтажный дом. Привычка не перекладывать на чьи-то плечи свои заботы и трудности в целом похвальна. Однако стремление к независимости имеет и обратную сторону: любовь к родителям часто выражается лишь в телефонных звонках, причем не чаще раза в месяц, или вообще в прекращении с ними любых контактов.

На протяжении всей истории русская культурная общность поддерживала коллективный вид отношений, а самой первой общественной ячейкой для него была семья. Для России это особенно характерно, поскольку русские семьи всегда были большими и проживали часто под одной крышей. Коллективное сознание представителя русской этнокультурной общности всегда ставит на первое место уважение к родителям и старшим, интересы семьи, радость и благополучие детей. Успехам же в труде, творчеству и свободе отводилось второстепенное место, а формирование личного мнения протекало под влиянием коллектива. Наглядным подтверждением размышлений о данной проблеме может служить немецкая сказка «Двенадцать братьев», в самом начале которой мы встречаемся с примером самостоятельности двенадцати братьев, которые уходят в лес: *...und mitten drein /.../ fanden sie ein kleines verwünschtes Häuschen, das leer stand... /.../ und schössen Hasen, wilde Rehe, Vögel und Täuberchen... /.../ und was zu essen stand...* [Brüder Grimm. Die zwölf Brüder. №9. S. 80]. – *...и в самой глухой лесной чащобе нашли небольшой заколдованный домик, стоявший пуст-пустехонек. /.../ и стали стрелять зайцев, диких коз, птиц и голубков что в пищу годилось...* [Пер. Г. Петникова. №9. С. 34].

В немецких сказках мы сталкиваемся и с другими ситуациями, например, очень часты случаи, когда отцы отправляют сыновей учиться определенному ремеслу, тем самым давая им возможность в будущем самостоятельно жить и зарабатывать деньги для себя и своей семьи. Например, в сказке «Путешествие мальчика-с-пальчика»: *«Vater, ich soll und muss in die Welt hinaus».*

«*Recht, mein Sohn*», *sprach der Alte...*» [Brüder Grimm. Daumerlings Wanderschaft. №45. S. 250]. – «*Отец, я должен непременно видеть свет.*» – «*Это верно, сын мой!*» – *сказал старик...* » [Пер. Г. Петникова. №37. С. 123].

Главные персонажи немецких сказок не только не рассчитывают на какие-нибудь повеления со стороны отца, матери или старших братьев, но и не видят в этом необходимости, поскольку рассчитывают только на свой ум и собственные силы.

Персонажи в русских сказках часто ждут неких подсказок и советов со стороны старших и действуют, как правило, вместе и слаженно, что подтверждается такими словами и выражениями, как: *слушайся их, если они тебя попросят помочь; будь умна, береги братца, не ходи со двора; поедемте вместе невест себе искать, порознь жениться не хочется; чтоб никому не обидно было; собрались девки, пошли за ягодами; возьми меня с собой; я товарищу завсегда рад; сидят тридцать три девицы, вышивают вместе* [Кузнецова 2014]. Или, например: *Говорит ему мать: «Ты бы, сынок, пошёл, около людей потёрся да ума набрался». «Постой, мама; сейчас пойду». – Пошёл по деревне, видит – два мужика горох молотят, сейчас подбежал к ним; то около одного потрётся, то около другого. «Не дури», – говорят ему мужики, – ступай, откуда пришёл». А он знай себе потирается. Вот мужики озлобились и принялись его цепями потчевать: так ошарашили, что едва домой приполз. «Что ты, дитяtko, плачешь?» – спрашивает его старуха. Дурак рассказал ей своё горе. «Ах, сынок, куда ты глупёшенек! Ты бы сказал им: бог помочь, добрые люди! Носить бы вам – не переносить, возить бы – не перевозить! Они б тебе дали гороху; вот бы мы сварили, да и скушали»* [Афанасьев. Набитый дурак. №404. С. 130].

Для немецких волшебных сказок характерны и достаточно частотны такие лексические единицы, как *treu dienen; fleißig sein; sich alle Mühe geben; vor Freude immer größere Stiche machen; er war ihm sein Leben lang treu gewesen; alle Arbeit von Herzen tun, in der großen Freude Arbeit tun*. Им всем присущ от-

тенок с положительной коннотацией: «...weil du mir so treu gedient hast, so will ich dich selbst wieder hinaufbringen» [Brüder Grimm. Frau Holle. №24. S. 169]. / «...так как ты мне хорошо и прилежно служила, то я сама провожу тебя туда». – Она взяла ее за руку и привела к большим воротам [Пер. Г. Петникова. №24. С. 82].

Достаточно широко в немецких сказках представлены и лексические единицы с оттенком отрицательной коннотации, например: *es hat sich müde gearbeitet; alle Arbeit tun; so viel Spinnen, dass ihm das Blut aus den Fingern sprang; eine immer größere Last aufbürden; schwere Arbeit auflegen; das tägliche Brot schaffen; wer Brot essen will, muss es verdienen; von Morgen bis Abend schwere Arbeit tun* и др., например: *Sie (Die Witwe. – А.Р.) hatte aber die hässliche und faule, weil sie ihre rechte Tochter war, viel lieber, und die andere musste alle Arbeit tun...* [Brüder Grimm. Frau Holle. №24. S. 169]. / Но мать больше любила уродливую и ленивую, а той приходилось исполнять всякую работу... [Пер. Г. Петникова. №24. С. 82].

В русских народных сказках имеют место такие лексические единицы с положительной коннотацией как: *не сидеть без дела, дома с легкостью управляться, с работой сладить, работа горит у нее, недаром хлопотать, верой-правдой служить, работа рук моих не минует, в поле возиться подпеваючи, уж как взялся за гуж, на все дюж* и др., например: «Скучно мне сидеть без дела, бабушка!» [А. Афанасьев. Василиса прекрасная. №104. С. 127].

Понятие «Faulheit» / «лень» и природа этого явления были интересны людям еще с древних времён. В настоящее время большинство споров связано не с определением данного явления, а с тем, как к нему относиться. С.И. Ожегов даёт следующее определение понятия «лень»: «отсутствие желания действовать, работать, любовь к безделью» [Ожегов 1983 : 276].

Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова трактует данное понятие следующим образом: *Лень – Отсутствие желания действовать, трудиться, склонность к безделью* [БТСРЯ 1998].

Немецкие толковые словари дают следующие определения этого понятия: *Faulheit – das Faulsein; Unlust, sich zu betätigen. Beispiel: er hat es aus reiner Faulheit nicht getan*» [Duden 1999]. Известно, что образ лентяя достаточно подробно отражен во многих сказках.

Основное чудо в них – не говорящие щуки, лягушки-царевны, волшебные предметы, а сыновья, которые умудряются пролежать на печи половину жизни, а потом благодаря щукам, Сивкам, Горбункам и мужичкам из ларцов или работающим царевнам получают царства и несметные богатства. Всё устраивается само по себе. В сказках лень довольно безобидна, не агрессивна, может неожиданно привести к открытию чего-то нового, порой полезного. Идея, рождённая как фантазия (ковёр-самолёт, скатерть-самобранка, тарелочка, всё показывающая, инструмент, что сам работает и т.п.), находит со временем и свое техническое воплощение [Спода 2009]. Интересен и тот факт, что концепт «лень» подразумевает не только нежелание трудиться, но и удовольствие от праздного времяпрепровождения, пассивность как черту характера, а также сопутствующие процессы (*слоняться без дела, заниматься пустяками, откладывать дела на потом, отвлекаться, медлить*). Лень активно препятствует всякой активности, заставляя постоянно взвешивать, настолько ли желанна та или иная вещь, чтобы стоило затрачивать усилия [Зализняк 2005].

Для представителя русской лингвокультурной общности содержание данного понятия включает такие лексемы как, *лень* (существительное и предикативное наречие), *лентяй, лодырь, лоботряс, ленивый, лениво, ленивец, разлениваться* и др.

В немецком языке это *Faulheit, Nichtstun, Faulenzer, Faulpelz, Nichtstuer, Tagedieb, faul, faulenzen* и др.

Из вышеприведенных примеров следует, что трактовки понятия «Faulheit / лень» как немецкими, так и русскими языковедами очень похожи: *Faulheit – Eigenschaft, nichts tun zu wollen. Лень – отсутствие желания действовать, трудиться, склонность к безделью* [Ожегов 1983], отсутствие желания

работать или делать что-либо. Следовательно, *лень* – отрицательное свойство, которое, как считается, мешает человеку себя реализовать. И действительно, такие русские лексемы, как *лодырь*, *лоботряс*, на самом деле отчетливо эксплицируют отрицательную оценку. Тем не менее отдельные слова относящиеся к данному понятию, выражают симпатию например *ленивец*. Лениость представлена в немецкой сказке целым рядом лексических единиц, в том числе и такими как: *Langeweile haben; du, in der Ecke, du musst auch was lernen; an dir ist Hopfen und Malz verloren; war vergnügt und spielte vor ihm herum; sie fing an zu faulenzten; in Saus und Braus leben* и др., например: *...am zweiten Tag aber fing sie (die Faule. – A.P.) schon an zu faulenzten* [Brüder Grimm. Frau Holle. №24. S. 169]. – *Но на второй день стала она полениваться...* [Пер. Г. Петникова. №24. С. 82].

Значительный корпус такого рода лексических единиц мы отмечаем и в текстах русских сказок: *что же ты не учишься, али целый век хочешь дураком изжить, сидит на завалинке, греется на солнышке, дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил, сидеть на печи да гложить кирпичи, дело пытатъ иль от дела лытатъ, кататься как сыр в масле, в углу прикорнуть, у ворот сидеть, на улицу глядеть, спал трое суток беспробудным сном, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался, все лежал на печи, перегребал сажу и спал по несколько суток непробудным сном* и др., например: *Покуда мать закручинилась так – то, Иван сидел на завалинке и ни о чем не горевал* [Афанасьев. Елена Премудрая. №198. С. 236].

Итак, лингвистический анализ немецких и русских сказок позволяет нам достаточно полно установить сходства и различия такого понятия, как «*Faulheit*» / «лень», которое в немецкой сказке сопровождается более негативной коннотацией; более положительный оттенок характерен для русской сказки, где данное понятие воспринимается скорее как прощительная слабость.

2.2 Лингвостилистические особенности сказочного дискурса

Существование любого языка определяется, как известно, его звучащей речью, организацией которой занимается раздел стилистики – так называемая – фоника, в отличие от фонетики, являющейся разделом языкознания, изучающим способы образования и акустические свойства звуков того или иного языка. К компетенции же фоники относится специфика звуковой организации речи. В ее задачи входит постановка поэтической речи, исследование звуковой выразительности художественной прозы и ряда других жанров, а в нехудожественной речи – правильная организация языкового материала с целью точного выражения мысли и исключения разночтений. Исходя из сказанного, рассмотрим некоторые фонетические средства выразительности в немецком и русском сказочном дискурсе. Сразу же отметим, что лингвистический анализ функциональных возможностей фонетических явлений в рамках немецкого и русского сказочного дискурса затрагивался достаточно узко. Тем не менее как в немецком, так и русском контексте сказок на фонологическом уровне имеют место особые чередования звуков, которые в сочетании с другими средствами позволяют сформировать различные способы усиления фонетической выразительности речи. Звуковой образ в тексте, как известно, тесно взаимосвязан не только с впечатлением, которое трансформируется в результате семантической сочетаемости языковых единиц, но и с усилением этого впечатления. Важным фактором при этом является также многозвучность сказочного мира, в котором многие предметы *rütteln sich* и *schütteln sich*, *jammern* и *weinen* могут перекликаться: *ручьями, фонтанами, деревьями и кустами*.

Набор фонетических стилистических средств рассматривается в рамках учения о благозвучии, или эвфонии (от греч. – благозвучие). Важная роль в обеспечении благозвучия в сказочном дискурсе отводится двум эвфоническим повторам (фигурам): *аллитерации, ассонансу*.

Сам термин «аллитерация» имеет латинские корни и означает «буква к букве». Это один из видов повтора звуков, а именно согласных, как правило, в начале слов, причем могут повторяться и прикрепленные к согласным гласные буквы, но вовсе не обязательно. Аллитерация с помощью фонетических эффектов формирует у читателя яркую картину сказочного дискурса, например: *Da rief eine feine Stimme aus der Stube heraus: "Knupper, knupper, Kneischen. Wer knuppert an meinem Häuschen?" Die Kinder antworteten: "Der Wind, der Wind. Das himmlische Kind"* [Brüder Grimm, Hänsel und Gretel. №15. S. 116]. – «Вдруг послышался изнутри чей-то тоненький голосок: *Хруп да хрум* все под окном. Кто грызет и гложет дом? Дети ответили: «Это гость чудесный. *Ветер поднебесный!*!» [Пер. Г. Петникова. №15. С. 51].

В данном примере аллитерация создаёт прочное сцепление единиц и эффект последовательности действий, придаёт ритмичность высказыванию, усиливает его образность, в результате читатель получает яркое впечатление от представляемой картины.

По нашим наблюдениям, в зачинах и концовках сказок прием аллитерации встречается часто в усилительных словах и параллельных конструкциях, например, в русской народной сказке «Царь-медведь» мы отмечаем следующий повтор: *Вот они думали-думали, как быть? Да и придумали...* [Царь-медведь. № 201. С. 74]. В предложении имеют место повторы звука [д] в словах *думали-думали, да и придумали* и [ц] – *водицы, колодец, царь-медведь* [Царь-медведь. № 201. С. 74], которые сразу же привлекают внимание читателя к содержанию сказки. В предложении же *А Иван-царевич взял Марью-царевну, и стали они жить-поживать, добра наживать* [Царь-медведь. № 201. С. 74] повтор согласного звука [ж] в конце сказки подчеркивает ее последовательность и завершение, формируя при этом довольно яркий гармоничный эффект – *жить-поживать, добра наживать*. В обоих примерах повторы согласных звуков тесно связаны также с вербализацией конкретных данных.

Известный русский ученый, филолог и поэт, уже в те далекие времена отмечал, что с помощью звуков можно выразить разные чувства. Его слова находят свое отражение как в поэзии, так и в фольклоре. Повторяющиеся определенные звуки в строфе, предложении или целом контексте способствуют в значительной мере усилению образности художественной речи [Ломоносов 1952]. В последующем примере для придания тексту сказки более яркой экспрессивности достаточно повторить всего лишь несколько гласных, т.е. использовать приём ассонанса, который имеет место не только в поэзии, но и в сказочном дискурсе. Его присутствие заключается в повторении отдельных гласных звуков или их сочетаний. Сам термин, имеющий французские корни – *assonance* (созвучие), издревле использовался в фольклоре. Чередование гласного звука в пределах определенного отрезка сказочного дискурса направлено на звуковую и смысловую организацию высказывания или для создания неполной рифмы, например: *Spieglein, Spieglein an der Wand, wer ist die Schönste im ganzen Land?* [Brüder Grimm. Schneewittchen. №53. S. 297]. Повторение дифтонга «*ie*» и звука «*a*» создает чувство уверенного спокойствия, передает динамичность движения, при этом добиваясь определенного эмоционального настроения у слушателя.

Примерно такой же эффект воздействия на читателя мы отмечаем и в русском сказочном дискурсе: *...в углу стоит кровать тесовая, на ней лежит перина пуховая. Тут утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось. Дедушка, дедушка, золотая головушка, серебряная бородушка! Поговорим-ка с тобою* [Буря-богатырь Иван коровий сын. № 136. С. 216]. Данный прием позволяет не только придать словам большую выразительность, но и воссоздать конкретный образ. Как видим, и в немецком, и русском сказочном дискурсе имеют место и аллитерация, и ассонанс, и рифма, и ритм. Более того, они находятся в тесном переплетении, дополняют и усиливают друг друга, способствуя тем самым реализации авторского замысла.

Другим способом организации звукового потока являются звукоподражания. Будучи одним из мощных экспрессивных средств языка, звукоподражательная лексика широко присутствует в сказочном дискурсе. Звукоподражательны не только те слова, которые ощущаются таковыми современными носителями языка, но и те, в которых эта связь в ходе развития языка оказалась ослабленной. Следует отметить, что немецкие звукоподражания, сходные в фонетическом отношении, большей частью неоднозначны и не могут выступать в качестве таковых в русском языке, и наоборот. Кроме того, даже в рамках отдельно взятого языка одно и то же слово квалифицируется с точки зрения отнесённости или неотнесённости к звукоподражательным словам по-разному, например, глаголы *jaulen* / *выть*, *zuvывать*, *kichern* / *хихикать*, *miehen* / *мычать*, *sirren* / *звонко гудеть* или *жуужжать*, *schnurren* / *гудеть*, *жуужжать*, *tackeln* / *тикать*, *wiehern* / *ржать* и ряд других немецкий словарь «Deutsches Universalwörterbuch» трактует как звукоподражательные с пометой *lautmalend*, в то же время 6-томный словарь «Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache» [1980] под редакцией Р. Клаппенбах и В. Штайница такой пометы не дает.

Произносительные несовпадения звукоподражательных слов в немецком и русском языках можно, по-видимому, обосновать тем, что оба этих языка осваивают звуки внешнего мира в соответствии с особенностями фонетической системы каждого из них, а это порождает и различия в области звукоподражания. Расхождение в составе звукоподражаний этих языков кроется скорее всего и в специфике культуры, географической среды проживания их носителей, в наличии или отсутствии тех или иных звуков в фонологической системе немецкого или русского народов, а также в разных путях, по которым осуществлялось освоение языковой действительности, например: *Am andern Tage, als sie mit dem König und allen Hofleuten sich zur Tafel gesetzt hatte und von ihrem goldenen Tellerlein aß, da kam, plitsch platsch, plitsch platsch, etwas* (Der Frosch. – A.P.) *die Marmortreppe heraufgekrochen* [Brüder Grimm. Der Froschkönig oder

der eiserne Heinrich. №1. S. 139]. – На другой день она села с королём и придворными за стол и стала кушать из своей золотой тарелочки. Вдруг – топ-шлеп-шлеп – взбирается кто-то (Лягушка. – А.П.) по мраморной лестнице... [Пер. Г. Петникова. №1. С. 5].

В результате в языках мира собаки лают, кошки мяукают, даже деньги звенят по-разному, например: *Als der Daumerling nun seine Arbeit von neuem anfing, hörten sie das Geld drinnen sich regen und klingen klipp, klapp, klipp, klapp* [Brüder Grimm. Daumerlings Wanderschaft. №45. S. 250]. – Когда же Мальчик-с-пальчик снова принялся за работу, часовые и точно услышали, что кто-то ворошится в деньгах за дверью и деньги позвякивают: *клин-клян, клин-клян* [Пер. Г. Петникова. № 37. С. 123].

Отмечены также случаи, когда в одном из языков может отсутствовать исходное слово, обозначающее сам звук, но имеется глагол. Например, в немецком языке нет звукоподражания мурлыканью кошки, но есть глагол *schnurren* / *мурлыкать*, отсутствует также звукоподражание ржанью лошади, но имеется глагол *wiehern* / *ржать*, в русском и немецком языках нет звукоподражания рёву слона, но есть глаголы: нем. *trompeten* и рус. *трубить*, *реветь*: *...und als es (Das Mädchen. – А.П.) in den Hof kam, saß der Hahn auf dem Brunnen und rief: «Kikeriki, Unsere goldene Jungfrau ist wieder hie»* [Brüder Grimm. Frau Holle. №24. S. 169]. – И только она (девушка. – А.П.) вошла во двор, запел петух, он как раз сидел на колодце: *Ку-ка-ре-ку!* [Пер. Г. Петникова. №24. С. 82].

Наши наблюдения позволяют заключить, что звукоподражания необычны уже тем, что обладают прямым сходством со звуками внешнего мира. Каждый язык по-своему осваивает звучания внешнего мира, и звукоподражания разных языков не совпадают друг с другом, хотя нередко обладают сходством.

В составе лексики можно отметить и нейтральные слова, которые обозначают понятия без оценивания со стороны рассказчика, и те, которые передают непосредственное авторское отношение. Особый слой лексики в сказке,

призванный отражать национальный колорит, – это так называемая культурно-маркированная лексика: безэквивалентная лексика (слова и устойчивые словосочетания, у которых отсутствуют полные и частичные эквиваленты в другом языке), реалии (слова, которые обозначают национально-специфические черты жизни и быта), фоновая лексика (лексические единицы, которые несут в себе как межнациональную, так и национальную информацию), культурно-коннотативная лексика (лексические единицы, обладающие культурными коннотациями), экзотизмы (слова и выражения, заимствованные из других языков и употребляемые для придания речи местного колорита), национальные словесные образы («словесное выражение образа обусловлено законами номинации языка, само же его возникновение и характер определяются внутренней формой слова и его внешними ассоциативными связями») [Ощепкова 2004 : 168].

Немецкий и русский языки представляют собой целостную и логически правильно выстроенную систему. Наименьшей, но не менее значимой единицей данной системы принято считать морфему, лежащую в основе любой языковой единицы – слова. Эти компоненты, исходя из возможности их звучания, произношения и строения, вполне могут рассматриваться как части речи или члены предложения. Каждая из упомянутых языковых единиц относится к определенному пласту языка.

На уровне лексики выделяются тропы – особые обороты речи, придающие ей особую выразительность. Подобными средствами на уровне синтаксиса являются фигуры речи. Как видим, всё в языковой системе взаимосвязано и взаимообусловлено.

В немецком сказочном дискурсе значительная роль в реализации семантических и эмоционально-экспрессивных оттенков отводится и такой категории слов, как модальные слова и частицы. Преимуществом обладают также наклонения и модальные глаголы, в то время как в русском – модальные слова и частицы. Эти расхождения выходят за рамки лексических отношений и ока-

зываются существенными для построения высказываний, например: ...*wenn du alle Arbeit im Hause ordentlich tun willst, so soll dir's gut gehn. Du musst nur achtgeben...* [Brüder Grimm. Frau Holle. №24. S. 169]. – *Если ты будешь хорошо исполнять у меня в доме всякую работу, тебе будет хорошо. Только смотри...* [Пер. Г. Петникова. №24. С. 82]. В данном случае тип модального отношения в русском языке не называется, а лишь имплицитно просматривается на базе синтаксиса.

Одним из самых типичных соответствий немецких модальных глаголов в текстах русских сказок, по нашим наблюдениям, можно считать предикативные слова модального значения *можно, нужно, надо, нельзя* и модальные слова *возможно, наверно, вероятно, пожалуй, действительно, сомнительно, конечно* и т.д., например: *Konntet ihr nicht säuberlicher mit mir umgehen?* [Brüder Grimm. Schneeweißchen und Rosenrot. №161. S. 674]. – *Разве нельзя было обращаться со мной повезливее?* [Пер. Г. Петникова. №161. С. 413].

Соответствия немецких модальных глаголов и русских модальных слов особенно наглядно прослеживаются при выражении предположения, например: ...*spinn lieber, vielleicht kannst du das besser* [Brüder Grimm. König Drosselbart. №52. S. 291]. – ...*может быть, прясть ты можешь лучше, чем плести...* [Пер. Г. Петникова. №52. С. 159]. Носителями модальных значений в текстах сказок служат преимущественно глаголы, употребление которых способствует установлению конгруэнтности с определенным лицом, тогда как в русских переводах таким предложениям соответствуют личные и неопределенно-личные построения, например: *Wie soll da einer zur Ruhe kommen und seines Lebens froh werden!* [Brüder Grimm. Der faule Heinz. №164. S. 692]. – *Как тут можно быть спокойным и радоваться жизни?* [Пер. Г. Петникова. №164. С. 424].

Интересен и тот факт, что разнообразное содержание в текстах сказок воплощается весьма ограниченным количеством немецких модальных глаголов. В текстах же их русских переводов отмечается присутствие многочисленной группы таких глаголов, как *мочь, уметь, хотеть, намереваться, соби-*

ратся, любить, (не) терпеть, запрещать, разрешать, полагаться, испытывать необходимость, быть в состоянии, быть способным, быть призванным и др., при этом глаголы, употребляются преимущественно в третьем лице: *пришлось, довелось, вышло, посчастливилось, получилось, удалось, сорвалось* и многие другие, например: ... *aber nur zwölf goldene Teller hatte, von welchen sie essen sollten, so musste eine von ihnen daheim bleiben* [Brüder Grimm. Dornröschen. №50. S. 281]. – ...но так как у короля было только двенадцать золотых тарелочек, на которых им полагалось подавать кушанья, то одну из них пришлось не приглашать [Пер. Г. Петникова. №50. С. 155].

Имеют место и примеры, в которых категория модальности, выраженная в оригинале модальным глаголом, в русском варианте остается невыраженной, например: *Was soll daraus werden?» sprachen sie* (Die Kriegsleute. – А.Р.) *untereinander...* [Brüder Grimm. Das tapfere Schneiderlein. №20. S. 142]. – *Чего тут ждать хорошего? – говорили они* (королевские ратники. – А.П.) *между собою* [Пер. Г. Петникова. №20. С. 67]. Например, употребление глагола *wollen* бывает связано с выражением начинательности, что отображается в русском языке глаголами *собираться, начинать, становиться* или наречиями «*вот-вот, того и гляди, сейчас, скоро*»: *Ich will gerne mit dir gehen...* [Brüder Grimm. Rapunzel. №12. S. 104]. – *Я охотно пойду вместе с тобой...* [Пер. Г. Петникова. №12. С. 43].

Глагол *lassen* имеет в русском варианте параллели в виде: а) отдельных переходных глаголов или б) аналитических конструкций с глаголами «распорядительной семантики»: *велеть, приказывать, сделать так, чтобы...*, например: ...*und lass er die Mutter eine große Schüssel voll Essen kochen...* [Brüder Grimm. Der junge Riese. №90. S. 453]. – ...*да вели матери наварить мне миску еды...* [Пер. Г. Петникова. №90. С. 266].

В немецком сказочном дискурсе к модальным глаголам функционально примыкают глаголы *brauchen, beabsichtigen, benötigen, scheinen, glauben*, сочетания *verpflichtet sein, imstande sein*, например: *Er brauchte nicht lange zu*

suchen... [Brüder Grimm. Das tapfere Schneiderlein. №20. S. 142]. – *Недолго пришлось ему искать...* [Пер. Г. Петникова. №20. С. 67].

В содержании текстов немецких сказок имеется и ряд глаголов, которые эксплицируют всевозможные действия или состояния: *schlafen* (*спать*), *dauern* (*длиться, продолжаться*), *laufen* (*бежать*), а также глаголы с семантикой событийного типа: *einholen* / *настигать*, *erlösen* / *освободить, избавлять*, *sich verwandeln* / *превращаться* и др., например: *Da erzählte er ihr, er wäre von einer bösen Hexe verwünscht worden, und niemand hätte ihn aus dem Brunnen erlösen können als sie allein* [Brüder Grimm. Der Froschkönig oder der eiserne Heinrich. №1. S. 39]. – *Он рассказал ей, что его околдовала злая ведьма, и никто бы не мог освободить его из колодца, кроме неё одной* [Пер. Г. Петникова. №1. С. 5].

Намного ярче и шире различия между высказыванием, действительностью и тем, кто его эксплицирует, выражаются в языке сказки посредством *модальных слов*. Это объясняется самим устройством поля модальности: именно модальные слова – обширная и семантически разнородная группа наречий – конституируют тот фрагмент поля, в котором категория модальности максимально отмечена (по совокупности включаемых признаков) семантической дифференциацией. Анализируя текстовое «поведение» средств выражения субъективно-модального отношения этой категории слов, следует отметить их особую роль в формировании коммуникативно-прагматического (актуального и динамического) плана структуры высказывания. Степень предположения в достоверности высказывания в текстах сказок представляют модальные слова типа: *hoffentlich*, *vermutlich*, *vielleicht*, *voraussichtlich*, *möglich*, *wahrscheinlich*, *scheinbar*, например: *Ich will noch ein Jahr warten und es dann noch einmal versuchen, vielleicht geht's besser* [Brüder Grimm. Der starke Hans. №166. S. 700]. – *Ладно, уж год я подожду, а там снова попробую, – может, потом лучше удастся* [Пер. Г. Петникова. №166. С. 431].

В русских волшебных сказках мы отмечаем часто *краткие и усеченные формы глаголов*: *хватъ* вместо *схватил*, *подь* вместо *пойди* и т.д., а также прилагательных: *красно солнце*; *буйну голову повесил* и др.

Для придания тексту сказки дополнительных выразительных возможностей имеют место и различные *усилительно-выделительные частицы*: *-то*; *вот*; *что за*; *-ка* и др., например: *Осмотрелся старик кругом. «Что за чудо! – говорит. – Глас человеческий слышу, а никого не вижу* [Афанасьев. Мальчик с пальчик. №300. С. 336].

В текстах русских волшебных сказок закрепились также определённая *лексическая сочетаемость*, например: *слезами заливаться*, *слово вымолвить* и т.д.

Для немецких сказок характерны и достаточно частотны такие лексические единицы как *treu dienen*; *fleißig sein*; *sich alle Mühe geben*; *vor Freude immer größere Stiche machen*; *er war ihm sein Leben lang treu gewesen*; *alle Arbeit von Herzen tun*, *in der großen Freude Arbeit tun*. Им всем присущ оттенок с положительной коннотацией: *Der getreue Johannes war sein liebster Diener und hieß so, weil er ihm sein Leben lang so treu gewesen war* [Brüder Grimm. Der treue Johannes. №6. S. 66]. – *Этот Иоганн был его любимый слуга и так назывался потому, что всю жизнь служил королю верой и правдой* [Пер. Г. Петникова. №6. С. 22].

Достаточно широко в немецких сказках представлены и лексические единицы с оттенком отрицательной коннотации: *es hat sich müdgearbeitet*; *alle Arbeit tun*; *so viel Spinnen, dass ihm das Blut aus den Fingern sprang*; *eine immer größere Last aufbürden*; *schwere Arbeit auflegen*; *das tägliche Brot schaffen*; *wer Brot essen will, muss es verdienen*; *von Morgen bis Abend schwere Arbeit tun* и др. Например: *Sie hatte aber die hässliche und faule, weil sie ihre rechte Tochter war, viel lieber, und die andere musste alle Arbeit tun...* [Brüder Grimm. Frau Holle. №24. S. 169]. – *Но мать больше любила уродливую и ленивую, а той приходилось исполнять всякую работу...* [Пер. Г. Петникова. №24. С. 82].

Русские волшебные сказки не лишены также лексических единиц с положительной коннотацией: *не сидеть без дела, дома с легкостью управляться, с работой сладить, работа горит у нее, недаром хлопотать, верой-правдой служить, работа рук моих не минует, в поле возиться подпеваючи, уж как взялся за гуж, на все дюж и др.*, например: *Вот как-то говорит она (Василиса. – А.П.) старушке: Скучно мне сидеть без дела, бабушка!* [Афанасьев. Василиса Прекрасная. № 104. С. 127]. Таким образом, отмеченный пласт лексики, эксплицитно или имплицитно выражающий чудесное, сказочное, выступает значимым языковым репрезентантом в сказочном дискурсе.

Лексический уровень языка включает и такие средства, как *синонимы, антонимы, омонимы, паронимы, слова в переносном значении, диалектизмы, жаргонизмы, термины, просторечная лексика, архаизмы, фразеологизмы* и др. В ареале лексической системы большая роль отводится семантике лексических единиц. Это связано с наличием в ней значительного числа многозначных слов, где «возникает проблема правильности, смысловой точности и стилистической уместности слова в высказывании (употребление синонимов, паронимов, фразеологических оборотов и т.п.)» [РЯ : 164]. Правильный же подбор синонимов позволяет исключить тавтологию и в целом обогащает речь, особенно художественную. В своих исследованиях Ю.Д. Апресян отмечает, что взаимозаменяемыми синонимичными могут быть признаны лишь те словарные единицы, которые в совпадающем значении употребляются в одной общей конструкции и имеют частично совпадающую сочетаемость. [Александрова 1986]. Немецкий и русский сказочный дискурс характеризуется присутствием значительного количества данной категории слов, например, в немецких сказках «Frau Hölle» и «Rumpelstilzchen» мы встречаем такие синонимы, как *jammern – weinen* (Brüder Grimm, Rumpelstilzchen); *Reichtümer – Schätze* (Brüder Grimm. Rumpelstilzchen); *Ross – Schimmel* (Brüder Grimm. Der Eisenhaus); *кинуться – броситься, забить – вогнать, взять – посмотреть – взглянуть* [Иван

– крестьянский сын и Чудо-Юдо. №59] и др., например: *Кинулся он тут на Ивана; Бросился он тут на Ивана и вогнал его по пояс в сырую землю...*

Антонимы, как и синонимы, приобретают свое противоположное значение в условиях определённого контекста. В основе сопоставления находится один и тот же общий признак, например, характеристика разного рода качественных признаков: *вкус, красота, размер, цвет; различные эмоции, пространство, время, действие* и многое др. Такие лексемы и именуется антонимами (греч. *anty* – против + *онута* – имя). Их присутствие в сказочном дискурсе помогает сказителю более эмоционально донести до слушателя смысл и содержание текста, например, в сказке «Frau Hölle» было две дочери: *eine schöne und fleißige*, а другая – *eine hässliche und faule*. В русской сказке «Двенадцать месяцев» – *дура – умница*; у старика было три сына: *двое умных, третий – дурачок* («По щучьему веленью») и многие другие. В данном случае сказитель заранее формирует в сознании слушателя противоположный контраст как в отношениях, так и чувствах к героям сказки.

Лингвистический анализ немецкого и русского сказочного дискурса свидетельствует и о присутствии в них *архаизмов*, например: *Er ward so gut aufgenommen... / Его хорошо приняли...* [Brüder Grimm. Die zertanzten Schuhe]; *Da kam plötzlich ein trunkener Husar dahergejagt...* [Brüder Grimm. König Drosselbart]; *Наши Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят.* [По щучьему велению]; *И вытолкали Василису из горницы* [Василиса Прекрасная] и др. В настоящее время такого рода грамматические формы и лексика не употребляется, но их присутствие в текстах способствует созданию колорита тех далеких времен.

Немецкий и русский сказочный дискурс изобилует и такими лексическими средствами, как *фразеологизмы*, которые представляют собой устойчивые словосочетания, воспроизводимые одинаково представителями как одного, так и другого социума, например: *hässlich, wie die Sünde werden* (Brüder Grimm. Die weiße und die schwarze Braut); *wie ein Fisch im Wasser* (Brüder

Grimm. Vom klugen Schneiderlein); *das Bett fleißig aufschütteln* [Brüder Grimm. Frau Holle]; *wie mit Mulden gießen* [Brüder Grimm. Die drei Brüder]; *ходить за тридцать земель*; *рубить по себе дерево* [«Волшебное кольцо»]; *сидеть сложа руки* [«Василиса Прекрасная»]; *служить верою и правдою* [«Заколдованная королева»] и др. Например: *Da herzten sie ihre liebe Mutter, und hüpfen wie Schneider, der Hochzeit hält* [Brüder Grimm. Der Wolf und die sieben jungen Geißlein]. – *Стали они ласкаться да голубиться к милой своей матушке, скакать и прыгать, словно портной на свадьбе* [Пер. Г. Петникова].

Долго-долго странствовал, много земель и много морей видел, наконец, прилетел на край света; стоит избушка, а дальше никакого ходу нет – одна тьма кромешная, ничего не видать! [«Заколдованная королева»].

Таким образом, присутствие в сказочном дискурсе таких языковых средств, как *синонимы, антонимы, омонимы, слова в переносном значении, архаизмы, фразеологизмы* и др., позволяет не только охарактеризовать самих героев, окружающий мир, исторический период того или иного общественного развития, но и отразить культуру и обычаи определенного периода.

Глубина мудрости и красочная палитра в немецком и русском сказочном дискурсе широко реализуется и такого рода лексическими средствами, как *тропы: эпитет, сравнение, метафора, олицетворение, метонимия, синекдоха, гипербола, литота, ирония, перифраз* и многие другие. Их функциональный потенциал позволяют значительно расширять границы употребляемых слов за счет использования большой гаммы вторичных оттенков, усиливать эмоциональную окраску речи, углублять представления о том или ином явлении и вносить в текст эмоциональные положительные и/или отрицательные нюансы. Присутствие тропов в тексте сказки помогает наделять явления окружающей действительности новыми свойствами, вследствие чего они приобретают иное целевое значение и выглядят ярче и выразительнее. Один и тот же контекст способен заключать в себе как отдельные, независимые виды тропов, так и их сочетание. Следует отметить также многообразие и субъективность самой

специфики художественных приемов, присутствие которых часто не позволяет распознать соответствие определенных тропов в контексте сказки, например, не всегда удается точно дифференцировать метафору и сравнение или метафору и эпитет.

Примечательно и то, что ряд античных исследователей, в том числе Аристотель и Деметрий Фалерский, уже в то время «различали "фигуры речи" (нетропеические) – *фигуры* – необычные по синтаксису обороты речи, применяемые для усиления выразительности выступления, и "фигуры мысли" (тропеические) – *тропы* – обороты речи, основанные на употреблении слова или сочетания слов в переносном значении и используемые для изобразительности и выразительности речи» [Желтухина 2004: 30].

В работах современных ученых наблюдается неоднозначный подход к данному вопросу. М.П. Брандес, например, усматривает в общей группе фигуры совмещения и фигуры замещения. Фигуры замещения она разбивает на фигуры количества (*гипербола, мейозис, литота*) и фигуры качества (*сравнение, метонимия, синекдоха, перифраз, эвфемизм, метафора, антономасия, персонификация, аллегория, ирония*). К фигурам качества, по ее мнению, «относятся стилистические приемы опосредованной языковой образности, известные под названием *тропы*» [Брандес 1983 : 196].

Более того, неоднозначно у разных авторов представлено и само определение. «Лингвистический энциклопедический словарь» под редакцией В.Н. Ярцевой трактует эти фигуры как «поворот или оборот речи, т.е., согласно длительной традиции, понятие поэтики и стилистики, обозначающее обороты (образы), которые основаны на употреблении слова (или сочетания слов) в переносном значении, использующиеся для усиления выразительности и изобразительности речи» [ЛЭС. 1990 : 520]. Правда, подобного рода толкование представлено конкретным рядом: *метафора, метонимия, синекдоха*, а также *эпитет, гипербола, литота, перифраза* и некоторые другие.

Б.В. Томашевский высказывает несколько иное мнение, называя тропом слово в измененном значении, отмечая, что окраска тропа заключается, в отличие от привычного обозначения предмета или явления постоянно соответствующим ему привычным словом, происходит перераспределение признаков, так что на первый план выступают признаки, обычно запрятанные среди других, образующих понятие или представление [Томашевский 1999].

По мнению же Д.Э. Розенталя, «троп – это оборот речи, в котором слово или выражение употреблено в переносном значении. В основе тропа лежит сопоставление двух понятий, которые представляются нам близкими в каком-то отношении» [Розенталь 1987 : 58].

В своей работе мы солидарны с подходами античных ученых и склонны рассматривать обороты речи, основанные на употреблении слова или сочетания слов в переносном значении как тропеические фигуры мысли, а необычные по синтаксису обороты речи, как нетропеические фигуры речи.

Кратко рассмотрим некоторые из них. Довольно распространенным изобразительным средством в сказочном дискурсе выступает *эпитет* (от греч. *epitheton* – приложение) – образное определение предмета или действия. Функции данного тропа разнообразны: изобразительная (характеристика свойств героев и предметов), выразительная (выражение эмоциональной оценки), композиционная (средство создания контраста, антитезы); при этом выражение эмоциональной оценки преобладает над простой характеристикой свойств. Анализ материала позволил выделить два типа эпитетов.

Простые эпитеты: *hässliche Tochter; armes Mädchen; böses Wort; goldene Jungfrau; seltsames Gewisper; heftiges Scheltwort; mitleidiges Herz; dummes Pferd; dankbare Tiere; böse Hexe; красна девица; белая уточка; золотое яичко; русский дух, шелковый ковер; добрый молодец; добрый конь; тридевятое царство* и др., например: *In einem weit entfernten Königreich, hinter dreimal neun Ländern im dreimal zehnten Reich lebte einst ein starker und mächtiger König* [Пер. А. Дитрих]. – *В некотором царстве, за тридевять земель – в тридесятом гос-*

ударстве жил-был сильный, могучий царь [«Жар птица и Василиса царица». №169. С. 344].

Широко представлены также и *эпитеты*, характеризующие сказочную природу, фауну, окружающий мир, обычных героев и предметы, сказочные здания и др. Приведем примеры.

Разнообразие сказочной фауны: *grauer Wolf*; *олень быстроногий*; *лютая медведица*; *волшебный конь*, например: *Doch es kam eine Zeit, da drang jemand immer wieder in den Garten ein und raubte goldene Äpfel* [Пер. А. Дитрих]. – *Стал кто-то царский сад посещать, золотые яблоки воровать* [«Иван-царевич и серый волк». №168. С. 331].

Животные и птицы сказочной внешности: *weiße Schlange*; *lustiger Hirsch*; *с золотой головкою*; *с золотыми рогами*, *золотой шерсткою*, *золотыми перышками*, *золотым волосом* и др., например: *Voll Zorn sprach der König: "So leicht soll es dir nicht werden, wer meine Tochter haben will, der muss mir aus der Hölle drei goldene Haare von dem Haupt des Teufels holen..."* [Brüder Grimm. Der Teufel mit den drei goldenen Haaren Märchen]. №29ю S. 191). – *Кто хочет быть мужем моей дочери, тот должен мне добыть из преисподней три золотых волоска с головы черта...* [Пер. Г. Петникова. №29. С. 97].

Природа и окружающий мир: *goldener Apfel*; *böses Wetter*; *großer Baum*; *dunkler Wald*; *mächtige Felsenstücke*; *тучи черные*; *чистое поле*; *пустое место*; *сырый дуб*; *ни свет, ни заря*; *глубокий погреб*; *крутая гора*; *вольный свет*; *зеленые луга*; *красное солнышко*; *дремучий лес*; *кисельные берега* и др., например: *Женился Андрей-стрелок. Каждое утро ни свет ни заря идет в лес, настреляет дичи и несет на царскую кухню* [«Поди туда не знаю куда, принеси то не знаю что»].

Nahe bei dem Schlosse des Königs lag ein großer dunkler Wald... [Brüder Grimm. Der Froschkönig oder der eiserne Heinrich. №1. S. 39]. – *Вблизи королевского замка раскинулся большой дремучий лес...* [Пер. Г. Петникова. №1. С. 5].

Сказочные здания и сооружения: *alter Turm; enge Wendeltreppe; kleine Tür; kleines Stübchen; verlassenes Schloss; runde Fensterscheibe*; богатые комнаты; белокаменные палаты; оловянный замок; золотая беседка; избушка на курьих ножках; палаты раззолоченные, например: *Взошли они оба в расписные палаты и сели за накрытый стол* («[Царевна-змея». №270. С. 268].

Сказочное пространство: *gewaltiger Goldregen; der Hexenwald; finsterer Wald*; чужие земли; в некотором царстве, в некотором государстве; смоляная река; за тридевять земель; медовый колодец; огненный луг с горящими углями; медное царство, за тридевять земель; тридесятое царство; и др., например: *Das Tor ward aufgetan, und wie das Mädchen gerade darunter stand, fiel ein gewaltiger Goldregen...* [Brüder Grimm. Frau Holle. №24. S. 169]. – *Открылись ворота, и когда девушка оказалась под ними, вдруг пошел сильный золотой дождь...* [Пер. Г. Петникова. №24. С. 82].

Путь или дорога: *путь-дорога; близко ли, далёко ли; ехали, ехали; долго ли, коротко ли; лез-лез; шел-шел*; в дальний путь; в обратный путь, например: *И так она шла-шла, пока не вышла на солнечную поляну, посередине которой стоял маленький домик* [«Белоснежка и семь гномов»].

Обычные герои и предметы: *armer Bär; hohes Alter; schwarzer Gesell; armer Mann; feurige Augen; dicke Klötzen; verwünschtes Holz; weißer Bart; alberne Milchgesichter; schwaches Geschöpf*; родная матушка; белые ручки; бедный мужик; сильный человек; старший брат; белый клубок; серебряная вилочка, например: *Einmal, als sie im Walde übernachtet hatten und das Morgenrot sie aufweckte, da sahen sie ein schönes Kind in einem weißen, glänzenden Kleidchen neben ihrem Lager sitzen* [Schneeweißchen und Rosenrot. №161. S. 674]. – *Однажды заночевали они (Белоснежка и Алоцветик. – А.П.) в лесу, проснулись на рассвете, видят – сидит рядом с ними чудесное дитя в белом сверкающем платье* [Пер. Г. Петникова. №161. С. 413].

Волшебству сказочных героев помогают предметы с определениями *золотой, медный, серебряный, оловянный, железный, красный* и др., например:

Da musste sie in die rotglühenden Schuhe treten [Brüder Grimm. Schneewittchen. №53. S. 297]. – *Затем ее заставили вставить ноги в эти раскаленные башмаки* [Пер. Г. Петникова. №53. С. 162].

Большая частотность употребления в сказочном дискурсе отводится, по нашим наблюдениям, и *сравнению* – одному из самых распространенных средств изобразительности, особенно в монологической речи. В лингвистике сравнение (от лат. *comparatio*) – это «фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, общего с первым» [Ахманова 1966 : 452]. В сказочном дискурсе этот троп реализуется за счет использования морфологических, лексических и синтаксических единиц. Так, например, морфологический уровень чаще всего образуют степени сравнения прилагательных, лексический уровень образуется сложными прилагательными. Отнесение этого тропа к лексическим образным средствам в известной мере условно, так как он проявляет себя не только на лексическом уровне. Сравнение может быть выражено словом, словосочетанием, сравнительным оборотом, придаточным предложением, а также простым или сложным синтаксическим целым. Способы выражения сравнения могут быть эксплицитными и имплицитными. В сказочном дискурсе, по нашим наблюдениям, широко представлены традиционные сравнительные обороты, в которых проводится сопоставление, например, внешнего облика с *зеленым лугом, старым пастухом, смирной овечкой* или другими объектами: *Nun lag Schneewittchen lange, lange Zeit in dem Sarg und verweste nicht, sondern sah aus, als wenn es schlief, denn es war noch so weiß wie Schnee, so rot wie Blut und so schwarzhaarig wie Ebenholz* [Brüder Grimm. Schneewittchen. №53. S. 297]. – *Вскоре после того в вечернюю пору семеро гномов вернулись домой и как же перепугались, когда увидели Белоснежку, распростертую на земле; притом она и не двигалась, и не шевелилась, была словно мертвая* [Пер. Г. Петникова. №53. С. 162]. В контекстах сказок сравнение может выполнять изобразительную либо выразительную функцию или совмещать их. Этот троп выступает устойчивым сло-

восочетанием, выражающим субъективную оценку сообщаемого к действительности. Образное сравнение неповторимо как форма познания; кроме того, оно оперирует абсолютно различными предметами, намеренно берет их из самых разных областей: *bleich wie Tod; dick wie das Weinfass; gut wie du; groß wie ein Daumen; седой как лунь; поле как ладонь гладкое; его царство как на ладони; стоят как столбы; стань передо мной, как лист перед травой; разгорячил коня и как огонь пролетел мимо окошка* и др., например: *Der eine war ihr zu dick, "das Weinfäß!" sprach sie* [Brüder Grimm. König Drosselbart. №52. S. 291]. – *Один, по ее мнению, был слишком толст, и она говорила: «Он точно винная бочка!»* [Пер. Г. Петникова. №52. С. 159].

При сопоставлении с другими тропами, сравнение также выделяется благодаря структурному разнообразию. Обычно оно выступает в форме сравнительного оборота, присоединяемого с помощью союзов *wie, als, als ob, как, точно, словно, будто, как будто* и др., например: *«Ei,» rief sie* (Die Königstochter. – А.Р.) *und lachte, «der (Der König. – А.Р.) hat ein Kinn, wie die Drossel einen Schnabel»* [Brüder Grimm. König Drosselbart. №52. S. 291]. – *она стала над ним смеяться и сказала: «У него подбородок, словно клюв у дрозда!»* [Пер. Г. Петникова. №52. С. 159].

В русском сказочном дискурсе нами отмечены и неопределенные сравнения, к которым относятся и фольклорные устойчивые обороты *ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать; ни в сказке сказать, ни пером описать*, например: *...и выходит оттуда Василиса Премудрая: на лазоревом платье – частые звезды, на голове – месяц ясный, такая красавица – ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать* [«Царевна-лягушка». №267. С. 260].

Таким образом, сравнение является достаточно ярким средством в изображении тех или иных образов в сказочном дискурсе. Как одно из художественных средств языка оно служит для сопоставления допустимого, известного или возможного. Формирование сравнения как художественного образа

происходит в процессе его воплощения в произведении и полностью зависит от его создателя.

В основе любой сказки присутствует и *метафора*, функциональные возможности которой рассматривались еще в философских трактатах античности. В качестве подтверждения наших наблюдений приведем высказывания Аристотеля, который считал, что из различных способов выражения важнее всего быть искусным в метафорах, поскольку этого нельзя перенять от другого [Аристотель 1952]. Интересен и тот факт, что метафора не только представлена в поэтических образах и в аллегориях литературного жанра, но и занимает значительное место в произведениях сказочников, например: *Da kam der graue Wolf angesprungen und schnappte sich einen Raben mit seinem Jungen. «Flieg davon, Rabe und hole mir das Wasser des Lebens und das Wasser des Todes. Wenn du mir beides herbringst, so lasse ich dein Junges ziehen»* [Prinz Iwan und der graue Wolf. Пер. А. Дитрих]. – *Откуда ни возьмись, прибежал серый волк и схватил ворона с вороненком: «Ты лети-ка, ворон, за живой и мертвой водой. Принеси мне живой и мертвой воды, тогда отпущу твоего вороненка»* [Афанасьев. Иван-царевич и серый волк. №168. С. 331].

Метафора, в понимании О.С. Ахмановой, представляет собой «троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии» [Ахманова 1966 : 231]. Из многочисленных тропов метафоре присуща не только особая экспрессия, но и ведущая роль среди маркеров художественных средств в языке. Ее присутствие способствует созданию емкого образа и реальных ассоциаций. Этот троп, по распространенному в лингвистике определению, представляет собой «оборот речи, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основе какой-нибудь аналогии, сходства, сравнения» [Ожегов 1983 : 308]. В научной литературе он трактуется как сокращённое сравнение, лишённое предикатов подобия (*похож, напоминает* и др.) и компаративных союзов (*как, как будто, как бы, словно, точно* и др.), например: *Поутру белая уточка зовет деток; детки*

нейдут. Зачуяло ее сердце, встrepенулась она и полетела на княжский двор. На княжьем дворе, белы как платочки, холодны как пласточки, лежали братцы рядышком [Афанасьев. Белая уточка. №265. С. 258]. В прагматическом аспекте этот троп рассматривается как способ употребления языка, при котором знаковое значение слов используется для выражения других смыслов и представляет собой «семантическое явление, обусловленное наслоением на прямое значение слова под влиянием узкого или широкого контекста добавочного смысла, который у этого слова в составе произведения становится доминирующим» [Хендрикс 1980 : 22], например: *Im Nachbarreich regiert ein König, der Kusman heißt. Er hat ein Pferd mit einer goldenen Mähne* [Prinz Iwan und der graue Wolf. Пер. А. Дитрих]. – *В таком-то царстве у царя Кусмана есть конь золотогривый.* [Иван-царевич и серый волк. №168. С. 331]. В то же время данный вид тропа чаще всего определяется и как скрытое сравнение, когда сопоставляется один предмет с другим, у которого выявляется какая-то важная черта, например: *Da rief er (Der Zwerg. – А.Р.) in Herzensangst: «Lieber Herr Bär, /.../ die beiden gottlosen Mädchen packt, das sind für Euch zarte Bissen, fett wie junge Wachteln...»* [Brüder Grimm. Schneeweißchen und Rosenrot. №161. S. 674]. – *И крикнул карлик в большом страхе: «Дорогой мой сударь медведь, пощади ты меня съешь лучше вот этих двух злых девочек; они будут для тебя лакомым куском, они жирны, как молодые перепелки...»* [Пер. Г. Петникова. №161. С. 413].

Лингвистический анализ сказочного дискурса приводит к мысли, что в основу метафоризации может быть положено сходство самых различных признаков предметов: *цвета, формы, объема, назначения, положения в пространстве и времени* и т.д., например: *Sobald der Zwerg sich frei fühlte, griff er nach einem Sack, /.../ und brummte vor sich hin: «Ungehobeltes Volk, schneidet mir ein Stück von meinem stolzen Barte ab!»* [Brüder Grimm. Schneeweißchen und Rosenrot. №161. S. 674] – *Как только карлик освободился, он тотчас схватил мешок, /.../ и проворчал про себя: «Вот неотесанный народ, отрезали кусок та-*

кой чудесной бороды, черт вас возьми!» [Пер. Г. Петникова. №161. С. 413]. В контексте сказки метафора может быть выражена различными частями речи, например, *существительным, прилагательным, глаголом*: *Als sie das hörte, lief ihr alles Blut zum Herzen...* [Brüder Grimm. Schneewittchen. №161. S. 674]. – *Когда королева это услышала, то задрожала от бешенства* [Пер. Г. Петникова. №161. С. 413]. Позиционирование метафоры в ином фразовом окружении способствует ее обновлению и приобретению нового качества, например: *Da wollten sie es begraben, aber es sah noch so frisch aus wie ein lebender Mensch und hatte noch seine schönen, roten Backen. Sie sprachen: «Das können wir nicht in die schwarze Erde versenken», und ließen einen durchsichtigen Sarg von Glas machen...* [Brüder Grimm. Schneewittchen. №161. S. 674]. – *Уж они собирались похоронить ее, но она на вид казалась свежее, была словно живая, даже и щеки ее горели прежним чудесным румянцем. Гномы сказали: «Нет, мы не можем ее опустить в темные недра земли», – и заказали для нее другой, прозрачный хрустальный гроб...* [Пер. Г. Петникова. №161. С. 413].

Таким образом, метафорическое образование, являющееся традиционным в сфере национального языка, не остается неизменным, а вместе со своей системой языка развивается, вступая в семантическое взаимодействие с другими словами.

Довольно частотно в сказочном дискурсе представлено и *олицетворение*. Этот лексический прием служит в сказках для придания неодушевленным предметам признаков, свойственных только человеку, и создания волшебного мира, который изобилует невероятными чудесами. В сказках они могут общаться друг с другом, переживать, жаловаться – одним словом, проживать собственную жизнь. Примечателен и тот факт, что олицетворению подвергаются как предметы, так и птицы, животные, например, в сказке «Поди туда не знаю куда, принеси то не знаю что» это горлица, дающая Андрею-стрелку добрые советы: *А горлица говорит ему человеческим голосом: «Не губи меня, Андрей-стрелок, не руби моей головы, возьми меня живую, принеси домой, по-*

сати на окошко». А в сказке «Frau Holle» – «Госпожа Метелица» печка обращается к бедной девушке со словами «*Ach, zieh mich raus, zieh mich raus, sonst verbrenn ich: ich bin schon längst ausgebacken*» [Brüder Grimm. Frau Holle. №24. S. 169]. – «*Ах, вытащи меня, вытащи, а не то я сгорю, – я давно уж испекся!*» [Пер. Г. Петникова. №24. С. 82]. Или же олицетворенное обращение яблоньки в той же сказке: «*Ach, schüttel mich, schüttel mich, wir Äpfel sind alle miteinander reif*» [Brüder Grimm. Frau Holle. №24. S. 169]. – «*Ах, отряхни меня, отряхни, мои яблоки давно уж поспели!*», а петух голосом человека вещает о том, что *goldene Jungfrau ist wieder hier* / *девица золотая тут как тут* [Пер. Г. Петникова. №24. С. 82].

Аналогичные примеры мы встречаем и в русской народной сказке «Гуси-лебеди», в которой олицетворяются печка, яблоня, река, еж, который подсказывает девочке, куда улетели Гуси-лебеди и др. Все примеры свидетельствуют о том, что олицетворение является одним из приемов, используемым в сказочном дискурсе не только для ярких образов героев, но и для экспликации их эмоций и переживаний.

Особое место в сказочном дискурсе отводится и довольно старому приему – преувеличению, или *гиперболе*, характеризующейся как «чрезмерное преувеличение тех или иных свойств изображаемого предмета или явления» [СЛТ 1974 : 59], а также *литоте* (мейозис), которая трактуется в лингвистике как «заведомое преуменьшение степени или свойства чего-либо» [Ахманова 1969 : 226]. В ракурсе гиперболических высказываний оказывается сам человек и его деятельность в окружающем мире: *Vieltausendmal besser, als zu Hause* [Brüder Grimm. Frau Hölle]. В сказке «Sneewittchen» автор употребляет гиперболу *Sneewittchen ist tausendmal schöner als Ihr* для того, чтобы подчеркнуть красоту и превосходства Белоснежки; *Ein König hatte eine Tochter, die war über alle Maßen schön, aber dabei so stolz und übermütig, daß ihr kein Freier gut genug war* [Brüder Grimm, König Drosselbart. №52. S. 291]. – *У одного короля была дочка не в меру красивая, да не в меру же и гордая, и заносчивая, так что ей*

никакой жених был не по плечу [Пер. Г. Петникова. №52. С. 159]. Итак, преувеличение с помощью данного тропа свойств, качеств или действий способствует созданию сказочной фантастики и усилению художественного впечатления.

Лингвистический анализ сказочного дискурса позволяет отметить и довольно частое присутствие в нем *литоты*: *Ein Schneider hatte einen Sohn, der war klein geraten und nicht größer als ein Daumen...* [Brüder Grimm, Daumerlings Wanderschaft. №45. S. 250] – *У одного портного родился крошечный сын, не больше мизинца...* [Пер. Г. Петникова. №45. С. 139]; *Sie (Schneeweißchen und Rosenrot. – A.P.) waren aber so fromm und gut, so arbeitsam und unverdrossen, als je zwei Kinder auf der Welt gewesen sind* [Brüder Grimm, Schneeweißchen und Rosenrot. №161. S. 674] – *Были они такие скромные и добрые, такие работающие и послушные, что таких еще и не было на свете* [Пер. Г. Петникова. №161. С. 413]. Присутствие данного тропа в сказочном дискурсе позволяет заключить, что он является сильным экспрессивным средством, наполняет высказывание особым колоритом, выразительностью и оценкой, формируя таким образом у реципиента вполне определенный образ.

Итак, гипербола и литота являются обязательными атрибутами в сказочном дискурсе, поскольку именно они позволяют сказителю в полной мере эксплицировать само содержание сказки, личную оценку и отношение к соответствующим объектам.

Ирония, как известно, своими корнями уходит в Древнюю Грецию и, по словам С.И. Ожегова, «представляет собой тонкую насмешку, выраженную в скрытой форме» [Ожегов 1983 : 225]. В немецком и русском сказочном дискурсе ирония, по нашим наблюдениям, занимает значительное место. Используя иронию, автор эксплицирует скрытую субъективную оценку, как правило, отрицательного характера и придает содержанию особую значимость и неповторимый колорит: *"Ach, du bist's, alter Wasserpatscher," sagte sie...* [Brüder Grimm. Der Froschkönig oder der eiserne Heinrich. №1. S. 39]. – А-а, это ты, ста-

рый квакун, – сказала она... [Пер. Г. Петникова. №1. С. 5]. Однако большинство лингвистов пока еще не выработали единого мнения о включении иронии в состав тропов или фигур. Например, О.П. Ермакова причисляет ее к тропам: «Если нужно объединить все виды иронии (которые, как отмечают все исследователи, необыкновенно разнородны), обозначив их одним именем, то скорее всего, очевидно, для этого подойдет термин "троп"» [Ермакова 2007 : 172]. Здесь уместным будет замечание, высказанное относительно данного тропа немецким лингвистом Х. Вайнрихом: «При лингвистическом рассмотрении очень важно связать явление с контекстом, либо ситуационным, либо языковым, либо метаязыковым» [Вайнрих 1978 : 375]. Приведем пример: "*Das ist zur Belohnung deiner Dienste," sagte die Frau Holle und schloß das Tor zu* [Brüder Grimm. Frau Holle. №24. S. 169]. – «*Это тебе в награду за твою работу*», – *сказала госпожа Метелица и закрыла за ней ворота* [Пер. Г. Петникова. №24. С. 82]. В данном случае только в контексте с последующими словами сказителя можно понять иронию госпожи Метелицы: *...und schloß das Tor zu – и закрыла за ней ворота*.

В немецком и русском сказочном дискурсе передача иронии осуществляется через речь героев или самого автора. При этом троп придает тексту ироничную окраску и двойной смысл, однако обсуждаемая тема получает не положительное одобрением, а наоборот – порицание:

"*Ja," sagte der Koch und wog sie in der Hand; "die hat keine Mühe gescheut sich zu mästen und schon lange darauf gewartet, gebraten zu werden"* [Brüder Grimm. Die weiße Schlange. №17. S. 129]. – *Да, – сказал повар, взвешивая ее на руке, – она, что и говорить, хорошо откормилась, постаралась, видно, и давненько дожидается, чтоб ее зажарили* [Пер. Г. Петникова. №17. С. 58].

Семантическими реализаторами тропа в тексте могут выступать разного рода лингвистические и стилистические средства, такие как эпитеты, архаизмы, синонимы, паронимы, уменьшительно-ласкательные суффиксы, метафора, сравнение, аллегория, аллюзия, перифраз и многие другие: *Der eine war ihr zu*

dick, "das Weinfäß!" sprach sie. Der andere zu lang, "lang und schwank hat keinen Gang." Der dritte zu kurz, "kurz und dick hat kein Geschick." Der vierte zu blass, "der bleiche Tod!" der fünfte zu rot, "der Zinshahn!" der sechste war nicht gerad genug, "grünes Holz, hinterm Ofen getrocknet!" [Brüder Grimm. König Drosselbart. №52. S. 291]. – *Один, по ее мнению, был слишком толст, и она говорила: «Он точно винная бочка!» Другой слишком долговяз: «Долог да тонок, что лен на лугу». Третий слишком мал ростом: «Короток да толст, что овечий хвост». Четвертый слишком бледен: «Словно смерть ходячая!» А пятый слишком красен: «Что свекла огородная!» Шестой же недостаточно прям: «Словно дерево покоробленное!»* [Пер. Г. Петникова. №52. С. 159]

Таким образом, присутствие тропов в контексте сказки способствует краткому и достаточно выразительному представлению определенных особенностей или свойств предметов и формированию в сознании реципиента нужных образов. Эти образные средства, отличающиеся высокой концентрацией информации, выражают субъективную оценку изображаемого и часто вносят в текст эмоциональный положительный и/или отрицательный нюанс. Наши исследования показали, что в 20 из отобранных немецких и русских сказках основными тропами являются: в немецкой волшебной сказке – эпитет (59%), сравнение (6%), гипербола (5%), метафора (5%), литота (3%) и олицетворение (3%); в русской волшебной сказке – эпитет (62%), сравнение (8%), гипербола (4%), метафора (4%), литота (4%) и олицетворение (3%).

В сказках о животных выявлено несколько иное процентное отношение: в немецкой сказке – эпитет (61%), метафора (10%), гипербола (6%), олицетворение (4%) и сравнение (5%); в русской сказке – эпитет (68%), метафора (11%), гипербола (8%), олицетворение (5%) и сравнение (3%).

Что касается социально-бытовых сказок, то в немецкой сказке основную роль выполняют олицетворение (35%), эпитет (14%), гипербола (9%) и литота (6%); в русской сказке – олицетворение (42%), эпитет (15%), гипербола (11%)

и литота (7%). Думается, что цифры в русских сказках отражают еще и языческую культуру, при которой окружающий мир воспринимался как живой.

В результате проведенного анализа установлено, что в немецких и русских волшебных сказках главная функция формирования образности отводится эпитету, сравнению и гиперболе. В сказках о животных, преобладающая функция которых направлена на бытовое воспитание, главное место занимает эпитет, что значительно сближает их в плане коммуникативной установки с социально-бытовыми сказками.

В усилении выразительности сказочного дискурса немаловажную роль играет синтаксис, а точнее, стилистические фигуры речи: лексический повтор (анафора и эпифора), антитеза, бессоюзие, градация, инверсия, многосоюзие, оксюморон, синтаксический параллелизм, риторические вопросы, умолчание, эллипсис и др.

Лексический повтор представляет собой литературный приём, при котором в тексте намеренно повторяется какое-либо слово или фраза, речевая конструкция с целью придания тексту большей экспрессивности. Основными видами лексического повтора являются анафора и эпифора [БТСРЯ 1998].

Задачей *анафоры* (греч. *anaphora* – вынесение; русский термин – единоначатие) является скрепление речевых отрезков путем повтора слова или словосочетания в начальной позиции, а стилистическая фигура *эпифора* (греч. *epiphora* – повторение, добавление) выполняет ту же, но только противоположную роль [БТСРЯ 1998]. Здесь следует отметить зачины, концовки, а также обилие образности в разговорной речи, которая служит одной из основ сказочного дискурса. Наиболее часто встречаются зачины, основанные на лексическом повторе, например, в сказке «Белоснежка и семь гномов»: *В некотором царстве, в некотором государстве в огромном королевском дворце жила прекрасная принцесса...*; «Der süße Brei: *«Es war einmal ein armes, frommes Mädchen – Жила-была бедная, скромная девочка; «Der Froschkönig oder der eiserne Heinrich»: In den alten Zeiten, wo das Wünschen noch geholfen hat, lebte ein König.*

– В стародавние времена, когда заклятья ещё помогали, жил-был на свете король; «Иван-крестьянский сын и Чудо-Юдо»: В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик и старуха, и было у них три сына и многие другие.

Во многих сказках имеет место повторение глагола, которое обозначает перемещение героя в пространстве: *Полетали-полетали, покричали-покричали* [«Гуси-лебеди»] и др. В данном примере тавтологическое словосочетание не только замедляет действие и переводит внимания читателей на предстоящее событие, но и вызывает к нему интерес, передает чувства и переживания героев.

Совсем обратное наблюдаем мы в следующем примере: "*Ach, schüttel mich, schüttel mich, wir Äpfel sind alle miteinander reif.*" *Da schüttelte es den Baum, dass die Äpfel fielen, als regneten sie, und schüttelte, bis keiner mehr oben war...* [Brüder Grimm. Frau Holle. №24. S. 169]. – «Ах, *отряхни* меня, *отряхни*, мои яблоки давно уж спели!» Она начала *трясти* дерево, и посыпались, словно дождь, яблоки наземь, и она *трясла* яблоню до тех пор, пока не осталось на ней ни одного яблока [Пер. Г. Петникова. 24. С. 82]. Многократное повторение глагола *schütteln* / *трясти* независимо от местоположения придает высказыванию остроту и выразительность, подчеркивая острую в этом необходимость. В данном примере мы наблюдаем взаимодействие анафоры и эпифоры.

Наглядным примером усиления в синтаксической структуре сказочного дискурса является принцип *повтора*, который представляет собой универсальный прием сказочного повествования. В научных исследованиях неоднократно отмечалось, что повторы – это своего рода опорные элементы, формирующие симметрию сказочной речи. Как стилистическая фигура, повтор служит эффективным инструментом для логического и эмоционального выделения. Именно с помощью повтора композиционных элементов, слов, словосочетаний и других фрагментов в сказочном дискурсе приковывается внимание чи-

тателя и тем самым усиливается их роль в тексте: "*Spieglein, Spieglein an der Wand, Wer ist die Schönste im ganzen Land?*" [Schneewittchen. №53. S. 297] – *Свет мой зеркальце, скажи, я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?* [Пер. Г. Петникова. №53. С. 162].

Обилием троекратных повторов отмечается сказка «Царевна-лягушка». Первый повтор мы отмечаем в ее начале, когда сыновья стреляют из лука, чтобы найти невест. Затем следуют три поручения царя трём снохам. Далее опять встречаются такие же повторы – троекратная попытка младшего сына убить животных, и три раза они оказывают ему своевременную помощь. В данном случае прием повторения клишированных ситуаций в рамках всей сказки способствует объединению всего повествования и подчинению его единой цели.

Особенно наглядно в сказочном дискурсе выделяются парные *тавтологические сочетания* – слова в одинаковых формах: *лягушка-квакушка, хитрей-мудрей, костями-огрызками (осыпали), долго ли шел, коротко ли, близко ли, далеко ли, подумал-подумал, идет да идет, лежит-издыхает, стук да гром, искала, искала, не нашла, хитрей-мудрей, а к чему, зачем* и др. Например, в сказке «Царевна-лягушка» их присутствие придает ей как повышенную экспрессивность, так и особую напевность: *Вдруг поднялся стук да гром – весь дворец затрясся-зашатался; Вышел он к синему морю и видит: на берегу, на желтом песке, лежит щука-рыба; Подумал-подумал Иван-царевич, взял лягушку-квакушку, завернул ее в платочек и принес в свое царство-государство; Ложись-ка лучше спать-почивать; а Иван-царевич все идет да идет за ним – не остановится на отдых ни на часок; Долго ли шел, коротко ли, близко ли, далеко ли – скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; Kind und Kegel, Stock und Stein, Dach und Fach* и др.: *Der Ameisenkönig war mit seinen tausend und tausend Ameisen in der Nacht angekommen...* [Die weiße Schlange. №17. S. 129] – *Явился ночью царь муравьиный со своими тысячами муравьев...* [Пер. Г. Петникова. №17. С. 58].

Или

*...und als der Regen stärker ward, und endlich so stark, als ob man mit Mulden vom Himmel gösse, schwang er den Degen immer schneller und blieb so trocken, als säß er unter **Dach und Fach** [Brüder Grimm. Die drei Brüder. №124. S. 588].*

Дождь пошел сильнее и наконец обратился в ливень, который лил как из ведра, а фехтовальщик все быстрее и быстрее вращал шпагою над головой и остался сухохонек, словно под крышей стоял [Пер. Г. Петникова. №124. С. 356].

Как видно из примеров, повторы, подобно нотам, помогают сказителю реализовать в высказывании замедленность, плавную неторопливость, а также тон эпического спокойного повествования.

Немаловажное значение в сказочном дискурсе играет и *антитеза* – оборот, который состоит в резком противопоставлении понятий, характеров, образов. Создавая эффект резкого контраста, она помогает лучше передать противоречия, противопоставление. В сказке «Aschenputtel» / «Золушка»: *die guten ins Töpfchen, die schlechten ins Kröpfchen* – Те, что годны, в горшочек, а негодны – в зобочек; в «Царевне-лягушке»: *Шёл он близко ли, далёко ли, долго ли, коротко ли...* В самом названии сказки «Волк и семеро козлят» / «Der Wolf und die sieben jungen Geißlein» уже заложено сопоставление контрастных или противоположных образов. Например, для характеристики образов дочерей мачехи в немецких примерах также используется прием антитезы: *Die Frau hatte zwei Töchter mit ins Haus gebracht, die schön und weiß von Angesicht waren, aber garstig und schwarz von Herzen* – Мачеха ввела в дом своих двух дочерей, белолицых и красивых с виду, но злых и бессердечных.

Анализ сказочного дискурса позволяет отметить в нем и присутствие *синтаксического параллелизма* – одинакового построения нескольких рядом расположенных предложений. Его употребление направлено на выделение и подчеркивание высказываемой мысли:

...смерть на конце иглы, та игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, тот заяц сидит в каменном сундуке, а сундук стоит на высоком дубу [Царевна-лягушка].

В немецком примере: *Sie [Schneeweißchen und Rosenrot. – А.Р.] liefen heran und erkannten den Zwerg. "Wo willst du hin?" sagte Rosenrot, "du willst doch nicht ins Wasser?" – "Solch ein Narr bin ich nicht," schrie der Zwerg, "seht ihr nicht, der verwünschte Fisch will mich hineinziehen?" [Schneeweißchen und Rosenrot. №161. С. 674] – Подошли они [Белоснежка и Алоцветик. – А.П.] к ручью, видят – скачет над водой большой кузнечик, точно в воду прыгнуть собирается. Подбежали они и узнали карлика. – «Ты куда это собрался? – спросила его Алоцветик. – Уж не в воду ли прыгнуть хочешь?» «Я не такой уж дурак, – крикнул ей карлик, – разве не видите, что проклятая рыба меня за собой тянет?» [Пер. Г. Петникова. №161. С. 413].*

В приведенных примерах использование синтаксического параллелизма позволяет сделать описание обобщающего обстоятельства полным, ярким и объёмным, что и нужно для понимания сюжета.

В сказочном дискурсе братьев Гримм выявлена такая стилистическая фигура, как *бессоюзие* или *асиндетон* (от греч. – несвязанное) – построение речи, при котором союзы, соединяющие слова, опущены [БТСРЯ 1998]. Данный прием придает высказыванию стремительность, динамичность, помогает передать быструю смену картин, впечатлений, действий, например, в сказке «Von dem Tod des Hünchens»: *Da setzte sich der Fuchs hintenauf, dann der Wolf, der Bär, der Hirsch, der Löwe und alle Tiere in dem Wald [Brüder Grimm, Von dem Tod des Hünchens. №80. S. 405]. – Так и присела лисица сзади, а за нею – и волк, и медведь, и олень, и лев, и все лесные звери [Пер. Г. Петникова. №80. С. 238].*

Специфика языка сказочного дискурса особо проявляется в его синтаксическом строе, поскольку устная форма изложения требует особого построения как простого, так и сложного предложения, обусловленного необходимо-

стью обеспечить быстрое и легкое восприятие содержания со стороны слушателя. При этом отметим, что простые предложения в сказках по своей частоте менее употребительны по сравнению со сложными. Более того, простые предложения во многих случаях осложняются за счет использования в их структуре однородных сказуемых, грамматический и смысловый потенциал которых обладает достаточной полновесностью, что сближает их со сложными предложениями. В результате этого количество простых предложений в сказочном дискурсе можно ограничить. Сложные же предложения в языке данного жанра устного народного творчества достаточно разнообразны и по характеру, и по объему. Среди сложных многочленных предложений, по нашему наблюдению, довольно часто встречаются такие предложения, которые на первый взгляд не представляют единого целого. При этом кажется, что их части только примыкают друг к другу. В этом случае возникает вопрос о том, действительно ли существуют такого рода предложения со сложной структурой или это результат неточной записи собирателя сказки. Возможно, для языка сказок все же характерны простые предложения, но в записи они представлены как сложные. Кроме того, с позиции современного литературного языка они действительно отличаются отсутствием слитности как в смысловом отношении, так и со стороны объединяющих средств. Такими синтаксическими явлениями можно считать *бессоюзные сложные предложения*, предложения с однородными глагольными сказуемыми и прямую речь, например: ...*da stieg* er [Der junge Riese. – А.Р.] *endlich aus den Federn, holte sich aber erst zwei Scheffel voll Erbsen vom Boden, kochte sich einen Brei und aß den mit guter Ruhe, und wie das alles geschehen war, ging er hin, spannte die Pferde vor...* [Der junge Riese. №90. S. 453]. – *Наконец вылез он* [Юный великан. – А.П.] *из перины, принес из амбара две мерки чечевицы, сварил себе похлебку, спокойно ее поел, а потом пошел на конюшню, запряг лошадей и поехал в лес* [Пер. Г. Петникова. №90. С. 266].

Своеобразие синтаксических конструкций, отличающихся в языке сказки от данных в литературном языке, обусловлено спецификой художественного произведения, устной традицией, и особым назначением в каждой синтаксической конструкции в языке сказки.

Авторы в своих произведениях часто обращаются к таким синтаксическим приемам, как многосоюзие и бессоюзие. *Многосоюзие* – риторическая фигура, состоящая в намеренном повторении сочинительных союзов для логического и эмоционального выделения перечисляемых понятий [БТСРЯ 1998], например: "*Nun mußte der Junge im Gartenpflanzen **und** begießen hacken und graben **und** Wind und böses Wetter über sich ergehen lassen*" [Brüder Grimm. Der Eisenhans. №136. S. 635]. – *И должен был теперь мальчик в саду деревья сажать, поливать их, мотыжить, землю копать и терпеть стужу и зной* [Пер. Г. Петникова. №136. С. 388].

Братья Гримм в своих работах используют такой синтаксический прием, как *умолчание*, тем самым пытаясь создать интригу в сказке и дают читателю возможность самому дополнить историю происходящего, например: *Aufgefressen hast du alles, während du behauptetest, Gevatter zu stehen: erst Haut ab, dann halb aus, dann...* [Brüder Grimm. Katze und Maus in Gesellschaft. №2. S. 44] – *Ты все пожрала, когда на крестины ходила: сперва почала, потом до середочки добралась, затем...* [Пер. Г. Петникова. №2. С. 8].

Риторическое обращение (риторическое восклицание) – конкретное обращение к кому-либо (чему-либо). Оно служит не только для названия адресата речи, но и для того, чтобы выразить отношение к объекту, охарактеризовать его [БТСРЯ 1998]: *Rapunzel, Rapunzel, Lass mir dein Haar herunter!* [Brüder Grimm. Rapunzel. №12. S. 104]. – *Рапунцель, Рапунцель, проснись, Спусти свои косоньки вниз* [Пер. Г. Петникова. №12. С. 43].

Или:

... jetzt kommt's an den Tag. Du bist mir eine wahre Freundin! [Brüder Grimm. Katze und Maus in Gesellschaft. №2. S. 44] – *«теперь я вижу, что слу-*

чилось: *теперь мне ясно, какой ты мне истинный друг!*» [Пер. Г. Петникова. №2. С. 8].

Риторические вопросы и риторические восклицания – изобразительный прием, позволяющий выразить авторскую позицию, или высказать утверждение в форме вопроса [БТСРЯ 1998]: *Mit der größten Geschwindigkeit zogen sie sich an, strichen die schönen Kleider am Leib und sangen: "Sind wir nicht Knaben glatt und fein?"* [Brüder Grimm. Die Wichtelmänner. №39. S. 236].

Или: *Смотри: никак, это наш покойный царь-батюшка?* [Пооди туда не знаю куда, принеси то не знаю что. №212. С. 108].

Градация – стилистическая фигура, заключающая в последовательном нагнетании или, наоборот, ослаблении сравнений, образов, эпитетов, метафор и других выразительных средств художественной речи [БТСРЯ 1998]. Кроме того, эмоционально-выразительное выделение слов усиливается в случае повторения этих слов в одном или нескольких соседних предложениях: *Als die sieben Geißlein das sahen, kamen sie eilig herbeigelaufen und riefen laut: "Der Wolf ist tot! Der Wolf ist tot!" und tanzten mit ihrer Mutter vor Freude um den Brunnen herum* [Brüder Grimm. Der Wolf und die sieben jungen Geißlein. №5. S. 63]. – *Увидали это семеро козлят, прибежали к матери и давай кричать: «Волк мертвый! Волк уже мертвый!» – и стали на радостях плясать вместе со своей матушкой вокруг колодца* [Пер. Г. Петникова. №5. С. 20].

В сложном предложении нередко одно и то же слово повторяется из логических соображений – для разъяснения высказываемой мысли или установления более отчетливой смысловой связи между членами предложения.

Достаточно часто в сказочном дискурсе слово или несколько слов повторяются не только в сложном, но и в одном простом предложении при необходимости придать особую эмоциональную выразительность. Такой синтаксический прием называется словесным повтором:

Sie rief "nein, nein, ich kann's nicht aushalten" [Brüder Grimm. Rumpelstilzchen. №55. S. 314]. – *Закричала старостиха: «Нет, нет, уж мне этого не выдержать!»*... [Пер. Г. Петникова. №55. С. 171].

Или:

Da kam eine Bauersfrau die Straße herab und rief: "Gut Mus feil! Gut Mus feil!" [Brüder Grimm. Das tapfere Schneiderlein. №20. S. 142]. – *А тут как раз случилось, что шла баба по улице и выкрикивала: «Сливовое варенье, сливовое варенье!»* [Пер. Г. Петникова. №20. С. 67].

Инверсия – обратный порядок слов в предложении. При прямом порядке слов подлежащее обычно стоит перед сказуемым, согласованное определение – перед определяемым словом, несогласованное – после него, дополнение после управляющего слова, обстоятельство образа действия – перед глаголом. А при использовании инверсии слова имеют другую последовательность, не соответствующую грамматическим правилам: *...das kalte Wasser vertrage ich nicht*» [Brüder Grimm. Die goldene Gans. №64. S. 367]. – *...холодной воды я не пью, бочку вина я уже опорожнил*» [Пер. Г. Петникова. №64. С. 208].

Или:

Как ушла баба-яга, она стала просить работницу: «Родимая моя!» [Афанасьев. Баба-Яга. №103. С. 124].

Кроме того, это довольно сильное выразительное средство, обычно используемое в эмоциональной, взволнованной речи: *Die Frau sprach: "Narr, das ist dein Kätzchen nicht..."* [Brüder Grimm. Hänsel und Gretel. №15. S. 116]. – *А мачеха и говорит: «Эх, дурень ты, это вовсе не твоя кошечка...»* [Пер. Г. Петникова. №15. С. 51]. В данном примере постановка лексемы *Narr* – *Дурень* и позиционирование отрицания *nicht* кардинально меняет эмоциональный оттенок предложения, реализуя пренебрежительное отношение мачехи к Гензель. Ср.: *Das ist nicht dein Kätzchen, Narr...*

Или:

Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова [Афанасьев. Василиса Прекрасная. №104. С. 127].

Эллипсис – синтаксическое средство выразительности, заключающееся в пропуске одного из главных членов предложения или даже обоих. Относится к деструктивным фигурам, т. е. разрушает синтаксические связи [БТСРЯ 1998]. Эта фигура предполагает «пропадание» целых фрагментов высказываний, при этом считается, что фрагменты могут быть восстановлены по смыслу целого. Обычная норма для пропусков слов – одно-два слова, но в принципе за рамками предложения могут оставаться и более крупные синтаксические блоки (особенно, если эллипсис сопровождается параллелизмом). Необходимо отметить, что сама конструкция требует наиболее близкого контекста, в противном случае читатель может неадекватно её понять или вовсе не понять. Следовательно, эллипсис – такое средство выразительности, которое заключается в пропуске определенного подразумеваемого члена предложения: *Ihr zahmen Täubchen, ihr Turteltäubchen, all ihr Vöglein unter dem Himmel, kommt und helft mir lesen, die guten ins Töpfchen, die schlechten ins Kröpfchen* [Brüder Grimm, Aschenputtel. №21. S. 154]. – *Голубки-голубочки, милые дружочки, и вы все, птишечки поднебесные, слетайтесь сюда, помогите мне, бедной, собрать чечевички: те, что годны, в горшочек, а негодны – в зобочек* [Пер. Г. Петникова. №21. С. 75]. Употребление данной фигуры придает высказыванию динамичность, интонацию живой речи, повышает ее художественную выразительность. Чаще всего для создания эллипсиса опускается сказуемое.

Лингвистический анализ сказочного дискурса свидетельствует о том, что для усиления его выразительности большую роль в немецком, а также в русском языках играют фигуры речи: лексический повтор (анафора и эпифора), антитеза, бессоюзие, градация, инверсия, многосоюзие, оксюморон, синтаксический параллелизм, риторические вопросы, умолчание, эллипсис и др. Они представлены не на создание определенного образа, а на формирование выразительности речи и усиление её эмоциональности. Результаты лингвистиче-

ского анализа функциональных возможностей фигур речи подтверждают мысль о том, что в структуре сказочного дискурса с помощью повторов создается, например, эффект длительности действия, его результативности или усиления; параллелизм не только упорядочивает очередность действий или событий, но и обеспечивает их соотнесенность по идентичности; присутствие бессоюзия и эллипсиса придает устной речи стремительность и динамику; антитеза выполняет функцию сопоставления конкретных представлений и понятий, взаимосвязанных общей конструкцией или внутренним смыслом. Присутствие анафоры, риторического вопроса и риторического восклицания в сказочном дискурсе объясняется необходимостью активизации внимания слушателя или читателя. Повышение смысловой значимости, придание речи торжественности входит в компетенцию многосоюзия. Употребление оксюморона лаконично подчёркивает противоречивое психологическое состояние субъекта.

Наши исследования позволяют заключить, что в 20 отобранных нами немецких и русских сказках основными ресурсами для формирования выразительности речи служат: в немецкой волшебной сказке – повтор (32%), параллелизм (10%), бессоюзие (7,4%), эллипсис (7,7%) и антитеза (6,8%); в русской волшебной сказке – повтор (31%), параллелизм (10,5%), бессоюзие (8,4%), эллипсис (8,2%) и антитеза (7,4%).

В сказках о животных нами выявлено почти одинаковое количество средств создания выразительности: в немецких – повтор (40,2%), параллелизм (13,2%), бессоюзие (8,4%), эллипсис (7,8%) и антитеза (7,8%); в русских сказках – повтор (45%), параллелизм (14%), бессоюзие (8,9%), эллипсис (8,1%) и антитеза (8%).

В социально-бытовых сказках количественный показатель таковых намного меньше. В немецкой сказке повтор составляет (38,2%), параллелизм – (20,1%), бессоюзие (6,2%), градация (5,2%), риторический вопрос (4,1%). В русских социально-бытовых сказках – повтор составляет (23,3%), параллелизм (23,4%), бессоюзие (7,3%), градация (6,4%), риторический вопрос (5,6%).

Полученные нами результаты показывают, что роль повторов, например, состоит в создании эффекта длительности действия, конечного результата или в усилении; параллелизм упорядочивает действия или события; бессоюзие и эллипсис придают речи динамизм; функция антитезы – это сопоставление и семантическая связь конкретных представлений и понятий; риторический вопрос или восклицание служат активизации внимания читателя.

2.3 Аксиологические характеристики образов героев в сказочном дискурсе

На рубеже XX–XXI вв. в лингвистических исследованиях отмечается повышенный интерес к языку и как к средству общения, и как к культурному коду нации. Перезагрузка акцентов базируется на представлении о том, что все тонкости культуры народа отражаются в языке, который специфичен и уникален, так как по-разному фиксирует в себе все, что связано с человеком. Смена научных позиций позволила лингвистам рассматривать язык как средство проникновения не только в современную ментальность нации, но и в воззрения древних людей на мир, общество и самих себя [Маслова 2001]. Поэтому слово в тексте, который является результатом речевого акта, имплицитно включает более широкое содержание, складывающееся из самого образа предмета или представления о нем, присущих для него эмоциональных оттенков, эксплицирующих социальную принадлежность говорящего. Все это влечет за собой в контексте немецкой и русской сказки определенное изменение языковой семантики имен собственных, т.е. формирование особого значения апеллятивной лексики.

Результаты нашего анализа немецкого и русского сказочного дискурса позволяют отметить присутствие в их контекстах значительного числа труднопереводимой лексики, в том числе и восходящей к мифонимам (от греч.

mythos – сказание, предание и *onyma* – имя, название) – мифологическим именам. К данной категории слов мы относим имена собственные вымышленных существ или героев. В немецких сказках это такие имена, как *Rumpelstilzchen*, *Rapunzel*, *Frau Holle*, *Frau Trude*, *Aschenputtel*. В русских сказках они представлены мифонимами *Баба-Яга*, *Кащей Бессмертный*, *Чудо-Юдо*, *Морозко*, *Змей Горыныч* и др. Даже краткий перечень данной категории слов свидетельствует о том, что народная фантазия не поскупилась на создание страшных чудовищ, безжалостных злодеев, борьба с которыми – «пафос действий положительных героев» [Померанцева 1963 : 65]. Образы положительных героев, их помощников и чудесных предметов составляют единую систему, доносящую до нас народные чаяния и идеалы; все они противопоставлены темным силам сказочного царства.

Ведьма (*die Hexe*) в немецком сказочном дискурсе – старуха-колдунья, седая и сгорбленная, с крючковатым носом, владеющая тайнами приготовления различных снадобий [Маркина 2007]. Интересен тот факт, что существующий в сказках немецкого народа второй вариант обозначения ведьмы *die Zauberin* – волшебница, чародейка, колдунья [Лейн 1998], по нашим наблюдениям, имплицитно несет более положительную коннотацию. Корни слова «Hexe» прослеживаются в немецком языке далеких предков, проживавших на территории Западной Германии. В 1809 г. эта лексема появилась и в сказке «Гензель и Гретель» В. и Я. Гримм, которая была одной из первых в их собрании. Заметим, что образ ведьмы сформировался в германских легендах, поверьях и сказках, конечно же, намного раньше. Они как раз и были положены в основу многочисленных сказок братьев Гримм.

По определению Йозефа Ханзена, одного из ведущих классиков истории ведовства в Германии, ведьмами были очень негативные личности, которые заключали договор с дьяволом, в основном представительницы женского пола [Hansen 1998]. Самым излюбленным временем для совершения своих черных дел была ночь – то время, когда ведьма всемогуща и может изменять свой об-

лик: предстать в образе другой женщины, превратиться в животное (черную кошку, сову – своих частых спутников), а также перемещаться с помощью метлы или на вилах и козлах. Место ее обитания – обычно незаметный или невидимый домик в дремучем темном лесу. Неприглядность его внутреннего убранства свидетельствует о недобром характере и злом отношении его хозяйки к любому человеческому существу, которое случайно оказывается у нее в доме.

В сказочных сюжетах ведьма превращает героинь в птицу или животное, а их место занимает сама. Она может выкрадывать у женщин детей, мстить собственным дочерям или братьям, а став чьей-нибудь женой, стремиться к изгнанию из дома детей мужа (традиционные сказки о мачехе и падчерице). По народным поверьям, особую силу ведьма получает в канун 1 мая – некогда языческий праздник весны у германцев. Считалось, что в этот день открываются границы между мирами, и нечистая сила всех мастей собирается на веселое времяпрепровождение. Следует отметить, что в сказках братьев В. и Я. Гримм присутствие ведьмы отмечается в 50 текстах, в том числе в 20 из них в виде жестокого существа женского пола («Йоринда и Йорингель», «Найденыш», «Рапунцель»), а также искусные в чародействе мачехи в сказках («Братец и сестрица», «Белоснежка») с признаками каннибализма, обладающие сверхъестественными способностями.

Широко известным и ярким персонажем германской мифологии является Госпожа Холле (Frau Holle) – мифоним, который имеет несколько вариантов (Holle, Nulle, Hulda, Holda), и общую черту с персонажем русских сказок – Бабой-Ягой. При этом одна нога у обеих необычная и страшная: у Бабы-Яги – костяная или железная, а у Госпожи Холле – одна шире другой.

В немецком же фольклоре Госпожа Холле – языческая богиня смерти, которая в русской мифологии известна как Госпожа Метелица. Этимологию самого образа проследить довольно сложно, правда, считается, что данный персонаж берет свое начало из скандинавской мифологии. В русских перево-

дах волшебных сказок это имя трансформировано в «Госпожу Метелицу» вследствие того, что во время перетряхивания ею своей перины на Земле наступает зима и идёт снег.

При сопоставлении текстов немецкого и русского сказочного дискурса прослеживается достаточно большое концептуальное сходство образов, однако в этимологии имен героинь не просматривается ничего общего. Персонаж Госпожи Холле достаточно мрачный и ассоциируется в сознании читателя с царством мертвых. Даже маленький штрих подчеркивает ее образ: *Endlich kam es (Das arme Mädchen. – А.Р.) zu einem kleinen Haus, daraus guckte eine alte Frau, weil sie aber so große Zähne hatte, ward ihm angst, und es wollte fortlaufen* [Brüder Grimm. Frau Holle. №24. S. 169]. – *Пришла она (бедная девушка. – А.П.) к избушке и увидела в окошке старуху, и были у той такие большие зубы, что стало ей страшно, и она хотела было убежать* [Пер. Г. Петникова. №24. С. 82].

В немецком городе Гессене и в наши дни зимой, когда идет снег, можно услышать выражение: *«Frau Holle schüttelt ihr Bett auf»*, т.е. «ведьма» перетряхивает свою перину. Все это свидетельствует о том, что образ матушки Холле, как и ряд других языческих богинь, сохранился во времени, пусть даже измененный, остался в поверьях и в памяти людей. Ведь злой ведьмой Госпожу Метелицу сделала печальная «Охота на ведьм» в период христианизации Европы. Примечательно и то, что в немецком фольклоре ведьма представляет собой абсолютно негативный персонаж. Добрая же колдунья встречается очень редко и это скорее всего исключение из правил. Например, в сказке «Rapunzel» ведьма характеризуется следующим образом: *Die Leute hatte in ihrem Hinterhaus ein kleines Fenster, daraus konnte man in einen prächtigen Garten sehen, der voll der schönsten Blumen und Kräuter stand; er war aber von einer hohen Mauer umgeben, und niemand wagte hineinzugehen, weil er einer Zauberin gehörte, die große Macht hatte und von aller Welt gefürchtet ward* [Brüder Grimm. Rapunzel. №12. S. 104]. – *А было у них в горенке маленькое окошко, оттуда*

был виден великолепный сад, где росло много прекраснейших цветов и всякой зелени. Но сад был обнесен высокой оградой, и никто не осмеливался в него входить, так как сад этот принадлежал одной колдунье; она обладала большим могуществом, и все на свете ее боялись [Пер. Г. Петникова. №125. С. 43]. Этот небольшой штрих уже позволяет составить точное мнение о его персонаже. Сразу ясно, что герой отрицательный, и это подтверждается последующей картиной конфронтации с соседом. Ведьма, узнав о его преступлении, ставит жестокое условие: *Wie kannst du es wagen, sprach sie mit zornigem Blick, in meinen Garten zu steigen und wie ein Dieb mir meine Rapunzeln zu stehlen? Das soll dir schlecht bekommen! /.../ Du musst mir das Kind geben, das deine Frau zur Welt bringen wird* [Brüder Grimm. Rapunzel. №12. S. 104]. – «Как ты смеешь лазить в мой сад, – сказала она, гневно на него поглядев, – и красть у меня, как вор, мой зеленый рапунцель? Тебе плохо за это придется /.../ ты должен будешь отдать мне ребенка, который родится у твоей жены» [Пер. Г. Петникова. №125. С. 43].

Лингвистический анализ сюжетов сказок показал, что в них особое внимание уделяется глазам. Ведь глаза никогда не лгут. Наши далекие предки считали глаза окном, через которое душа попадает в тело и покидает его. Заглянув в это окошко, можно увидеть душу другого человека и узнать его тайные мысли, желания, чувства. Поэтому и при описании внешности ведьмы акцент часто делается на ее глазах: *...aber er (Der Königssohn. – А.Р.) fand oben nicht seine liebste Rapunzel, sondern die Zauberin, die ihn mit bösen und giftigen Blicken ansah* [Brüder Grimm. Rapunzel. №12. S. 104]. – *...но (королевич. – А.П.) не нашел там своей любимой Рапунцель, а увидел колдунью. Она глянула на него своим злобным, язвительным взглядом* [Пер. Г. Петникова. №125. С. 43].

Самая известная из сказок о ведьмах – «Гензель и Гретель» («Hänsel und Gretel»), в которой ведьма проявляет себя намного хуже русской Бабы-Яги. Необходимо подчеркнуть, что к ведьмам относятся и злая королева из сказки «Шестеро слуг» / «Die sechs Diener», и волшебница из «Иоринда и Йорингель»

/ «Jorinde und Joringel», и крестная мать из «Рапунцель» / «Rapunzel», и мачеха из «Белоснежки» / «Schneewittchen», и «Братец и сестрица» / «Brüderchen und Schwesterchen», и многих других.

Первое знакомство читателя с ведьмой в сказке «Гензель и Гретель» начинается при описании ее внешности: *Da ging auf einmal die Türe auf, und eine steinalte Frau, die sich auf eine Krücke stützte, kam herausgeschlichen. /.../ Die Alte hatte sich nur freundlich angestellt, sie war aber eine böse Hexe, die den Kindern auflauerte, und hatte das Brothäuslein bloß gebaut, um sie herbeizulocken. Wenn eins in ihre Gewalt kam, so machte sie es tot, kochte es und aß es, und das war ihr ein Festtag. Die Hexen haben rote Augen und können nicht weit sehen, aber sie haben eine feine Witterung wie die Tiere und merken's, wenn Menschen herankommen* [Brüder Grimm. Hänsel und Gretel. №15. S. 116]. – *Вдруг открывается дверь, и выходит оттуда, опираясь на костыль, старая-престарая бабка. /.../ Но старуха только притворилась такою доброй, а была она на самом деле злой ведьмой, что подстерегает детей, и избушку из хлеба построила для приманки. Если кто попадал к ней в руки, она того убивала, потом варила и съедала, и было это для нее праздником. У ведьм всегда бывают красные глаза, и видят они вдаль плохо, но зато у них нюх, как у зверей, и они чуют близость человека* [Пер. Г. Петникова. №15. С. 51].

Сначала она гостеприимна, сочувствует детям, обращается к ним с ласковыми словами и приглашает в свою избушку: *Die Alte aber wackelte mit dem Kopfe und sprach: «Ei, ihr lieben Kinder, wer hat euch hierher gebracht? Kommt nur herein und bleibt bei mir, es geschieht euch kein Leid.» Sie fasste beide an der Hand und führte sie in ihr Häuschen. Da ward ein gutes Essen aufgetragen, Milch und Pfannkuchen mit Zucker, Äpfel und Nüsse. Hernach wurden zwei schöne Bettlein weiß gedeckt, und Hänsel und Gretel legten sich hinein und meinten, sie wären im Himmel* [Brüder Grimm. Hänsel und Gretel. №15. S. 116]. – *Покачала старуха головой и говорит: «Э, милые детки, кто это вас сюда привел? Ну, милости просим, входите в избушку, худо вам тут не будет». Она взяла их обоих за ру-*

ки и ввела в свою избушку. Принесла им вкусной еды – молока с оладьями, посыпанными сахаром, яблок и орехов. Потом она постелила две красивые постельки и накрыла их белыми одеялами. Улеглись Гензель и Гретель и подумали, что попали, должно быть, в рай [Пер. Г. Петникова. №15. С. 51].

Но вскоре от нежных слов и обращений не остается и следа. Речь ведьмы наполняется грубыми оскорблениями и упреками: *Dann ging sie zur Gretel, rüttelte sie wach und rief: "Steh auf, Faulenzerin, trag Wasser und koch deinem Bruder etwas Gutes, der sitzt draußen im Stall und soll fett werden. Wenn er fett ist, so will ich ihn essen"* [Brüder Grimm. Hänsel und Gretel. №15. S. 116]. – «Вставай, лентяйка, да притащи мне воды, свари своему брату что-нибудь вкусное, – вон сидит он в хлеву, пускай хорошенько откармливается. А когда разжиреет, я его съем» [Пер. Г. Петникова. №15. С. 51]. Теперь дети для нее – лакомая пища, и она поступает с ними как с животными. Более того, возможно, что ведьма – она же и мать, отправившая детей на погибель. В результате получается некое раздвоение одного и того же персонажа.

Интерес при исследовании вызывают также мифонимы, обозначающие персонажей немецких сказок, не нашедших отражения в русских. Одно из первых мест по частотности упоминания в немецких сказках занимает мифоним *Zwerg* – гном или карлик, у которых малый рост (*der Kleine* / мальш, *Heuschrecke* / кузнечик, *ein kleines Männchen* / маленький человечек), они проворны и очень быстры: *hin und her wie ein Hündchen springen* – носятся туда-сюда как собачонки, *hüpfen* / подскакивают. Они могут быть помощниками или выступать как вредители. В сказках они характеризуются лексикой, которая достаточно ярко и экспрессивно отражает скорее негативную, чем позитивную оценку их действий: *glotzen* / выпучить глаза, *schreien* / орать, *albern* / дурачиться, *schnarren* / ворчать, *brummen* / реветь, *schleppen* / таскать.

В низшей мифологической иерархии германцев – это маленькие существа, обитающие под землей, в горах или в лесу, наделенные сверхъестественной силой и носящие длинные бороды. В недрах земли они не только хранят

сокровища – драгоценные камни и металлы, но и являются искусными ремесленниками, создающими волшебные кольца, мечи и т.п. Выступают они как благодетельные советчики людей, иногда – враждебны им.

Наши наблюдения подтверждают мысль о том, что в текстах сказок немецкого народа мифоним *Змей* или *Дракон / der Drache* встречается намного реже. Для перевода этого слова используется немецкий эквивалент *die Schlange*: 1. *Змея* (также перен.); *junge Schlange / змеёныш; falsch (listig) wie eine Schlange sein / быть коварным как змея*. 2. Pl. зоол. *змеи (Serpentes)*. 3. *Змей* (в сказках и т.п.). 2. (бумажный) *змей* [Лейн 1998 : 223]: *Als er die Tür sorgfältig verschlossen hatte, hob er den Deckel auf und da sah er, dass eine weiße Schlange darin lag* [Brüder Grimm. *Die weiße Schlange*. №17. S. 129]. – *Он прикрыл как следует двери, поднял с блюда крышку, видит – лежит там белая змея* [Пер. Г. Петникова. №17. С. 58].

В текстах немецкого сказочного дискурса слово дракон встречается в западно-немецкой форме *drako* и в староверхненемецкой форме *trahho*. Из западно-немецкого оно попало в норвежский, датский и шведский (*drake*), староанглийский (*draca*). Впоследствии первоначальная согласная испытала влияние исходного слова – в современном немецком это слово звучит, как *Die Drache* [Этимология слова «дракон»]. Дракон – крылатый (летучий) змей мифологическое существо, представлявшееся в виде сочетания элементов разных животных; головы (часто нескольких голов), туловища пресмыкающегося (змеи, ящера) и крыльев птицы. Согласно германской мифологии, это хтонические чудовища, постоянно враждующие с богами. В сказках драконы обладают огромной силой и охраняют что-либо важное. Аналогичный дракону персонаж в русских сказках – Змей Горыныч, представляющий собой результат метафорического осмысления природных сил. Иногда он пожирает или уносит девушек, или в виде нечистой силы вселяется в живую и мучает ее. Иногда он является с угрозами, осаждает город и требует себе женщину для супружества или для съедения в виде дани: *In der Nähe von Kiew war ein Dra-*

che aufgetaucht, der nahm von den Leuten keinen geringen Tribut: von jedem Hof ein schönes Mädchen; nahm das Mädchen und fraß es [Nikita der Gerber. Deutsch von F. Fiedler]. – *В старые годы появился недалеко от Киева страшный змей. Много народа из Киева змей потаскал в свою берлогу, потаскал и поел* [Афанасьев. Никита Кожемяка. №148. Т. 1. С. 263].

Исследованный нами материал свидетельствует о том, что фигура змея в русской сказке дискриптивно не представляется, а вырисовывается из элементов его описания, действий, речи. Змей – существо многоголовое. Число голов различно, в основном 3, 6, 9, 12, в некоторых случаях – 5 или 7. Чаще всего змей предстаёт трёхглавым. Тело змея в сказках не описывается. Важной особенностью змея является его огневая природа. Кроме огненной стихии змей связан и со стихией водной, и две эти стихии не исключают друг друга: *Dobrynja blickt auf, und da sieht er einen Drachen durch die Lüfte fliegen, den schrecklichen Drachen Gorynytsch. Drei Köpfe hat er und sieben Schwänze...* [Nikita der Gerber. Deutsch von F. Fiedler]. – *Поднимает свой взор Добрыня к небу и видит: летит Змей в небе, страшный Змей Горыныч. У него три головы, семь хвостов...* [Афанасьев. Никита Кожемяка. №148. Т. 1. С. 263].

К известным отрицательным героям русского сказочного дискурса относится Баба-Яга – в славянской мифологии лесная старуха-волшебница, ведьма, обитающая в дремучем лесу, заправляющая вихрями и вьюгами. Согласно сказкам восточных и западных славян, ее жилищем является стоящая в дремучем лесу «избушка на курьих ножках». Баба-Яга лакомится часто людьми. Ее изба окружена забором из человеческих костей, на заборе черепа, вместо засова – человеческая нога, вместо замка – рот с острыми зубами. Она летает по воздуху и отправляется на шабаш ведьм в железной ступе, погоняя толкачем или клюкою. У нее под рукой всегда волшебные кони, сапоги-скороходы и гусли-самогуды. «Мифологический Словарь» под редакцией Е.М. Мелетинского дает определение ведьмы как злой старухи-колдуньи [Мифологический словарь 1990].

Не каждому обычному современному носителю русского языка понятна внутренняя форма слова Баба-Яга. По некоторым сведениям, имя своё она получила от старинного слова «*ягать*». В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» [2004] толкует это слово как *кричать, шуметь, бушевать, браниться, вздорить, ругаться*. Там же можно найти, что Яга – это род ведьмы, злой дух под личиною безобразной старухи.

В «Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона» [1996] мы находим следующую трактовку: «Баба-Яга (польск. *jędzi-baba*; словак. *jezi-baba*; чеш. *jezinka*; галиц. – *Язя*) – мифологическое существо, играющее важную роль в народных славянских сказаниях». П.А. Лавровский [1866] связывает слово *яга* с санскритским корем *ah, aih*, означающим *идти, двигаться*, от которого происходит санскр. *ahi*, лат. *anguis* и слав. *ежь*. Баба-Яга предстает в двух образах: доброй старушкой, показывающей заблудившемуся молодцу дорогу и отсылающей его к своим братьям Ветру, Месяцу и Солнцу. В описании данного персонажа в текстах русского и немецкого языков следует отметить основную тенденцию описания эпитетом, выраженным существительным или прилагательным: *Баба-Яга (баба-задворенка, злая баба) – die Baba Jaga; костяная нога – die Hexe Knochenbein (ведьма – костяная нога: метонимия); ведьма – die Hexe; Baba Jaga die Unke – Баба-Яга – предвестница беды (Unke – 1. зоол. жерлянка (Bombina Oken) 2. разг. предвестник беды)* [Лейн 1993 : 879]), *старая ведьма – alte Hexe*. Интересен вариант описания *alter Hexenbraten* (старое колдовское жаркое) – сложное слово, образованное от: *Braten* – жаркое; *Hexe* – ведьма, колдунья, чародейка [Лейн 1993 : 184, 440]. Русский этнограф Н. Абрамов в середине XIX в. издал «Очерки Березового края», где высказал предположение, что слово «*яга*» происходит от названия верхней одежды *яга* или *ягушка*, которую носили всегда шерстью наружу. Такая одежда в мифологии древних славян была обязательным атрибутом нечисти [Брокгауз и Ефрон 1996]. Слово *яга* встречается, как известно, не только в известном нам словосочетании. Ягой названы персонажи совсем иных катего-

рий, например, мачеха. В то же время типичная яга – это просто старушка, бабушка-задворенка. Существует и другое значение прилагательного «ягий – злой». В текстах русского сказочного дискурса выделяют три образа Бабы-Яги: Яга-дарительница, к которой приходит сказочный герой. Сама она ничего не делает для героя, но указывает, к кому обратиться за помощью, к примеру, к своей старшей сестре. Несмотря на ее устрашающий облик, ее колдовство, могущество, стремление зажарить в печи человека, забредшего к ней случайно, она гостеприимно встречает сказочного героя, помогает ему: и в бане попарит, и накормит, и спать уложит, и даст путеводный клубок. Сказочным героям Яга-дарительница подсказывает, где и как найти заколдованное богатырское оружие, как победить Кощея Бессмертного и освободить красавицу из его плена. Ей подвластны силы природы и животный мир, утро и ночь, вихри и вьюги. Она не только повелевает волками, медведями, другим лесным зверьем, но и следит с помощью своих волшебных помощников (совы, блюдечка и др.) за похождениями героя.

Яга-похитительница – это наиболее распространенный образ, характерный для сказок северных областей. Она часто пытается похитить детей и изжарить их в печи как лакомство, но какими-то путями им удается убежать от нее и спастись. По всей вероятности, сказки о Яге-похитительнице берут свое начало из древнего колдовского обряда, посвящения юношей в охотники. Проходя «экзамен» по всем практическим охотничьим навыкам, юноши как бы «умирали» для племени и становились мужчинами, охотниками и воинами.

Яга-воительница сражается с героями и побеждает многих из них. Прилетев в избу и застав в ней постороннего человека, избивает его до полусмерти. Во многих сказках она сама ездит верхом на коне и сражается подобно богатырю: она выступает против приехавших в ее царство богатырей, причем нападает во главе целого воинства. При этом злобность и агрессивность Яги-воительницы являются её главными не чертами, а лишь проявлением её неживой природы. Многие специалисты-мифологи усматривают в Бабе-Яге Великую

Мать – могущественную богиню, праматерь всего живого. Ее образ является конечной трансформацией древнейшего образа богини-матери, повелительницы мира, ведающей судьбами людей. При описании Бабы-Яги *избушка на курьих ножках* и *ступа* выступают неотъемлемыми атрибутами ее образа. Касаясь описания избушки, следует отметить контраст в её описании: в текстах русских народных сказок она отпугивает, а в немецких привлекает путника, например: *...dass das Häuslein aus Brot gebaut war und mit Kuchen gedeckt; aber die Fenster waren von hellem Zucker* [Brüder Grimm. Hänsel und Gretel. №15. S. 116]. – *...подошли они ближе, видят, – сделана избушка из хлеба, крыша на ней из пряников, а окошки все из прозрачного леденца* [Пер. Г. Петникова. №15. С. 51].

...es war aber ein kleines Gärtchen an dem verwünschten Häuschen, darin standen zwölf Lilienblumen [Brüder Grimm. Hänsel und Gretel. №15. S. 116]. – *...рядом с заколдованной избушкой был маленький садик, и росло в нём двенадцать лилий* [Пер. Г. Петникова. №15. С. 51].

Согласно народным верованиям, отмечает А.Л. Топорков, в ступах часто летали и ведьмы – ближайšie «родственницы» Бабы-Яги: «У колдунов и ведьм необходимыми орудиями... служат: ступа, толкач, помело, сыч, филин, кот большой, треножник, кочерга и кадка с водой, ведьмы прилетают на помелах, ухватах или ступе, в руках у них бывает толкач или рог с табаком» [Топорков 1989 : 126].

Облик Бабы-Яги складывается из ее описания и речи. При приходе Ивана она находится в избушке. Лежит она или на печке, или на лавке, или на полу. Яга занимает собой всю избу: *Впереди голова, в одном углу нога, в другом другая* [Афанасьев №102, С. 124]. – *На печке лежит Баба-Яга, костяная нога, из угла в угол, нос в потолок врос, морда жилиная, нога глиняная* [Афанасьев №102, С. 124]. Слово «нос» очень информативно, «так как соединяет в себе самые разнообразные функции – коннотативную, когнитивную, фатическую, метаязыковую, поэтическую» [Топоров 1995 : 230].

Проанализировав исследованный материал, мы обнаружили, что добрая ипостась безликой Бабы-Яги составляет 79% русских сказок, а злая – 21%.

В русском сказочном дискурсе мы встречаем и множество других персонажей. Одни из них – ужасные и грозные, другие – таинственные и непонятные, а третьи – добрые и готовые в любой момент прийти на помощь. Одним из таковых является Кощей (Кашей) Бессмертный – антагонист в русских сказках и фольклоре. Царь, колдун, иногда всадник на волшебном говорящем коне часто выступает в роли похитителя невесты главного героя. В славянском язычестве – хранитель подземного царства. Изображается в виде худого высокого старика либо живого скелета, часто представляется скаредным и скупым.

Иван-дурак, или Иванушка-дурачок, – один из главных персонажей русского сказочного дискурса. По некоторым версиям, имя с эпитетом *дурак* является именем-оберегом, предотвращающим сглаз. Всегда стремится к поиску собственных решений, часто противоречащих здравому смыслу, но в конечном счете приносящих успех. Его социальный статус, как правило, низкий, т.е. он – крестьянский сын или сын старика со старухой. В семье часто являлся третьим, младшим сыном. Не женат. С помощью волшебных средств и особенно благодаря своему «не уму» Иван-дурак побеждает противника, женится на царской дочери и получает богатство и славу.

К главным персонажам русского фольклора относится и Иван-Царевич. В сказочном дискурсе он выступает как положительный персонаж, борющийся со злом, помогающий обиженным или слабым, так и отрицательный, который противопоставляется другим царевичам, но чаще персонажам простого происхождения. Во втором случае Иван-царевич зол, коварен и различными способами пытается погубить положительных героев и отнять у них заслуженную награду. Обычно Иван-царевич (как и Иван-дурак) является младшим из трех сыновей царя.

Царевна-лягушка – прекрасная девушка, обычно обладающая познаниями в колдовстве (Василиса Премудрая) и вынужденная жить какое-то время в

облике лягушки. Подобные сюжеты сказочного дискурса известны и в некоторых европейских странах.

Жар-птица – персонаж русского сказочного дискурса, обычно является целью поиска героя. Перья жар-птицы обладают способностью светить и своим блеском поражать зрение человека. По размерам она достигает павлина и живет в райском саду в золотой клетке. Жар-птица питается золотыми яблоками, дающими молодость, красоту и бессмертие; когда она поет, из её клюва сыплются жемчуга. Пение жар-птицы исцеляет больных и возвращает зрение слепым. Для ловли жар-птицы используют золотую клетку с яблоками внутри, как ловушку. Поймать голыми руками её нельзя, так как можно обжечься.

Если в текстах русского сказочного дискурса царь просит достать перо Жар-птицы / *der Feuervogel*, то в текстах сказок немецкого народа Ганса просят добыть перо из крыла птицы *Грифа* / *der Greif*.

Таким образом, отрицательные персонажи в русских и немецких сказках характеризуются, с одной стороны, схожестью общечеловеческих свойств и качеств, а с другой стороны, несовпадением типов и видов речевых / языковых описаний героев. Причем сопоставление немецкого и русского сказочного дискурса показало, что, при значительном концептуальном сходстве образов, не просматривается даже небольшая общность в этимологии имен этих персонажей.

2.4 Лингвосемиотические особенности актуализации образов животных и птиц в сказочном дискурсе

С давних времен жизненная деятельность человека тесно связана с дикими и домашними животными, которые являются его помощниками как в повседневном труде, пропитании, так и в его духовной деятельности. Поэтому животный эпос присущ творчеству многих народов, в том числе, германским и

славянским. Особое его проявление отмечается в сказочном дискурсе, который несет в себе широкий спектр нравоучений и олицетворяет собой многие качества людей. Тексты сказок доносят до нас следы тех далеких времен самого простого ведения хозяйства, когда основным источником жизни человека была охота. При этом хитрость, ловкость, умение перехитрить зверя были важными атрибутами в повседневной борьбе за выживание. Животные же во многом олицетворяют реальных носителей человеческих пороков в быту, выступая аллегорией таких человеческих пороков, как жадность, глупость, трусость, хвастовство, плутовство, жестокость, лесть, лицемерие и т. п. Наличие различных животных-персонажей в сказочном дискурсе обусловлено их присутствием в немецком или русском территориальном ареале. Следует подчеркнуть, что количество диких животных как в немецких сказках, так и в русских намного больше, чем домашних, например: *медведь, волк, лиса, дикий кабан, заяц, ёж, ворона, цапля, дрозд, журавль, дятел* и др. Вместе с ними присутствуют и домашние животные: *овца, лошадь, свинья, коза, кот, петух* и др. При этом ведущая роль, по нашим наблюдениям, принадлежит все же диким животным. Звери, умные и хитрые, жадные и свирепые, слабые и покорные, наделяются типическими чертами, занимают в животном царстве каждый свое место, своим поведением напоминая об отношениях господства и подчинения среди людей, например, «Волк и семеро козлят», «Заяц и еж», «Кошка и мышка», «Волк и лиса» и др. Проказы волка и лисы, приключения кота и лисы, петушка, козы-дерезы, козла, журавля и цапли, мышки и десятка других зверей, птиц – это истории, не только развлекающие читателя, но и несущие в своем содержании глубокий смысл. Знакомясь с животным эпосом, мы не должны впадать в крайность и полагать, что сказки о животных – это всего-навсего своего рода рассказы из жизни животных. В действительности они мало в чем совпадают с повадками зверей. На самом деле они являются лишь условными носителями определенных действий и поступков. Правда, в некоторой степени эти поступки соответствуют их настоящим, например, петух может действительно петать,

лошадь лягаться, дом лисы – нора, а медведь, как сонный, едва волочить ноги и т.д. Само же олицетворение может быть представлено настолько правдиво, что у нас с детских лет чтение и слушание сказок подсознательно формирует представление о характере поведения братьев наших меньших. Данный тип сказочного дискурса обладает важной особенностью – практически весь он является нравоучительным, высмеивающим на примере поведения животных различные черты человеческого характера. Каждому из них свойственна та или иная черта характера человека. Многие немецкие и русские тексты сказочного дискурса по стилю изложения являются кумулятивными. Повествование в них – это простое жизненное описание, правда, поступательное наращивание сюжета осуществляется по-разному. Например, в сказке «Der Hase und der Igel» / «Заяц и еж» описывается встреча зайца и ежа в лесу, их пари, соревнование друг с другом, финал, смешное завершение и проигрыш спора быстрым зайцем. Или же другой пример из русской сказки «Бобовое зернышко»: Петушок поперхнулся за едой. Курочка бежит за водой по его просьбе к речке, речка просит за это принести ей листок от липки, липка – взамен нитки от девки, а та – молоко от коровы и т.д.

Речевые реплики в текстах сказочного дискурса многообразны и специфичны. Некоторые сказки могут состоять полностью из диалогов: «Лиса и тетерев», «Кочет и курица», «Бобовое зернышко» (или «Смерть Петушка»). В других же диалоги составляют значительную часть текста. Диалогическая игра действительно ведет к появлению в текстах сказок целого ряда моментов исполнительского искусства, примером тому могут быть «Колобок», «Кот, петух и лиса», «Волк и коза», которые вплетают в текст и небольшие песенки. Сказочный образ параллельно может находить свое воплощение также в мимике и жестах. Тем не менее слово всегда воплощает в себе все богатство идей и образов повествования. Появление песенок в текстах сказок о животных, по видимому, объясняется развлекательной установкой сказителя на детскую аудиторию, что подтверждается и частыми повторами главного эпизода по-

вестования, позволяющими прояснять мысль благодаря подчеркиванию сходства ситуаций и контраста следствий.

Хотя сюжетные линии текстов немецких и русских сказок о животных во многом перекликаются, их герои иногда наделены разными характерами, что обусловлено разницей менталитетов и обычаев. Некоторые животные в немецких сказках отсутствуют ввиду географического положения Германии или из-за непопулярности их как сказочных образов (*рак, тетерев, дрозд, соболь, куница*). То же можно сказать и о русских сказках, где нет, к примеру, *осла, выпи, удода*. Кроме того, в немецком сказочном дискурсе животные олицетворяют во многих случаях иные черты, чем в русском. Наряду с этим имеют место и персонажи, абсолютно не типичные для русской сказки, например, заяц олицетворяет собой надменность и горделивость, в образе ежа можно увидеть изворотливость и азарт («Der Hase und der Igel» / «Заяц и еж»), кот – храбрый, умный, хитрый, находчивый и лживый («Der Fuchs und die Katze» / «Лис и кошка», «Katze und Maus in Gesellschaft» / «Дружба кошки и мышки»), гусь отличается умом и находчивостью («Der Fuchs und die Gänse» / «Лис и гуси»), лиса – умом, ловкостью и умением находить выход из самой сложной ситуации, это скорее отрицательный персонаж («Der Wolf und der Fuchs» / «Волк и лиса», «Der Fuchs und die Frau Gevatterin» / «Лис и госпожа кума», «Der Fuchs und die Katze» / «Лис и кошка», «Die Hochzeit der Frau Füchsin» / «Свадьба госпожи лисицы», «Der Fuchs und das Pferd» / «Лиса и лошадь»), волк предстает как жадный и глуповатый, вечно попадающийся на хитрости лисы («Der Wolf und der Fuchs» / «Волк и лиса», «Der Wolf und die sieben jungen Geißlein» / «Волк и семеро козлят», «Der Wolf und der Mensch» / «Волк и человек», «Rotkäppchen» / «Красная шапочка»), медведь – как глупый зверь, использующий свою силу не по разуму («Der Zaunkönig und der Bär» / «Королек и медведь»), мышь – как добрая и наивная («Die treuen Tiere» / «Верные звери», «Katze und Maus in Gesellschaft»). В качестве подтверждения сказанного воспользуемся сопоставительной характеристикой образа лисы в немецком ска-

зочном дискурсе. В сказке «Der Fuchs und die Frau Gevatterin» / «Лис и госпожа кума» волчица зовет в кумовья лиса. Лис становится крестным отцом у мальчика-волка. Во время празднества лис, наевшись вдоволь и якобы заботясь о будущем малыша, заявил: *Ich weiß einen Schafstall, woraus wir leicht ein gutes Stück holen können* [Brüder Grimm. Der Fuchs und die Frau Gevatterin. №74. S. 335]. – *Я знаю одну овчарню, из которой нам нетрудно будет добыть лакомый кусочек* [Пер. Г. Петникова. №74. С. 230]. Волчице понравилось предложение, и она отправилась с кумом на овчарню, но сам лис не участвует в аванюре, а ждет, пока это сделает волчица. Результат: мужики задают волчице трепку, кое-как она убирается в лес, встречает по дороге притворно побитого лиса, помогает ему добраться до своего дома. Но как только они подошли к дому, лис тут же весело заявляет: *Lebt wohl, liebe Frau Gevatterin, und laßt Euch den Braten wohl bekommen*, – «Счастливо оставаться, милая кумушка, не прогневайтесь на угощенье!» и весело исчезает.

Подобную сцену мы наблюдаем и в сказке «Der Wolf und der Fuchs» / «Волк и лиса», в которой лиса находится в услужении у волка. И снова исход один – волка убивают, а лиса убегает и радуется, что избавилась от такого обжоры.

Но не во всех сказках лиса оказывается победителем. Очень поучительна и сказка «Der Fuchs und die Katze» / «Лис и кошка», в которой она пытается учить кошку: ... *ich will dich lehren, wie man den Hunden entgeht* [Brüder Grimm. Der Fuchs und die Katze. №75, S. 396]. / ...*пойдем, я научу, как от собак уходить* [Г. Петникова. №75. С. 231]. И здесь лиса поплатилась за свою самоуверенность и хвастовство. Появляются охотники с собаками, кошка взбирается на дерево и прячется в ветвях и листве, а лиса поймана собаками.

Но в текстах сказок лиса, правда, не всегда эгоистична и готова обманывать. Например, в сказке «Der Fuchs und das Pferd» / «Лиса и лошадь» мы можем подчеркнуть и ее благородные черты. С помощью лисы старая лошадь,

выполняя условие своего господина, притащила льва к дверям его дома, и он разрешил ей жить у себя, пока она не околела.

Очень интересна в этом плане и сказка «Die Bremer Stadtmusikanten» / «Бременские музыканты». Изгнанные из дома постаревшие и обессиленные осел, собака, кот и петух, чтобы выжить и заработать себе на пропитание, становятся музыкантами города Бремена. В поисках приюта они подходят к дому, который оказывается разбойничьим притоном. С помощью хитростей они выгоняют разбойников из дома, вселяют в них ужасный страх. *Von nun an getrauten sich die Räuber nicht weiter in das Haus, den vier Bremer Musikanten gefiel's aber so wohl darin, dass sie nicht wieder heraus wollten*" [Brüder Grimm. Die Bremer Stadtmusikanten. №27. S. 180]. / *С той поры разбойники не дерзали уж и носа сунуть в дом, а четверым бременским музыкантам так в нем полюбилось, что их оттуда ничем было не выманить* [Пер. Г. Петникова. №27. С. 91].

Высмеивание жадности, злости, самоуверенности и жестокости проходит красной нитью через многие тексты сказочного дискурса о птицах и животных. Наглядным примером тому может служить сказка «Der Hund und der Sperling» / «Пес и воробей». Собака, которую хозяин измучил голодом, уходит от него. По дороге она встретила воробья, и они подружились. Воробей очень заботится о своем друге и помогает добывать пищу. Но однажды злой и самоуверенный извозчик давит собаку телегой, не внемля просьбам воробья, объехать ее. Воробей мстит злодею и доводит его до смерти. Таким образом, в тексте сказки имплицитно представлены не только негативные пороки, расплата за них, но и примеры настоящей дружбы.

Яркими образами в сказочном дискурсе представлены образы и других зверей и птиц, например, «Der Wolf und die sieben jungen Geißlein» / «Волк и семеро козлят», в которой волк, притворившись козой, обманывает маленьких козлят, попадает к ним в дом и всех их съедает. Мама-коза, узнав об этом, находит способ, чтобы не только вызволить их, но и наказать хищника.

Следует отметить и тексты таких сказок, как «Die weiße Schlange» / «Белая змея», «Von dem Mäuschen, Vögelchen und der Bratwurst», «О мышке, птичке и жареной колбасе», «Die Hochzeit der Frau Füchsin» / «Свадьба госпожи лисицы»; «Der Wolf und der Mensch» / «Волк и человек» и многие другие. Из 55 немецких текстов сказочного дискурса мы отобрали 20 наиболее частотных наименований животных и птиц и представили их в таблице 1.

Таблица 1 – Частотность названий животных и птиц в дискурсе немецких сказок

№ п/п	Названия животных	Количество	%
1.	Pferd (лошадь, конь)	17	11,9
2.	Fuchs (лиса/лис)	15	10,5
3.	Wolf (волк)	15	10,5
4.	Hahn, Henne (петух, петушок, курочка)	14	9,8
5.	Hund (собака)	13	9,1
6.	Katze (кошка, кот)	13	9,1
7.	Maus (мышь, мышка)	10	7,0
8.	Kuh (корова, теленок)	8	5,6
9.	Bär (медведь)	8	5,6
10.	Taube (голубь), Turteltaube (горлинка)	7	4,9
11.	Esel (осёл)	6	4,2
12.	Ente (утка)	6	4,2
13.	Löwe (лев)	6	4,2
14.	Schaf (ягненок, овца)	6	4,2
15.	Ziege, Geißlein (коза, козлята)	6	4,2
16.	Hase (заяц)	5	3,5
17.	Rabe (ворон, ворона)	5	3,5
18.	Hirsch (олень)	4	2,8
19.	Stier (бык, вол)	4	2,8
20.	Gans (гусь)	3	2,1
Итого		170	

Частотность остальных названий животных и птиц намного меньше: *Drossel* / дрозд, *Eule* / сова, *Löwe* / лев, *Löweneckerchen* / жаворонок, *Sperling* / воробей, *Wildschwein* / кабан, свинья отмечены лишь дважды и составляют 1,4 %, а наименования таких животных и птиц, как *Adler* / орел, *Ястреб*, *Elch* / лось, *Haselhuhn* / рябчик, *Igel* / еж, *Nachtigall* / соловей, *Pudelhund* / пудель, *Rebhuhn* / куропатка, *Reh* / косуля, лань, *Rohrdommel* / выпь, *Schwan* / лебедь,

Wiedehopf / удод, *Tiger* / тигр, *Zaunkönig* / королек, оказались единичны (0,7%). Наиболее типичными животными немецких сказочных текстов являются *лошадь, лиса, волк, петух / курица, собака и кошка*.

Самыми распространенными персонажами русского сказочного дискурса о животных являются: *лиса, волк, петух, медведь, козел (коза), заяц, кот, журавль, курочка*. Практически у каждого животного есть устойчивые черты характера, которыми он наделен в сказочных текстах. Особенно это касается диких животных: лисица в русском тексте сказки наделена хитростью и коварством, например: *Терентий, Терентий! Я указ добыла. Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Добыла так добыла. Чтобы вам, тетеревам, не сидеть по деревьям, а все бы гулять по зеленым лугам* [Лиса и тетерев. №31. С. 43]. *Эх, куманек, – говорит лисичка-сестричка, – у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилу плетусь* [Лисичка-Сестричка и волк. №1. С. 11].

Волк в представлениях русского человека – опасный, сильный, жадный и всегда голодный зверь. Умом своим особенно не блещет и может быть побежден хитростью противника: *Дорогою бирюк и говорит овце: «А что, овца, ведь на тебе тулуп-то мой?» Лиса услышала и подхватила: «Взаправду, кум, твой?» – «Верно, мой!» – «Побожись?» – «Побожусь!» – «К присяге пойдешь?» – «Пойду». – «Ну, иди, целуй присягу». Тут лиса сметила, что мужики на тропинке поставили капкан; она привела бирюка к самому капкану и говорит: «Ну, вот здесь целуй!» Только что сунулся бирюк сдуру – а капкан щелкнул и ухватил его за морду. Лиса с овцой тотчас убежали от него подобру-поздорову* [Овца, лиса и волк. №28. С. 40].

Образ медведя олицетворяется в русском сознании неоднозначно. Если с виду он сильный и умный хищник, то в сказочном дискурсе его образ зеркально противоположен: *Кот явился к своим товарищам и говорит: «Ну, набрался страху! Сам-то кот бурый, шерсть на нем стоит дыбом, а хвост так по земле и волочится!» Тут звери стали прятаться кто куда: «медведь взобрался на дерево...»* [Лиса и кот. №42. С. 54]. *Петух увидал медведя и запрыгал по*

наседу; машет крыльями и кричит: «Куда-куда-куда! Да подайте мне его сюда; я ногами стопчу, топором срублю! И ножишко здесь, и гужишко здесь, и зарежем здесь, и повесим здесь!» Медведь испугался и пустился назад, бежал-бежал, от страха упал и умер [Медведь и петух. №65. С. 78].

Трусость, незащитность, доброту и доверчивость олицетворяет заяц: *Лиса попросилась у зайчика погреться, да зайчика-то и выгнала [Лиса, заяц и петух. №14. С. 26].*

Лесные птицы характеризуются как безобидные и слабые существа: *«Эй, дятел! Брось ты мне (своего птенца. – А.П.), я его выучу кузнечному». Дятел ей бросил, а она кустик за кустик, лесок за лесок, да и съела [Лиса и дятел. №32. С. 43].*

По-разному дается оценка и домашним животным. Например, собака характеризуется как умное и преданное человеку животное: *Жили мужик да баба и не знали, что есть за работа; а была у них собака, она их и кормила и пошла [Собака и дятел. №66. С. 79]. Кот сочетает в себе смелость и большую лень: *Кот в поле услышал голос петуха, бросился в погоню, достиг лису, отбил петуха и принёс домой [Кот, петух и лиса. № 37. С. 48].**

Довольно хорошо характеризуются в текстах сказок и дерзкие, смелые поступки козы: *Коза говорит волку: «Кум, давай попробуем, кто перепрыгнет через эту яму?» Стали прыгать. Волк прыгнул, да и ввалился в горячую яму; брюхо у него от огня лопнуло, и козлятки выбежали оттуда да прыг к матери [Волк и коза. №53. С. 64].*

Более близкое знакомство с народным искусством позволяет обнаружить в нем изображение правдоподобных повадок зверей с последующей передачей переносного социального смысла изложения, например: голодный кот Котофей Иванович – воевода из сибирских лесов кинулся, *«начал рвать мясо зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится» [Русские народные сказки 1978 : 190].* Реальность представленной сцены не вызывает сомнения. Иносказательный же смысл кроется в том, что мурлыканье кота медведь и волк восприни-

мают как бормотание: *«Мало! Мало!»* *Медведь говорит: «Невелик да прожорлив, нам четверым не съесть, а ему одному мало; пожалуй, и до нас доберется»* [Русские народные сказки 1978 : 190–191]. Вот, оказывается, насколько жаден кот-воевода.

Большую роль в сказочном дискурсе играет построение и стремительное развертывание сюжета. Сломая голову бежит курица по воду: петух проглотил зерно и подавился, река воды не дала, просит дать ей листа с липки. Курица – к липке, липка не дает, просит принести нитку от девушки, и т. д. В конце концов, курица принесла воды, петух спасен, но скольким «лицам» он обязан своим спасением! [*«Бобовое зернышко»*]. *Пошел град – курица с петухом решили: «Палят, стреляют, нас убивают»* [Русские народные сказки 1978 : 178]. *Кинулись бежать, увлекая за собой всех встречных. Бегут, не переводя духа, некогда даже ответить, почему бегут. Бежали до тех пор, пока не свалились в яму* [Звери в яме].

Резкое разграничение положительного и отрицательного также присуще сказкам о животных. Никогда не возникает сомнения, как отнестись к тому или иному персонажу. Это не примитивность подачи жизненного материала, а та необходимая ясность оценки героев и их поступков, которая должна быть усвоена ребенком. В богатстве смысла и содержательности бытовых и психологических деталей этого жанра сосредоточен житейско-бытовой и социальный опыт народа, в нем отражается знание нравственной жизни и облика самых разнообразных людских типов.

Таблица 2 – Частотность названий животных и птиц в дискурсе русских сказок

№ п/п	Названия животных	Количество	%
1.	Лиса	30	21,0
2.	Лошадь, конь	27	18,9
3.	Волк	24	16,8
4.	Медведь	23	16,1
5.	Собака	22	15,4
6.	Петух, петушок, курочка, цыпленок	18	12,6
7.	Заяц	12	8,4
8.	Кошка	10	7,0

9.	Гусь, лебедь	9	6,3
10.	Коза, козлята	9	6,3
11.	Баран	8	5,6
12.	Корова	8	5,6
13.	Мышь	7	4,9
14.	Свинья	6	4,2
15.	Бык, вол	5	3,5
16.	Овца	3	2,1
17.	Еж	2	1,4
18.	Куница	2	1,4
19.	Соболь	2	1,4
20.	Утка	2	1,4
Итого		229	

Таблица 2 включает в себя также 20 наименований животных и птиц русских сказок, которые характеризуются наибольшей частотностью присутствия в них и в сумме составляют 229 единиц. Колонка в процентах характеризует частотность их употребления в 61 тексте сказок. Присутствие же названий остальных животных и птиц, таких как *бобер, лев, олень, осёл, сурок, белка, рябчик, сова, сокол, дрозд, тетерев, дятел, коршун, воробей* в объеме рассматриваемых сказок равно единице и составляет 0,7%.

Лингвистический анализ исследованных текстов немецкого и русского сказочного дискурса свидетельствует о том, что *лошадь* и *лиса* занимают в них ведущее положение. И это неслучайно. Среди первых животных, которых человеку удалось приручить, была лошадь. В древние времена она ассоциировалась у него, как известно, с загробным миром, и должна была, по поверьям людей, приносить смерть. Но спустя какое-то время, человек сумел оценить такие ее незаменимые в труде и повседневной жизни качества, как сила, скорость, выносливость. С тех пор с этим животным очень тесно связана вся повседневная трудовая и духовная деятельность человека. Одним из ярких подтверждений сказанного являются былины, песни, притчи, а также многочисленные тексты сказочного дискурса. Конь – это отражение плодородия, мужества и мощной власти. Тем не менее у немцев, считавшимися хорошими коневодами, символами были *медведь, орел*, а также *вепрь*. Образ коня в их представлении – это необузданные страсти и нечто бессознательное. Уже в текстах

сказок братьев Гримм конь обладает качеством ясновидения и должен оберегать своих хозяев от опасностей. У швейцарского психиатра К. Юнга мы находим мысль о том, что конь рефлектирует магическую сторону человека, интуитивное познание [Юнг 1998].

На Руси лошади были у всех сословий общества. У крестьян они пахали землю, выполняли многие другие работы, при этом не требовали много еды, легко переносили жару и холод. Поскольку лошадь на протяжении всего времени находится рядом с человеком, он надежно закрепился в русской культуре. Более того, предки славян культивировали кочевой образ жизни и соотносили облик коня с культом Солнца, плодородия, благородства и сильной власти. В образе коня они усматривали связующее звено между царством живых и мертвых [Мифологический словарь 1990]. Он перемещает своего хозяина в тридесятое царство, а в народных поверьях его функция заключается в перемещении умершего в страну мертвых. Поэтому конь был неотъемлемым атрибутом в жизни человека, во многих случаях приходил на помощь в самый острый момент, подтверждением чего служат многочисленные рассказы, песни и сказочный эпос, например, «Жар-птица и Василиса-царевна», «Волшебный конь», «Иван-крестьянский сын и чудо-юдо» и многие другие. У каждого героя-победителя был красавец конь, выращенный из невзрачного жеребенка, который впоследствии становится верным и преданным другом. Самым известным в русском сказочном эпосе остается, пожалуй, Сивка-бурка, вещая каурка, именуемый также коньком-горбунком. Он необычен, силен и даже способен летать, а когда бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом [Афанасьев № 179–181]. Он вовремя и подскажет, и поможет, и из беды выручит, поскольку обладает и качествами богатыря-товарища, затаптывая копытами и спасая своего хозяина от страшного Змея-Горыныча. В данном случае незримо чувствуется присутствие христианской легенды о подвигах Георгия Победоносца, которому в неравном сражении с сатаной огромную помощь оказывал его верный конь.

Одним из основных действующих персонажей немецкого и русского сказочного дискурса является также лиса, которая наделена качествами, свойственными многим людям: хитростью, предприимчивостью, ловкостью, а порой и подлинной мудростью. Ее сказочный персонаж сформировался в результате наблюдений и рассказов охотников, лично соприкасавшихся с ее проделками. Она могла притвориться мертвой, если нужно было поймать добычу или обмануть бдительность охотника, попав в его руки. И все эти проделки можно объяснить, скорее всего тем, что она не настолько сильна как, например, волк или медведь, и ей приходится использовать в таких случаях хитрость. Неоднозначное отношение к этому зверю бытовало еще со времен язычества, когда лису считали помощником Сатаны. Это мнение сохранилось и с установлением христианства. В средневековых бестиариях (энциклопедиях всех зверей) лиса считается животным, которому в обмане и хитрости, лукавстве и вероломности нет равных [Мифологический словарь 1990]. Тому способствовал, по-видимому, и окрас ее шубы – огненный цвет преисподней. Ну, а ее природный ум и хитрость – это от лукавого. Следовательно, лиса никак не могла быть добрым зверем. Например, в Верхней Австрии лис выступал синонимом дьявола: *Fuchs holt dich ab!* / *Лис тебя поберу!*, а в Верхней Силезии при приближении грозы говорили *Der Fuchs braut!* / *Лис куховарит!* Тем не менее, как и в любом правиле есть определенные исключения. И здесь, наверное, уместной будет следующая пословица о том, что превосходство ума над силой и грубостью несет в себе положительный результат: *Кто в чин войдет лисой, тот волком править будет.*

Лингвистический анализ текстов сказочного дискурса о животных показал, что образ лисы в русских текстах намного интереснее других животных. В каждом случае он реализуется по-разному, а человек усматривает в этом животном и его поведении во многом самого себя: склонность к kleptomании, хитрость, льстивость и др. Попытаемся рассмотреть некоторые особенности лисы с позиции русского менталитета. Льстивость, как свойство характера мы

находим в сказках «Колобок», «Петушок – золотой Гребешок» и др. Примечательно, что в сказке «Колобок» лиса отличается от других животных, например, при встрече с Колобком она сначала восхищается им: *Здравствуйте, Колобок! Какой же ты хорошенький!* После исполнения Колобком по ее просьбе песенки она щедро дарит ему свой комплимент: *Какая чудная песенка! Спасибо, Колобок! Такая славная песенка, так бы слушала и слушала.* Лиса в данном случае много льстит, чтобы расположить к себе Колобка, а затем посадить его на свой язычок и съесть. Льстивой Лисе удаётся осуществить свой план. То же самое наблюдается в сказке «Петушок-Золотой Гребешок». Чтобы привлечь внимание Петушка, Лиса восхваляет его в своих песнях: *Петушок, Петушок, золотой гребешок, маслина головушка, шёлкова бородушка.* И таким образом достигает своей цели. Хитрые проделки лисы мы обнаруживаем также в сказках «Лиса лекарка» и «Лисичка-сестричка и волк». В сюжете первой из них лиса, пообещав доверчивому старику вылечить старуху, требует за это плату: *Ну, вытопи баньку, снеси туда толоконца мешочек, маслица горшочек...* А завершение сказки: *Старик вошёл в баню, поглядел: только старухины кости под лавкой, и те оглоданы, толоконце и маслице съедено. Остался старик один в бедности* [Афанасьев. Лиса-лекарка. №18. С. 31]. В данном случае проделки лисы – одна из условных ее характеристик, с чем на самом деле может не согласиться любой зоолог, поскольку оно безосновательно. Утверждение же, что она хитрая – вопрос чисто фольклористический.

В сказке «Лисичка-сестричка и волк» волк сильно пострадал из-за Лисы. Но когда он хотел наказать ее за обман, то услышал в ответ: *Эх, куманек», – говорит лисичка-сестричка, – у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилу плетусь* [Афанасьев. Лисичка-сестричка и серый волк. №1. С. 11]. Во многих сказках лисе свойственны многие человеческие черты характера, поскольку именно народ создал ее образ в сказках о животных. В текстах данного сказочного жанра через образы животных часто реализуется абстрактное понятие о национальных чертах характера

немецкого и русского народов. Более того, каждая сказка и каждый образ животного имеют воспитывающее значение. Таким и является образ лисы. Во многих случаях лиса добивается своих целей с помощью хитрости и обмана, тем не менее иногда ее настигает и наказание, например, в сказках «Лиса и заяц» и «Лиса и журавль».

Как свидетельствуют результаты наших наблюдений, в русских текстах сказочного дискурса народ оценивает лису положительно и наделяет ее ловкостью, хитростью и остроумием, потому что ему близок типичный характер: хитрость – второй ум, простота хуже воровства и т.д. Многие истинно русские пословицы предупреждают о том, что лести надо непременно остерегаться: *На грубое слово не сердись, на ласковое не сдавайся; Лыстец под словами – змей под цветами* и т. д.

Для характеристики образа лисы рассмотрим примеры из немецкого сказочного дискурса: «Der Fuchs und die Frau Gevatterin», «Der Wolf und der Fuchs», «Der Fuchs und die Katze», «Der Fuchs und das Pferd».

«Der Fuchs und die Frau Gevatterin»: *Er ist doch nahe mit uns verwandt / Он ведь нам сродни; ...hat einen guten Verstand und viel Geschicklichkeit / ...он и разумен, и изворотлив...; ...liebwerte Frau Gevatterin, ich danke Euch für die Ehre, die Ihr mir erzeigt / Милейшая госпожа кума, благодарю вас за честь, оказанную мне; Bei dem Fest ließ er sich's schmecken und machte sich ganz lustig / Во время празднества лис всласть всего покушал, повеселился; ...es ist unsere Pflicht, für das Kindlein zu sorgen / Наша прямая обязанность – заботиться о нашем дитянке; Dort werdet Ihr ungesehen hineinkriechen können, ich will mich derweil auf der anderen Seite umsehen / Туда вы можете пробраться незаметно, а я тем временем с другой стороны подойду; Er ging aber nicht hin, sondern ließ sich am Eingang des Waldes nieder, streckte die Beine und ruhte sich – А самто не пошел к овчарне, а присел на опушке леса, протянул ножки и стал отдыхать; ...tat ganz kläglich und sprach: Ach, liebe Frau Gevatterin, wie ist mir's schlimm ergangen! / ...и жалобно так говорит: Ах, милая госпожа кума, куда*

как плохо мне пришлось!; ...wenn Ihr nicht wollt, dass ich auf dem Platz liegen bleiben und verschmachten soll, so müsst Ihr mich forttragen / Коли вы не хотите меня здесь покинуть на погибель, так уж понесите вы меня на себе; Lebt wohl, liebe Frau Gevatterin, und lasst Euch den Braten wohl bekommen, lachte sie gewaltig aus und sprang fort / Счастливо оставаться, милая кумушка – не прогневайтесь на угощенье! – расхохотался громко и был таков [Der Fuchs und die Frau Gevatterin. №74. S. 395. Пер. с нем. Е. Гиляровой, К Савельева].

«Der Wolf und der Fuchs»: Der Wolf hatte den Fuchs bei sich... – Жила лиса у волка в услуженье...; ...der Fuchs stahl das Lämmlein, brachte es dem Wolf und machte sich fort – ...украли лиса ягненка, притащила его волку, а сама убежала; Der Fuchs antwortete: Warum bist du so ein Nimmersatt – А лиса говорит: А зачем ты такой ненасытный?; ...der Fuchs schlich ums Haus herum, guckte und schnupperte so lange, bis er ausfindig machte – ...лиса весь дом кругом обшарила, все разглядывала да принюхивалась, пока не узнала, где горшки стоят, стащила потом шесть блинов и принесла их волку; ...zog dann sechs Pfannkuchen herab – ...стащила потом шесть блинов и принесла их волку; Der Fuchs ließ sich's auch gut schmecken, blickte überall herum, lief aber oft zu dem Loch, durch welches sie gekommen waren, und versuchte, ob sein Leib noch schmal genug wäre, durchzuschlüpfen – Лиса тоже как следует полакомилась, но все кругом поглядывала и частенько подбегала к дыре, через которую они в погреб забрались, да все пробовала, достаточно ли дыра широка, чтоб в нее пролезть; Ich muss doch sehen, ob niemand kommt – Да надо поглядеть, не идет ли кто [Der Wolf und der Fuchs. №73. S. 393. Пер. с нем. Е. Гиляровой, К Савельева].

«Der Fuchs und die Katze»: Er ist gescheit und wohl erfahren und gilt viel in der Wel – Он смышлен и опытен в житейских делах; Der Fuchs, alles Hochmutes voll, betrachtete die Katze von Kopf bis zu Füßen und wusste lange nicht, ob er eine Antwort geben sollte – А лис, преисполненный высокомерия, окинул кошку взглядом с головы до ног и долго соображал, отвечать ли ей; O du armseliger Bartputzer, du buntscheckiger Narr, du Hungerleider und Mäusejäger, was kommt

dir in den Sinn? – Ах ты, жалкая тварь! Дура ты полосатая, мышеловка голодная! Что ты это задумала? Осмеливаешься спрашивать меня, каково мне живется! Да ты чему обучалась?; Wie viel Künste verstehst du? – Какое у тебя есть умение?; ...ich bin Herr über hundert Künste und habe überdies noch einen Sack voll Liste – Ну, а я мастер на все руки, да сверх того у меня еще всех хитростей и уловок непочатый мешок; Du jammerst mich, komm mit mir, ich will dich lehren, wie man den Hunden entgeht – Мне просто жаль тебя! Пойдем, я научу, как от собак уходить [Der Fuchs und die Katze. №75. S. 396. Пер. с нем. Е. Гиляровой, К Савельева].

«Der Fuchs und das Pferd»: Der Fuchs sprach "da will ich dir helfen..." – Говорит лиса: А я тебе помогу...; ...da draußen liegt ein totes Pferd, komm doch mit hinaus, da kannst du eine fette Mahlzeit halten – Лежит вон там мертвая лошадь: пойдем вместе со мной, и ты сытно пообедаешь; ...hier hast du's doch nicht nach deiner Gemächlichkeit – Тут тебе будет все-таки не так удобно; ...er klopfte dem Pferd auf die Schulter und sprach "zieh', Schimmel, zieh'" – ...похлопала по спине лошадь и говорит: Ну, тащись, сивка, тащись! [Der Fuchs und das Pferd. №132. S. 620. Пер. с нем. Е. Гиляровой, К Савельева].

Результаты анализа примеров из текстов немецкого сказочного дискурса позволяют дать следующую общую характеристику лисы: *schlau, geschwätzig, Liebediener, erfahren, schmeichlerisch, Schmeichler, nicht offen, unaufrichtig, heuchlerisch, schlau, pfiffig, geschickt, schmeichlerisch, tückisch, gefährlich, gerieben.*

Для характеристики образа лисы воспользуемся также примерами из русского сказочного дискурса: «Кот и лиса», «Лиса-повитуха», «Звери в яме», «Козьма Скоробогатый».

«Кот и лиса»: Поклонилась коту и спрашивает...; Скажись, добрый молодец, кто ты таков и как тебя по имени величать?; ...не знала про тебя, не ведала; ну, пойдем же ко мне в гости; ...и я, лисица-девица, возьми меня замуж; Пусти, дурак! Что заигрываешь?; Что ты, дурак, косолапый Мишка,

трогаешь меня? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужня жена [Кот и лиса. Т. 1. №40. С. 51].

«Лиса-повитуха»: А лисица любит сладенькое; ...лежит кума с кумом в избушке да украдкою постукивает хвостиком; ...кума из избы да прямехонько к меду, нализалась; Долго ли, коротко ли – прикинулась лиса хворою...; Глядь-поглядь, у кумы-то и показался медок; она ну-тко скорее перемазывать его на волка [Лиса-повитуха. Т. 1. №10. С. 21].

«Звери в яме»: Лиса и придумала: «Давайте, – говорит, – тянуть: кто всех тоньше запоет, того и скушаем»; ...лиса опять говорит: «Кто толще всех запоет, того и скушаем»; Эх, свинья! Ведь я свои кишочки таскаю; разорви и ты свое брюхо, таскай кишочки и закусывай [Звери в яме. Т. 1. №30. С. 41].

«Козьма Скоробогатый»: К этому Кузеньке повадилась ходить лисичка; ...лисонька, накушавшись такого жирного обеда, побежала на царские заповедные луга и стала на тех заповедных лугах кататься; Бежит волк и говорит: «Эх ты, проклятая лиса! Где так жирно обтрескалась?»; Бежит медведь мимо, увидел лисоньку и говорит: «Эк ведь ты, проклятая хвостомеля, как обтрескалась!»; Бежит мимо соболь с куницею и спрашивает: «Эк ты лукавая лиса, где так жирно накушалась?»; Лисоньку всякий день угощали они курочками, и она до тех пор у них гостила, докуда всех кур не испакостила [Козьма Скоробогатый. Т. 1. №164. С. 316].

Лингвистический анализ примеров из текстов русского сказочного дискурса позволяет представить общую характеристику лисы. Чтобы добиться исполнения своих желаний, лиса готова использовать все свои хорошие и плохие уловки: *мошенничество, острый ум, обольщение, хитрость, лесть, ловкость, мстительность, жестокость, коварство*. Во всех текстах сказочного дискурса она остается верной себе.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в текстах немецкого и русского сказочного дискурса главное кредо в жизни лисы – это максимум

комфорта для себя и победа в любой ситуации. При этом в некоторых сказках лисе не чужда и такая благородная черта как помощь ближнему. Например, в сказке «Der Fuchs und das Pferd» она помогает лошади вновь обрести хозяина, в сказке «Козьма Скоробогатый» оказывает помощь Козьме в обретении счастья, а в сказке «Снегурушка и Лиса» предстает перед нами добрым и заботливым животным, помогающим Снегурушке.

Древние германцы и славяне к числу наиболее важных животных относили и *волка*. Например, германцы изначально связывали его образ с образом врага, несущего их племенам голод и смерть, т. е. уже в древних мифах это животное символизировало отношения между людьми. Поэтому только святые своей силой любвеобильного убеждения могли укротить этого страшного зверя. В геральдике Средневековья его образ имеет и положительный смысл. С его названием связаны такие характеристики, как *хищник, серый, лесной разбойник, серый разбойник, шакал* и т.д. [СС]. Понятия, как и для лисы, – негативные, которые используются и для характеристики многих отрицательных качеств человека. Подтверждением сказанного могут служить тексты таких немецких и русских сказок, как «Der Wolf und die sieben jungen Geißlein» / «Волк и семеро козлят», «Der Wolf und der Mensch» / «Волк и человек» и другие, в которых его действия вероломны и жестоки. Однако и у германцев, и у славян волк не только вызывает страх, но и пользуется уважением. В средневековой геральдике о волке упоминают в положительном смысле, т.е. добычу он свою всегда заполучает так изощренно, что почти никогда не попадается охотнику. Отсюда и наличие относительно слова *волк* не только отрицательных синонимов, но и положительных: *хитрый, изворотливый, осторожный* и др. В классовом обществе древний вымысел принял вид иносказаний и стал служить выражением классово-социальных симпатий и антипатий. Животные стали олицетворять реальных носителей тех нравов, которые были чужды народу и осуждались им. Народ, поставленный господствующим классом в подчиненное положение, превратил сказку в острое сатирическое произведе-

ние. Именно на эту черту народных сказок указывал А. М. Горький в письме к собирателю адыгейского фольклора Н. Максимову: «Очень интересна и "Сказка о зайчихе, лисе и волке", помощнике старшины, она обнажает социальные отношения людей, чего обычно в сказках о животных не видят» [Максимов 1957 : 4]. Для славянских народов волк – это еще проявление потустороннего мира, т.е., он был своего рода медиумом, в облике которого усопшие могли возрождаться в мире живых. В русском сказочном дискурсе он перемещает героя в другое далекое царство, а также связан с сокровищами подземных кладов, выполняет роль проводника по заколдованному лесу. Ряд славянских племен, видя в нем божество и свое начало, в разговоре употребляли слово *хорт*, или *лютый*, а себя именовали *лютичами*. Участие волка не только в русской, но и общеславянской аграрной обрядности подтверждается поверьями сербов, которые считают, что волк приносит удачу и может предсказывать урожай. Место, отводимое волку в аграрной области, Б.А. Рыбаков обосновывает тем, что для славян этот зверь был полезен весной во время всходов яровых хлебов и льна. Травоядная живность наносила посевам большой вред. Волки же на засеянных нивах легко травили эту живность, невольно оберегая поля от потравы [Рыбаков 1981]. Как и у многих славянских народов в текстах сказочного дискурса волк присутствует в двойственном образе: в качестве опасного хищника, способного нанести вред всему живому, в том числе и человеку, или же большим другом как животных, так и человека. Он пожирает козлят («Волк и семеро козлят»), хочет разорвать овцу – снять с нее свой «тулуп» («Овца, лиса и волк»). Выпущенный мужиком из мешка, вместо слов благодарности волк говорит; *А что, мужик, я тебя съем!* («Старая хлеб-соль забывается»). Ворует у мужика из хлева поросят («Волк»). Первое, что он говорит при встрече с козлом: *Козел, а козел, я пришел тебя съесть* («Волк-дурень»). Безжалостно съедает свинью («Волк и свинья»). Ненасытная жажда крови, черты насильника, который признает одно право – право сильного, право острых зубов, – без этой черты волк не волк. В то же время волк предстает

и как мудрое животное, говорящее на языке человека и помогающего многим сказочным героям легко преодолевать время и расстояние, перенося его вмиг в любую точку света. Возьмем, к примеру, сказку «Коза»: *Волки пошли козу знать: Вот коза с орехами, вот коза с калёными!* Готовность помочь бедной Снегурочке в сказке «Снегурочка и лиса». Не совсем добровольная и бескорыстная, но честная помощь Ивану-царевичу «Иван-царевич и Серый Волк». Все три испытания: изловить жар-птицу, обуздать златогривого коня, привезти невесту – Елену Прекрасную – Иван-царевич проходит благодаря помощи Серого Волка. Даже тогда, когда собственные братья из зависти убивают Ивана-царевича, Волк приходит ему на помощь: отпаивает его живой и мёртвой водой. Серый Волк в данной сказке выступает и вершителем справедливости: растерзав братьев до смерти, восстанавливает справедливость в мире. Волк становится символом победы добра над злом.

В некоторых текстах сказок волк представляется нам не злым, а глупым и простоватым зверем: «Лисичка-сестричка и волк», «Волк-дурень», «Волк у проруби», «Напуганные медведи и волки», «Мужик, медведь и лиса», «Зимовье зверей», «Медведь, собака и кошка», «Глупый волк» и др. Исходя из содержания текстов перечисленных сказок, глупость и простота – это не основные его черты. Он жесток, свиреп, зол, жаден – вот главные его качества. Он съедает коня у бедного старика, вламывается в зимовье зверей и нарушает их мирную жизнь, хочет съесть козлят, обманывая их песенкой. Но такие качества никогда не поощряются в сказках, поэтому волк всегда получает по заслугам. В реальной лесной жизни провести волка не так уж и легко.

Для характеристики образа волка приведем примеры из текстов немецкого и русского сказочного дискурса: «Der Wolf und die sieben Geißlein» / «Волк и семеро козлят», «Rotkäppchen» / «Красная шапочка», «Der Wolf und der Mensch» / «Волк и человек», «Волк-дурень», «Лисичка-сестричка и волк», «Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и о Сером Волке».

«Der Wolf und die sieben Geißlein»: *Der Wolf ist ein böses Tier. / Волк злой зверь; Der Wolf will euch fressen. / Волк хочет вас съесть; Der Wolf ist schlau. / Волк очень хитрый; Und der Wolf kann sich verkleiden. / Волк может менять облик; Die Stimme vom Wolf ist dunkel und böse. / Голос у волка толстый и злой; Die Pfoten vom Wolf sind schwarz / Лапы у волка черные* [Der Wolf und die sieben Geißlein. №5. S.63. Пер. с нем. Е. Гиляровой, К Савельева].

«Rotkäppchen»: *Rotkäppchen aber wusste nicht, was das für ein böses Tier war. / Но Красная Шапочка не знала, что это был за лютой зверь; Das junge, zarte Ding, das ist ein fetter Bissen / Эта маленькая, нежная девочка – славный будет для меня кусочек; Du musst es listig anfangen, damit du beide schnappst. / ...надо это так хитро дельце обделать, чтобы мне обе на зубок попали; ...und er ging, ohne ein Wort zu sprechen, gerade zum Bett der Großmutter und verschluckte sie / ...и он вошел к бабушке в избу; прямехонько кинулся к постели бабушки и разом проглотил ее.; ...was hast du für große Hände" – Dass ich dich besser packen kann! ...was hast du für ein entsetzlich großes Maul! – Dass ich dich besser fressen kann! / ...а руки-то какие у тебя большие! – Это для того, чтобы я тебя легче обхватить могла!; ...зачем же у тебя такой противный большой рот? – А затем, чтобы я тебя могла съесть!; Finde ich dich hier, du alter Sünder, sagte er / Вот где ты мне попался, старый греховодник! – сказал охотник* [Rotkäppchen. №26. S.174. Пер. с нем. Е. Гиляровой, К Савельева].

«Der Wolf und der Mensch»: *Wenn ich nur einmal einen Menschen zu sehen bekäme, ich wollte doch auf ihn losgehen. / Встретить бы мне хоть раз человека, уж я на него нападу!; Dazu kann ich dir helfen, sprach der Fuchs. / Я могу тебе в этом помочь, – ответила ему лиса; Der Wolf ging nun auf den Menschen los. / Тут волк и кинулся на человека; Der Wolf verzog das Gesicht gewaltig, doch ließ er sich nicht schrecken und ging vorwärts. / Волк скривился, но, однако ж, не испугался и пошел прямо на человека; Der Wolf verbiss den Schmerz und rückte dem Jäger zu Leibe / Волк сжал зубы от боли и кинулся на охотника* [Der Wolf und der Mensch. №72. S.287. Пер. с нем. Е. Гиляровой, К Савельева].

«Волк-дурень»: ...съем тебя со всей шкурой и с костями; ...поди-ка да принеси мне пудика три хорошей кобылятинки, поправь меня немножко, да тогда и делай со мною что угодно; Маленько поправился; коли б еще принес ты мне какую-нибудь овцу, мое мясо сделалось бы не в пример слаще!; Еще немножко худ. Вот когда б ты принес мне какого-нибудь кабана, так я бы разжирел, как свинья!; Волк вырвался, да бежать скорее: отбежал далече, захотел остановиться, да как услышал собачий лай – опять припустил; ...а козел... ударил волка в лоб, да так крепко, что он с ног свалился; Ах ты, свиная харя! – говорит ей волк. – Как смеешь грубить? Да я и тебя разорву и твоих поросят за один раз проглочу; Вода как хлынет, и потащила за собой волка [Волк-дурень. Т. 1. №55. S.66].

«Лисичка-сестричка и волк»: ...ты, куманек, ступай на реку, опусти хвост в прорубь – рыба сама на хвост нацепляется; Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь! – думает он; Эх, куманек, – говорит лисичка-сестричка, – у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилу плетусь; Я, куманек, говорю: битый битого везет. – Так, кумушка, так!; Волк прыгнул и попал в яму. Ну, – говорит лисичка, – сиди же тут! – и сама ушла [Лисичка-сестричка и волк. Т. 1. №1. S.11].

«Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке»: Волк вымолвил эти слова, разорвал коня Ивана-царевича надвое и пошел прочь в сторону; вдруг нагнал его серый волк и сказал ему: Жаль мне тебя, Иван-царевич, что ты пеш изнурился...; Садись на меня, на серого волка, и скажи, куда тебя везти и зачем?; Служил я тебе много, Иван-царевич, – сказал серый волк, – сослужу и эту службу [Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке. Т. 1. №168. S.331].

Результаты анализа текстов сказочного дискурса позволяют дать образу волка следующую общую характеристику, выраженную лексемами: *mit ständigem Charakter, brutal, gefräßig, heuchlerisch, lästig, undankbar, gewaltig, grausam, zudringlich, gefährlich, unerzogen, stark, widerstandsfähig, klug, gewandt, ge-*

schickt, gefräßig, grausam, scharfsinnig, böse, grob, heimtückisch, geizig, aggressiv, heuchlerisch, undankbar, blutigierig, gefährlich, egoistisch, feindlich, nicht wohlwollend, vorsorglich, vorsichtig, erfahren; глупый, голодный, жадный, злой, мстительный, коварный, трусливый, добрый, бесхитростный, доверчивый, обманутый, волчище.

Характеристика волка, как свидетельствует представленный исследовательский материал, у немецкого и русского народов, практически, идентична.

Роль животных в немецком и русском народном творчестве довольно велика и разнообразна. Наряду с 20 наиболее употребляемыми названиями домашних и диких животных и птиц в текстах сказок фигурируют и другие, например, в немецких: *Esel* (осёл), *Ente* (утка), *Geißlein* (коза, козлята), *Gans* (гусь), *Hahn*, *Henne* (петух, петушок, курочка), *Hund* (собака), *Katze* (кошка, кот), *Kuh* (корова, теленок), *Schaf* (ягненок, овца), *Ziege* (коза), *Bär* (медведь), *Hase* (заяц), *Hirsch* (олень), *Löwe* (лев), *Maus* (мышь, мышка), *Rabe* (ворон, ворона), *Stier* (бык, вол), *Taube* (голубь) / *Turteltaube* (горlinka); в русских: ёж, заяц, лебедь, медведь, мышь, соболь, баран, бык (вол), гусь, коза (козлята), кошка, куница, овца, свинья, собака, петух (петушок, курочка, цыпленок), корова, утка.

Исходя из сравнения качеств животных, представленных в немецких и русских сказках, можно заключить, что они несут в себе определенное сходство и различие. Например, *медведь* в немецком фольклоре характеризуется как *dumm* / глупый, *neugierig* / любопытный, *ungeduldig* / нетерпеливый, *taktlos* / бестактный, *klug* / умный, *schlau* / хитрый, *einfallreich* / находчивый, *freundlich* / добрый, *feige* / трусливый, *prahlerisch* / хвастливый. Подтверждение такого рода качеств мы отмечаем в тексте сказочного дискурса «Der Zaunkönig und der Bär» / «Королёк и медведь», где медведь проявляет свое любопытство и нетерпение: *Der Bär aber hatte keine Ruhe, wollte den königlichen Palast sehen. – Но медведю не терпелось: хотелось посмотреть на царский дворец* [Пер. Г. Петникова. №102. С. 303], бестактность и глупость: *Ist das der*

königliche Palast!, rief der Bär, das ist ein erbärmlicher Palast! ihr seid auch keine Königskinder, ihr seid unehrliche Kinder. – Так это-то есть царский дворец? – воскликнул медведь. – Ну и жалкий же этот дворец! Да и вы, какие вы царские дети? Вы – просто подкидыши! [Пер. Г. Петникова. №102. С. 303], трусливость, за которую он поплатился: *Dem Bär und dem Wolf ward angst, sie kehrten um und setzten sich in ihre Höhlen.* / Медведь и волк этой угрозы испугались, они поворотили оглобли и убралась в свои берлоги [Пер. Г. Петникова. №102. С. 303]; *Da kroch der Bär in der größten Angst hin und tat Abbitte.* – И вот полз медведь в великом страхе к гнезду и просил извинения [Пер. Г. Петникова. №102. С. 303].

Образ медведя в текстах русского сказочного дискурса имеет целую гамму характеристик: *глупый, доверчивый, добрый, положительный и отрицательный*, например, в тексте сказки «Медведь и петух»: *Медведь узнал про то, захотел их съесть и пришел к избушке. /.../ Петух увидал его и запрыгал по насести; машет крыльями и кричит: «Куда-куда-куда! Да подайте мне его сюда; я ногами стопчу, топором срублю! И ножишко здесь, и гужишко здесь, и зарежем здесь, и повесим здесь!»* Медведь испугался и пустился назад, бежал, бежал, от страха упал и умер [Афанасьев. Медведь и петух. №65. С. 78].

Или же в тексте сказки «Маша и медведь»: *Напекла она пирожков, достала большой-пребольшой короб и говорит медведю: «Вот, смотри: я в этот короб положу пирожки, а ты отнеси их дедушке да бабушке. Да помни: короб по дороге не открывай, пирожки не вынимай. Я на дубок влзу, за тобой следить буду!»* «Ладно, – отвечает медведь, – давай короб!» [Афанасьев. Маша и медведь].

Образ медведя представлен и в других текстах сказочного дискурса: «Напуганные медведь и волки», «Медведь», «Медведь, лиса, слепень и мужик», «Медведь, собака и кошка», «Мужик, медведь и лиса» и др.

Немецкий заяц пользуется в народе уважением и является героем пасхальных мероприятий, а немецкие дети всегда ждут от него рождественские

подарки. И лишь в некоторых народных сказках он представлен зазнайкой и глупцом, а подтверждением тому может служить сказка «Заяц и еж».

В русских же сказках образ зайца воплощает в основном положительные черты. С одной стороны – это *слабый, беспомощный, мстительный, хвастливый, трусливый, полный постоянного страха персонаж*, с другой стороны, он *хитрый, ловкий и достаточно храбрый*: «Der Hase und der Igel», «Häsichenbraut», «Der wunderliche Spielmann», «Лиса и заяц», «Лиса, заяц и петух», «Звери в яме» и др. В текстах сказочного дискурса его называют нежно и часто в уменьшительно-ласкательной форме – *зайчонок, зайка, зайчишка*, что подчеркивает его безобидность и миловидность. Иногда его называют *Косой*. Звучит это несколько грубовато, но это прозвище связано с тем, что глаза у него расположены сбоку и ему приходится поворачивать голову, чтобы рассмотреть предмет или человека. При передвижении он постоянно путает следы, чтобы ввести в заблуждение хищников, а не из-за отсутствия способности двигаться прямо.

Петушок является частым героем немецких сказок о животных. Он (*кочет, курочка*) характеризуется как *schlau / умный, findig / находчивый, undankbar / неблагодарный, tapfer / храбрый, gutherzig / добрый, findig / находчивый, undankbar / неблагодарный, habgierig / жадный, leichtgläubig / доверчивый* («Die Bremer Stadtmusikanten», «Von dem Tode des Hühnchens», «Das Lumpengesindel»). Интересен и тот факт, что в текстах немецкого сказочного дискурса петушок встречается большей частью в паре с курочкой. В них он, как правило, положительный и умный персонаж.

В текстах русских народных сказок петух характеризуется двояко: как *слабый, самоуверенный и легкомысленный образ* («Лиса и петух») и как *бесстрашный герой, помощник мудрый советчик* («Петух и жерновки», «Чудесная курица», «Кочет и курица», «Курочка», «Медведь и петух») и др.

Достаточно ярко в текстах сказочного дискурса выведен в немецком языке и образ *кота / кошки*: *findig / находчивый, tapfer / храбрый, schlau / ум-*

ный, lügnerisch / лживый. Особенно ярко он представлен в таких текстах сказочного дискурса как «Der Fuchs und die Katze», «Katze und Maus in Gesellschaft», «Der arme Müllerbursch und das Kätzchen». В русских текстах образ *кота / кошки* характеризуется намного шире и добрее: *умный, добрый, находчивый, бедный, несчастный, глупый*: «Кот, петух и лиса», «Медведь, собака и кошка», «Напуганные медведь и волки» и др.

Определенное место в немецком и русском сказочном дискурсе занимают и представители других животных и птиц: *гусь, лебедь, дрозд, еж, заяц, мышь, осел, собака, утка, баран, сова, ворон, жаворонок* и др. Дать подробную образную характеристику не позволяют ограниченные рамки нашего исследования, но в дальнейшем, они могут быть использованы в качестве исследовательского материала.

Таким образом, основными действующими лицами как в немецких, так и в русских текстах сказочного дискурса, являются животные. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что часть животных в обоих языках получает довольно близкую характеристику. Частотность не влияет на их характеристику. Во многих текстах немецкого сказочного дискурса образ волка ассоциируется с жадностью, голодом, доверчивостью, коварством и другими чертами и мало чем отличается от русского. В характеристике животных отражено отношение к ним немецкого и русского народов. Примечательно и то, что некоторые животные и птицы не были известны немцам и русским и не получили отражения в народном фольклоре. Образ лисы во многом схож с русским – она хитрая и находчивая, но ей часто не удается перехитрить других животных из-за своей жадности. Медведь, который так часто встречается в русских сказках, в немецких занимает достаточно скромное место. Скорее всего это можно объяснить наибольшей популярностью этого зверя в Германии, что затрудняло наблюдение за его повадками и описанием его характера. Например, в тексте немецкой сказки «Der Zaunkönig und der Bär» он предстает перед нами ворчливым и обидчивым, отличаясь тем самым от своего русского

собрата – большого и глупого хозяина лесов. Кошка же в текстах русских сказок воспринимается ленивой и глупой, а иногда и старым котом. А вот в немецких текстах сказок она хитрая, лживая и умная. Собака из немецких сказок вызывает у читателя жалость, а иногда и негативную реакцию. В одних случаях она безжалостно брошена хозяевами, а в других – способна предать тех, кто ей помогал. В понимании русского народа, она верная и находчивая, преданная хозяевам и друзьям. Из всего сказанного следует вывод, что животные и птицы в сказочном дискурсе предстают перед читателем в разных культурах неоднозначно. Для каждого вида присущ свой облик, особые качества и отдельная характеристика.

Выводы

Каждый народ на протяжении длительного исторического развития сформировал и закрепил в своем сознании определенное представление о жителях других стран. Исследование культурных и социальных различий прокладывает путь к познанию истоков и корней других народов, итог такого рода усилий – знакомство с чужими нам традициями и обычаями. Известное выражение Ю. Лотмана «Язык есть код плюс его история» [Лотман 1992] свидетельствует о том, что в данном случае каждое слово и понятие несет в себе характеристику, которая имеет тесную связь с определенной культурой. Для более глубокого понимания характера народа, образа его мыслей, взглядов на жизнь необходимо воспользоваться одним из таких достоверных источников, как сказки, в которых отражен дух народа, его мудрость, нравственные ценности, идеалы и нормы поведения в обществе.

Европейский путь развития общества сформировал национальный характер немцев в основном под влиянием индивидуалистического образа жизни, выработавшего у индивида самостоятельность во всем, в том числе и неза-

висимость от родителей. В русской этнокультурной общности культивировался во всем коллективизм с такими приоритетами, как уважение к родителям и старшим, интересы семьи, радость и благополучие детей, а вот работа, свобода, творчество оставались на втором плане.

Сказочный мир представляет собой сложную сеть символов, помогающих найти правильный ключ к интерпретации событий в сказке. Среди лингвистических средств, отобранных авторами для построения сказочного пространства, большую роль играет фоника. В языке сказок мы отмечаем также изображение какого-либо явления действительности звуками речи – звукоподражаниями, которые иногда выделяют в отдельную часть речи. Необычность их заключается в прямом сходстве со звуками внешнего мира, правда, в немецком и русском языках они редко обладают сходством, но их роль в текстах сказок достаточно велика. С помощью гласных звуков, например, создаются определенные образы, достигаются конкретные акустические эффекты. Звуки, например, способны передать душевное состояние сказочных героев. Фонетическая звукопись также служит одним из основных ключей к интерпретации речевой характеристики персонажей немецких сказок.

Присутствие в текстах сказочного дискурса таких языковых средств, как *синонимы, антонимы, омонимы, слова в переносном значении, архаизмы, фразеологизмы* и др. позволяет сказителю тонко, колоритно и с предельной достоверностью охарактеризовать самих героев, окружающий мир определенного периода времени, сформировать у слушателя хронологическую картину представлений о культуре и обычаях.

Наличие тропов в контексте сказки неизбежно, поскольку по своей природе они, обладая большой функциональностью, потенциально содержательны и могут наделять явления окружающей действительности абсолютно новыми свойствами и расширять смысловые рамки лексических единиц за счет использования большой гаммы вторичных оттенков.

В оформлении текстов сказочного дискурса значительное место занимают также фигуры речи (лексический повтор – анафора и эпифора, антитеза, бессоюзие, градация, инверсия, многосоюзие, оксюморон, синтаксический параллелизм, риторические вопросы, умолчание, эллипсис и др.), присутствие которых направлено не на создание определенного образа, а на усиление выразительности и эмоциональности речи.

Сопоставительный анализ количественных показателей тропов и фигур речи свидетельствует о том, что народные и особенно волшебные сказки намного богаче наличием тропов по сравнению с фигурами речи, поскольку они способны создавать вербальные образные картины и моделировать двойственный сказочный мир.

Несмотря на фактическую схожесть общечеловеческих свойств и качеств немецких и русских персонажей в сказочном дискурсе, их типы и виды речевых описаний практически не совпадают и даже небольшая этимологическая общность их имен не имеет места.

Некоторые животные, например, лиса и волк, в обоих языках имеют схожую частотность употребления и характеристику. Примечателен и тот факт, что названия отдельных, неизвестных немцам или русским животных и птиц не отражаются в народном фольклоре. Немецкий медведь, ворчливый и обидчивый, отличается от своего русского собрата – большого и глупого и присутствует в текстах сказочного дискурса довольно редко в силу незначительной его популяции в Германии.

Кошка (или кот) в текстах немецких сказок предстает хитрой, лживой и умная – антипод русской ленивой и глупой. Что же касается собаки, то она в одних случаях безжалостно брошена хозяевами, а в других – способна предать тех, кто ей помогал. В русском восприятии это верное, мудрое, находчивое и преданное человеку животное. Таким образом, животные и птицы в обеих культурах воспринимаются неоднозначно и имеют свой облик, особые качества и отдельную характеристику. Приключения животных спроецированы на

жизни людей – и человеческим смыслом они-то и интересны. Те сюжеты, которые разворачиваются в сказках о животных, являются некой инсценировкой реальных жизненных ситуаций. Отсюда основные темы немецких и русских сказок о животных – человеческие характеры, достоинства и пороки людей, типы человеческих взаимоотношений в быту, в обществе, иногда эти образы даже выглядят сатирически.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе, рассмотрев в лингвопрагматическом аспекте особенности сказочного дискурса как экспликацию национального образа мира, мы пришли к следующим выводам:

1. В процессе своего познания окружающего мира человек под влиянием специфики географических, исторических, этнических и психологических условий формирует в своем сознании определенную систему знаний и представлений об окружающей действительности. В разных науках эта система имеет свое название, понимание и подходы к изучению, например, «картина мира», «модель мира», «образ мира» и др. Понятие «языковая картина мира» впервые встречается в работах Лео Вайсгербера (1930-е гг.), где он уже инкорпорирует картину мира в сам язык, делая ее тем самым основной его принадлежностью. Поэтому языковая картина мира представляет собой определенную модель интегральных знаний о системе представлений, эксплицируемых языком. Особый интерес к мифу ученые стали проявлять в конце XIX в., в период, когда общество начинает ощущать страх перед будущим, считая, что исторический процесс идет к своему закату. Такое состояние подталкивало людей на поиск неких созидających вечных сил. Поэтому мифологическая картина – порождение не индивидуальных, а коллективных представлений человека о мире – становится определенной основой, которая формирует и развивает представления человека о мироздании.

2. К таким источникам в германском и славянском фольклоре, глубоко отражающим дух народов, их мудрость, нравственные ценности, идеалы и нормы поведения в обществе, относится сказка, которая понимается зарубежными и отечественными учеными по-разному. Единым мнением является лишь антропологический фактор: действующим лицом в ней является человек, с которым другие представители имеют определенные отношения и выступают его помощниками или друзьями. Немаловажное место в сказке отводится

также разного рода предметам и вещам. Сам жанр сказки в хронологическом плане у всех народов мира – очень древний и популярный вид словесного искусства.

3. Содержание текстов немецких и русских сказок характеризуется и многими различиями, рядом таких сходств, как противостояние бедности и богатства, ума и глупости, трудолюбия и лени. Сходство сюжетов, сказочных образов и мотивов объясняется также сходными экономическими и историческими условиями жизни обоих народов. Именно сказка служит одним из источников, свидетельствующим о том, что европейский путь развития общества сформировал национальный характер немцев главным образом под влиянием индивидуалистического образа жизни. В противоположность этому в русской этнокультурной общности культивировался во всем коллективизм.

4. Дискурс, будучи объектом междисциплинарного изучения и теоретической лингвистики, восходит к античному периоду. Интерес к его исследованию и разработке в Европе проявляли представители «французской школы», идеи и наработки которой продолжил в своих работах швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр. Проблемам дискурсивного анализа посвящали свои работы американские, английские и немецкие ученые-лингвисты, которые опирались в основном на идеи теории дискурса М. Фуко.

В русской гуманитарной науке, которая развивалась в русле античных традиций, термин «дискурс» не находил своих сторонников, так как в ее обиходе широкое признание получило понятие «речь». Современные отечественные исследователи отталкиваются от идеи М.М. Бахтина, считавшего, что язык для культуры – это некий отличительный способ вербального осмысления мира, и понимают под дискурсом текст, общение, диалог. В настоящее время в отечественной лингвистике сложились два подхода к трактовке и анализу дискурса – московский и волгоградский.

Представители московской школы трактуют данное понятие с позиций Т. ван Дейка. Волгоградская же школа в своих взглядах придерживается пози-

ции Н.Д. Арутюновой, которая представляет данное понятие в виде целостного текста, тесно взаимосвязанного с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами. Исходя из представленных трактовок, можно заключить, что дискурс – это многоплановое понятие, которое не имеет пока еще однозначной характеристики.

5. В разные времена попытки классификации сказок предпринимались многими исследователями. Одной из первых, но неудачной была попытка И.П. Сахарова в XIX в. классификации по типу героев. Суть ее заключалась в объединении таковых из разного вида сказок, но без сказок о животных. Отметить следует также попытку, предпринятую П.В. Владимировым, усматривавшим в сказках три мотива: животный эпос, мифы и бытовые произведения. Интересны в этом плане и усилия Э.В. Померанцевой, распределившей этот жанр на сказки о животных, волшебные сказки, авантурные и бытовые. В.Я. Пропп по структурным признакам выделял волшебные, кумулятивные, о животных и сказки о людях. Научный анализ значительного количества классификаций сказок позволяет рассматривать устоявшимися следующие их типы: сказки о животных; фантастические (мифологические) или волшебные сказки; новеллистические (бытовые) сказки.

6. Мир сказки – это сложный набор символов, способствующих правильной характеристике героев и интерпретации событий. Среди лингвистических средств, участвующих в построении устного или письменного сказочного пространства, большую роль играет сложная сеть символов, в том числе и звуковое оформление мысли. Значительная роль в обеспечении благозвучия текстов сказочного дискурса отводится аллитерации, ассонансу, придающих им ритмичность, усиливающих их образность и создающих яркое впечатление разворачиваемой картины. Отметим, что тесное переплетение приемов аллитерации и ассонанса с рифмой и ритмом способствует их взаимообогащению, усилению и реализации авторского замысла. Другим способом организации звукового потока являются звукоподражания – использование слов, фонетиче-

ский состав которых напоминает называемые в этих словах предметы и явления. С его помощью не только реализуется гамма различных эмоций, но и выстраивается особый канал коммуникации: сказитель – слушатель (читатель). Их своеобразие просматривается в прямом сходстве со звуками внешнего мира, но совпадения в немецком и русском языках встречаются редко.

7. Присутствие в текстах сказочного дискурса таких лексических средств как модальные глаголы, модальные слова и частицы, синонимы, антонимы, омонимы, архаизмы, фразеологизмы и др., позволяет сказителю тонко, колоритно и с предельной достоверностью не только охарактеризовать самих героев, окружающий мир определенного периода времени, но и сформировать у слушателя хронологическую картину представлений о культуре и обычаях. Отметим и тот факт, что немецком сказочном дискурсе обладают приоритетом наклонения и модальные глаголы, а в русском – модальные слова и частицы. Эти расхождения выходят за рамки лексических отношений и оказываются существенными для построения высказываний.

8. Глубина мудрости и красочная палитра в текстах немецкого и русского сказочного дискурса широко реализуется также тропами. Практически все исследователи подразумевают под тропом слово или выражение, употребляемое в переносном значении и используемое как для характеристики какого-либо явления или предмета, так и для усиления выразительности и изобразительности речи. Наличие тропов в контексте сказки неизбежно, поскольку по своей природе они, обладая большой функциональностью, потенциально содержательны и могут не только наделять явления окружающей действительности абсолютно новыми свойствами и расширять смысловые рамки лексических единиц за счет использования большой гаммы вторичных оттенков, но и создавать в контексте так называемую иносказательную образность, когда образ возникает из сближения одного предмета или явления с другим.

В ходе лингвистического анализа текстов немецких и русских волшебных сказок была установлена следующая частотность присутствия тропов:

эпитет – 59%, сравнение – 6%, гипербола – 5%, метафора – 5%, литота – 3% и олицетворение – 3%. В русской волшебной сказке эпитет – 62%, сравнение – 8%, гипербола – 4%, метафора – 4%, литота – 4% и олицетворение – 3%.

В сказках о животных их частотность несколько другая; в немецкой сказке о животных эпитет – 61%, метафора – 10%, гипербола – 6%, олицетворение – 4% и сравнение – 5%; в русской сказке о животных: эпитет – 68%, метафора – 11%, гипербола – 8%, олицетворение – 5% и сравнение – 3%.

В результате проведения лингвистического анализа социально-бытовых сказок получены следующие данные: в текстах немецкой сказки основную роль выполняют олицетворение – 35%, эпитет – 14%, гипербола – 9% и литота – 6%. В русской сказке этого жанра картина несколько иная: олицетворение – 42%, эпитет – 15%, гипербола – 11% и литота – 7%. Полученные результаты позволяют заключить, что в немецких и русских волшебных сказках главная функция формирования образности отводится эпитету, сравнению и гиперболе. В сказках о животных, преобладающая функция которых направлена на бытовое воспитание, лидирующее место занимает эпитет, что значительно сближает их в плане коммуникативной установки с социально-бытовыми сказками.

9. В оформлении текстов сказочного дискурса присутствуют и такие фигуры речи, как анафора и эпифора, антитеза, бессоюзие, градация, инверсия, многосоюзие, оксюморон, синтаксический параллелизм, риторические вопросы, умолчание, эллипсис и др., роль которых заключается в формировании выразительности речи и усилении ее эмоциональности. Под фигурой речи понимается некий комплекс стилистических приемов, созданных на базе особых сочетаний слов, выходящих за рамки обычного употребления, выполняющих определенные грамматические связующие функции в рамках предикативных единиц и предназначенных для усиления выразительности и изобразительности текста.

Подсчет фигур речи в исследованных текстах немецких и русских сказок дал следующий результат: в немецкой волшебной сказке повтор составил 32%, параллелизм – 10%, бессоюзие – 7,4%, эллипсис – 7,7% и антитеза – 6,8%; в русской сказке повтор – 31%, параллелизм – 10,5%, бессоюзие – 8,4%, эллипсис – 8,2% и антитеза – 7,4%.

Для немецких сказок о животных характерны следующие показатели: повтор – 4,2%, параллелизм – 13,2%, бессоюзие – 8,4%, эллипсис – 7,8% и антитеза – 7,8%; в русских сказках о животных: повтор – 45%, параллелизм – 14%, бессоюзие – 8,9%, эллипсис – 8,1% и антитеза – 8%.

Далее приведем количественный показатель в социально-бытовых сказках. В немецких сказках: повтор – 38,2%, бессоюзие – 6,2%, параллелизм – 20,1%, градация – 5,2%, риторический вопрос – 4,1%; в русских сказках: повтор – 23,3%, бессоюзие – 7,3%, параллелизм – 23,4%, градация – 6,4%, риторический вопрос – 5,6%. Из приведенных данных можно заключить, что употребление повторов направлено на создание эффекта длительности действия, конечного результата или усиление; присутствие параллелизма необходимо для упорядочения действий или событий; задача бессоюзия и эллипсиса заключается в придании речи динамизма; сопоставление и семантическая связь конкретных представлений и понятий отводится антитезе; присутствие риторического вопроса или восклицания необходимо для активизации внимания слушателя или читателя.

Сопоставительный анализ количественных показателей тропов и фигур речи свидетельствует о том, что в народной сказке число тропов по сравнению с фигурам речи значительно больше, поскольку они способны создавать вербальные образные картины и моделировать двойственный сказочный мир.

10. Образы персонажей в сказках братьев Гримм всегда наполнены реальными качествами: положительный герой искренен и добр, отрицательный всегда безжалостен и корыстен. Немецкому положительному герою присущи такие положительные качества, как смелость, храбрость, благородство, со-

страдание, способность слушать, трудолюбие, находчивость, старательность, заботливость, мудрость и др. Важен и тот факт, что в сказках братьев Гримм присутствие ведьмы отмечается в 50 текстах, в том числе в 20 из них в виде жестокого существа женского пола. Встречаются и искусные в чародействе мачехи с признаками каннибализма, обладающие сверхъестественными способностями. Результаты наших наблюдений показали, что добрая Баба-Яга встречается в 79% русских сказок, а злая – в 21%. Злой персонаж в русской народной сказке, наделенный магическими способностями, отличался безобразной и отталкивающей внешностью. Но он всегда терпел поражение благодаря уму, смелости, доблести и отваге положительных героев. Половинчатым героям также нет места в сказке. Они либо с самого начала темные, злые, завистливые, либо же полностью светлые, добрые, великодушные, сочувствующие другим персонажам.

11. Сравнительный анализ немецких и русских текстов народных сказок о животных свидетельствует о том, что большинство их сюжетов известно каждому из этих народов. Тем не менее в каждом случае сказка – явление глубоконациональное, отражающее специфику концептуальной и языковой картины мира. Животные олицетворяют во многом реальных носителей человеческих пороков в быту (жадность, глупость, трусость, хвастовство, плутовство, жестокость, лесть, лицемерие и т. п.). Разнообразие животных-персонажей обусловлено их присутствием в немецком и русском территориальном ареале. Примечательно и то, что некоторые животные и птицы не были известны немцам и русским и не получили отражения в народном фольклоре.

Образ лисы во многом схож с русским – она хитрая и находчивая, но ей часто не удается перехитрить других животных из-за своей жадности. Медведь, который так часто встречается в русских сказках, в немецких появляется редко. Скорее всего это можно объяснить очень малой популяцией этого зверя в Германии, что затрудняло наблюдение за его повадками и описание его характера, он предстает перед нами ворчливым и обидчивым, отличаясь от свое-

го русского собрата – большого и глупого хозяина лесов. Кошка же в русских сказках воспринимается ленивой и глупой. А вот в немецких сказках она хитрая, лживая и умная. Собака в текстах немецких сказок вызывает у читателя жалость, а иногда и негативную реакцию. В одних случаях она безжалостно брошена хозяевами, а в других – способна предать тех, кто ей помогал. В русском же понимании – она верная и находчивая, преданная хозяевам и друзьям.

В характеристике и частотности присутствия животных в текстах сказок отражено и отношение к ним обоих народов. При этом ведущую роль, по нашим наблюдениям, занимают все же дикие животные. Звери, умные и хитрые, жадные и свирепые, слабые и покорные, наделяются типическими чертами, занимают в животном царстве каждый свое место, напоминая об отношениях господства и подчинения среди людей.

В качестве **перспективных направлений** данной работы мы видим следующие:

1) уточнение и расширение композиционной структуры разных жанров сказочного дискурса и анализ сказочного пространства в других лингвокультурах;

2) дальнейшая разработка статусирования сказочного дискурса как лингвокультурного феномена, в пространстве которого представлены национально маркированные этнокультурные фрагменты национального образа мира, а также интегративный ракурс исследования образов животных и птиц в сказочном дискурсе других лингвокультурных общностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адоньева, С.Б. Прагматика фольклора / С.Б. Адоньева. – СПбГУ: Изд-во С.-Петерб. ун-та; ЗАО ТИД «Амформа», 2004. – 260 с.
2. Акименко, Н.А. Лингвокультурные характеристики англоязычного сказочного дискурса : дис. канд. филол. наук / Н.А. Акименко. – Волгоград, 2005. – 193 с.
3. Акименко, Н.А. Структурно-лингвистические особенности сказочного дискурса (на примере английских кумулятивных сказок) / Н.А. Акименко // Гегярлт (Элиста), 2004. № 1–2. – С. 99–110.
4. Александрова, З.Е. Словарь синонимов / З.Е. Александрова. – М.: Рус.яз., 1986. – 600 с.
5. Аникин, В.П. Русская народная сказка / В.П. Аникин. – М.: Худож. лит., 1984. – 176 с. URL: https://revolution.allbest.ru/literature/00496041_0.html (дата обращения: 15.09.2020).
6. Аникин, В.П. Русская народная сказка / В.П. Аникин. – М.: Просвещение, 1977. – 208 с.
7. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – Вып. № 1. С. 37–67 [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s0373-658x0000617-1-1-ru-320/> (дата обращения: 30.09.2021).
8. Аристотель. Аналитики первая и вторая / Аристотель / пер. Б.А.Фохта. – Л.: Госполитиздат, 1952. – 438 с.
9. Арутюнова, Н.Д. Речь / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 414–416.
10. Арутюнова, Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике – Вып. 16. Лингвистическая прагматика / общ. ред. Е.В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985.– С. 21–38.

11. Астафурова, Т.Н. Лингвокультурное пространство англосаксонского сказочного дискурса / Т.Н. Астафурова, Н.А. Акименко // Вестник Волгоградского университета. – 2007. – №6. – С. 130–136.
12. Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки: Полное издание: в 1 т. – М.: Альфа Книга, 2014. – 1087 с.
13. Афанасьев, А.Н. Происхождение мифа: ст. по фольклору, этнографии и мифологии / А.Н. Афанасьев. – М.: Индрик, 1996. – 638 с.
14. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум / Л.Г.Бабенко, Ю.В. Казарин. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 496 с.
15. Бажалкина, Н.С. К проблеме различных подходов к пониманию дискурса в современном языкознании / Бажалкина Н.С. // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – Вып. 1. – С. 156–160.
16. Барт, Р. От произведения к тексту / Р. Барт // Эстетика и теория искусства XX века. – М.:, 2007. – С. 451–458.
17. Барт, Р. S/Z. / Р. Барт; под ред. Г.К. Косикова: пер. с фр. – 2-е изд., испр.. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
18. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Прогресс, 1986. – С. 300.
19. Белинский, В.Г. Полн. собр. соч. / В.Г. Белинский. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1953–1959 – Т. 1–13.
20. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
21. Боги древних германцев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43709069367/BOGI-DREVNIH-GERMANTSEV> (дата обращения: 30.09.2021)
22. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

23. Борботько, В.Г. Элементы теории дискурса / В.Г. Борботько. – Грозный: Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1981. – 112 с.
24. Брандес, М.П. Стилистика немецкого языка / М.П. Брандес. – М.: Высшая школа, 1983. – 271 с.
25. Брандаусова, А.В. Основные синтаксические особенности английской литературной сказки : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Брандаусова. – М., – 2008. – 24 с.
26. Буслаев, Ф.И. О сродстве одного русского заклѣтия с немецким, относящимся к эпохе языческой / Ф.И. Буслаев // Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. - Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : Общественная польза, 1861. – С. 250–256.
27. Буянова, Л.Ю. Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации [Электронный ресурс] / Буянова Л.Ю. – М.: Флинта, 2016. – 232 с. – Режим доступа: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785976521438.html>
28. Буянова, О.Н. Концепт как лингвистическая и лингвокультурологическая категория // Владимир Даль и современная филология: Мат-лы международ. научн. конф. Т.1. – Нижний Новгород, –2001. – С.104–106 .
29. Вайсгербер, Л. Родной язык и формирование духа / Л. Вайсгербер: пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Едиториал, 1993. – 232 с.
30. Веселовский, А.Н. Миф и символ / А.Н. Веселовский // Русский фольклор. Вопросы теории фольклора. – Л.: 1979. – С. 189–190.
31. Виды и жанры русских сказок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://megaobuchalka.ru/18/32887.-html> (дата обращения: 30.09. 2021).
32. Виноградов, В.В. Лингвистические основы научной критики текста / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. 1958 № 2. – С. 3–24; № 3 – С. 3–23.
33. Волшебная сказка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vuzlit.ru/598487/ volshebnaaya_skazka (дата обращения: 15.09. 2020).

34. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М. : Гнозис, – 2004. – 236 с.
35. Выготский, Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте (Психологический очерк): книга для учителя / Л.С. Выготский. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1991. – 93 с.
36. Гак, В.Г. К типологии лингвистических номинаций / В.Г. Гак // Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 230–294.
37. Гальперин, И.Р. О понятии «текст» / И.Р. Гальперин // Лингвистика текста: материалы науч. конф. – М., 1974. – Ч.1. – С. 67–73.
38. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования: монография / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
39. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций / Г.Д. Гачев. – М.:Academia, 1998. – 432 с.
40. Герц, Г. Три картины мира (вступительная статья к «Принципам механики») / Г. Герц // Новые идеи в философии. – 1914. – № 11. – С. 65–67.
41. Горбунова, М.В. К истории возникновения термина *дискурс* в лингвистической науке / Н.Г. Горбунова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2012. – № 27 – С. 244 с.
42. Горбунова, Н.Г. Гетерогенность текста Дж. Джайса: о механизмах связности в «бессвязном» тексте / Н.Г. Горбунова // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы: сб. науч. ст. – СПб.: Изд-во СПбГУ-ЭФ, 2007. – С. 85–92.
43. Гречко, В.А. Теория языкознания / В.А. Гречко. – М.: Высшая школа – 2003. – 375 с.
44. Гримм, Я. Германская мифология: в 3 т. / Я. Гримм; пер., коммент. Д.С. Колчигина, под ред. Ф.Б. Успенского. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. – 2664 с.

45. Гримм, Я. Немецкая мифология / Я. Гримм; пер. с нем. А.А. Гугнина // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: трактаты, статьи, эссе / сост., общ. ред. Г.К. Косикова. – М.: Издательский Дом ЯСК, 1987. – С. 54–71.
46. Гримм, Я. Сказки / Я. Гримм В. Гримм; пер. с нем. Г. Петникова. – М.: Художественная литература, 1978. – 509 с.
47. Гронская, О.Н. Немецкая народная сказка: язык и картина мира: монография / О.Н. Гронская. – СПб.: Санкт-Петерб. акад. МВД России, 1998. – 440 с.
48. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
49. Гуревич, П.С. Философия культуры / П.С. Гуревич. – М.: Аспект-Пресс, 1995. – 288 с.
50. Дандес, А. Фольклор: семиотика и психоанализ / А. Дандес. – М.: Восточная литература, 2003. – 279 с.
51. Данилов, М.А. Воспитание у школьников самостоятельности и творческой активности в процессе обучения / М.А. Данилов // Советская педагогика. – 1961. – № 8. – С. 32–42.
52. Девицкая, Е.Н. Цветовая характеристика мира в лексике русских и немецких народных сказок : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Н. Девицкая. – Славянск-на-Кубани, – 2014. – 23 с.
53. Дейк, Т.А. ван Стратегии понимания связного текста / Т.А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 13. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1996. – С. 153–211.
54. Дейк, ван Т.А. Стратегии понимания связного текста / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 153–212.

55. Дейк, Т.А. ван. Вопросы прагматики текста / Т.А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8: Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978.– С. 259–336.

56. Демьянков, В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста / В.З. Демьянков // Методы анализа текста: тетради новых терминов, 39. – М. : ВЦП, 1982. – Вып. 2. – 90 с.

57. Демьянков, В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В.З. Демьянков // Язык. Личность. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 34–55.

58. Елина, А.К. Психолингвистическое моделирование концептов персонажей народных сказок : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.К. Елина. – Кемерово, – 2013. – 23 с.

59. Елисеева, Ю.В. Атрибутивные средства характеристики персонажей сказки: функциональный и лингвокультурный аспекты : на материале русских и английских народных сказок: дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Елисеева. – Пятигорск, 2015. – 184 с.

60. Ермакова, О.П. Ирония среди тропов / О.П. Ермакова // Язык в движении. К 70-летию Л. П. Крысина / редкол.: Е. А. Земская [и др.]. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С. 172–181.

61. Желтухина, М.Р. Тропы и их функции / М.Р. Желтухина // Русская словесность. – 2004. – №1. – С. 29–34.

62. Жинкин, Н.И. Язык. Речь. Творчество / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1998. – 384 с.

63. Жирмунский, В.М. Народный героический эпос: сравнительно-исторические очерки / В.М. Жирмунский. – М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1962. – 435 с.

64. Зайцев, А.В. Диагностика Юргена Хабермаса: Понятие и сущность / А.В. Зайцев // Философская мысль. – 2012. – № 2. – С. 75–98.

65. Зализняк, А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев // Отечественные записки. Языки славянской культуры. – 2005. – № 3. – С. 45–51.
66. Заложных, В.В. Структура, организация и содержание понятия «дискурс» в лингвистике / В.В. Заложных // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2017. – №2. – С. 1–10.
67. Золотова, Т.А. «Основной» миф и его отражение в фольклоре и массовой литературе / Т.А. Золотова, Г.А. Трофимов, Н.И. Чуракова // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 3-3. – С. 651–657.
68. Зуева, Т.В. Восточнославянская волшебная сказка в аспекте исторического развития: дис. ... д-ра филол. наук / Т.В. Зуева. – М., 1995. – 573 с.
69. Иванова, А.А. Традиционный чудесный вымысел в русских волшебных сказках.: дис. ... канд. филол. наук / А.А. Иванова. – М., 1995. – 573 с.
70. Камалова, Л.А. Изучение русских народных сказок в контексте «диалога культур» в школах Республики Татарстан / Л.А. Камалова. – Казань: Школа, 2006. – 153 с.
71. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Перемена, 2002. – 331 с.
72. Карасик, В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, – 2001. – С. 3–16.
73. Карасик, В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В.И. Карасик // Теория и история языкознания. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. – С. 33–58.
74. Карасик, В.И. Религиозный дискурс / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5–19.
75. Караулов, Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1981. – 366 с.

76. Касавин, И.Т. Дискурс и хаос. Проблема титулярного советника Голыдкина / И.Т. Касавин // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2006. – №1. – С. 3–18.
77. Катермина, В.В. Номинация человека. Национально-культурный аспект. На материале русского и английского языков / В.В. Катермина. – М.: Флинта, 2016. – 224 с.
78. К вопросу определения понятия «дискурс» как лингвистической категории [ОД] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://articlekz.com/article/19506> (дата обращения: 10.10.2021).
79. Кибрик, А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... канд. филол. наук / А.А. Кибрик. – М.: РГГУ, 2003. – 90 с.
80. Кожемякин, Е.А. Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект / Е.А. Кожемякин // Научные ведомости. – 2008. – № 15. – С. 5–12.
81. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 108 с.
82. Концепции современного естествознания [КСЕ] / под общ. ред. проф. С.А. Лебедева. – М.: Норма, 2007. – 447 с.
83. Костюхин, Е.А. Типы и формы животного эпоса / Е.А. Костюхин. – М.: Наука, 1987. – 269 с.
84. Кравченко, А.К. Миф как национально специфический компонент языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.К. Кравченко. – Барнаул, 2007. – 19 с.
85. Кравченко, И.Л. Национальная языковая картина мира и ее проекция в поэтическом тексте (на материале русского и немецкого языков) / И.Л. Кравченко // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. Филология и искусствоведение. – Изд-во ЧГПУ, 2010 – Вып. 1'2010. – С. 274–284.

86. Красных, В.В. Некоторые базовые понятия лингвокультурологии // Русский язык: Исторические судьбы и современность. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 659–660.
87. Краюшкина, Т.В. Мотивы состояний персонажей в русских народных волшебных сказках (системный анализ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Краюшкина. – Улан-Уде, – 2010. – 24 с.
88. Кубрякова, Е.С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания / Е.С. Кубрякова // Язык. Личность. Текст: сборник к 70-летию Т.М. Николаевой / отв. ред. проф. В.Н. Топоров. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 976 с.
89. Кубрякова, Е.С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. М.: Языки русской культуры, – 2004. – 560 с.
90. Кубрякова, Е.С. Текст и его понимание / Е.С. Кубрякова // Русский текст. – 1994. – № 2. – С. 18–27.
91. Кузнецова, Н.Ю. Типичные лингвокультурные концепты в немецких и русских волшебных сказках / Н.Ю. Кузнецова / Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2014. – № 7 (336). Вып. 89. С. 169–172.
92. Кумулятивная сказка в рамках культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bibliofond.ru/view.-aspx?id=454231>
93. Ласкавцева, Е.Ю. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой сказки: автореф. дис... канд. филол. наук / Е.Ю. Ласкавцева. – Краснодар, 2001. – 24 с.
94. Леви-Стросс, К. Структура мифов / К. Леви-Стросс // Вопросы философии: Колдун и его магия. – 1970, – №7. – С. 171–213.
95. Ломоносов, М.В. Краткое руководство к красноречию / М.В. Ломоносов // М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. – Т. 7: Труды по филологии (1739–1758 гг.). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 89–378.

96. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
97. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
98. Маковский, М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и мир образов / М.М. Маковский. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 412 с.
99. Максимов, П. Горские сказки / П. Максимов; под ред. проф. Ю.М. Соколова. – Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1957. – 323 с.
100. Манаенко, Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку / Г.Н. Манаенко // Язык. Текст. Дискурс: межвуз. сб. науч. ст. – Ставрополь: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2003. – С. 26–40.
101. Маринина, И.А. Типология и функционирование номинаций персонажей в полифоническом повествовании: На материале романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дис. ... канд. филол. наук / И.А. Маринина. – Самара, 2003. – 227 с.
102. Маркина, Л.Г. Литература Германии. Лингвострановедческий словарь / Kultur Deutschlands: Realienwörterbuch / Л.Г. Маркина. М.: Хранитель, 2007. – 1181 с.
103. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 256 с.
104. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
105. Мелетинский, Е.М. Герой волшебной сказки / Е.М. Мелетинский. – М.; СПб.: Академия исследований культуры; Традиция, 2005. – 240 с.
106. Мелетинский, Е.М. Миф и сказка / Е.М. Мелетинский // Фольклор и этнография. – Л.: Гнозис, 1970. – 325 с.

107. Мифологическая картина мира (МКМ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.freepapers.ru/7/mi-fologicheskaya-kartina-mira/196880.-1186638.list1.html> (дата обращения: 30. 09. 2021).
108. Мотрошилова, Н.В. История философии: Запад – Россия – Восток. / Н. В. Мотрошилова. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шилачина, 2000. – 448 с.
109. Мюллер, М. Сравнительная мифология / М. Мюллер. – М.: Грачева и К°, 1863. – 122 с.
110. Невара, Н.М. Сцепление и связность текста: на материале английских народных сказок: дис.... канд. филол. наук / Н.М. Невара. – Л., 1979. – 201 с.
111. Неклюдов, С.Ю. Статические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора / С.Ю. Неклюдов // Типологические исследования по фольклору: сб. ст. памяти В.Я. Проппа. М.: Наука, 1975. – С. 182–190.
112. Нечай, Ю.П. Зарождение и формирование сказки как самостоятельного жанра в немецкой и русской лингвокультурах / Ю.П. Нечай, А.А. Поверенная // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2019. – Вып. 3. (242). – С. 37–42.
113. Нечай, Ю.П. Немецкая и русская ментальность и этнокультура в языковом пространстве / Ю.П. Нечай, А.Г. Шишкина // Когнитивная парадигма ментальности в этнолингвокультурном пространстве: коллективная монография. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2015. – С. 175–194.
114. Никифоров, А.И. Сказка, ее бытование и носители / А.И. Никифоров // Капица О.И. Русская народная сказка. – М.;Л.: Гиз, 1930. – 105 с.
115. Николаева, Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики / Т.М. Николаева. – М.: Прогресс, 1978. – 480 с.
116. Николаева, Н.А. Истоки славянской и евразийской мифологии / Н.А. Николаева, В.А. Сафронов. – М.: Белый волк; Облиздат, 1999. – 290 с.

117. Олешков, М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: учеб. пособие / М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил: Изд-во НТГСПА, 2006. – 146 с.
118. Определение картины мира. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://studbooks.net/1193685/litera-tura/opredelenie_kartiny_mira (дата обращения: 14.08.2020).
119. Особенности сказки как жанра. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sites.google.com/site/-skazocnyetradicii/1-osobennosti-skazki-kak-zanra> (дата обращения: 14.08. 2020).
120. Ощепкова, В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии / В.В. Ощепкова. М.; СПб.: Глосса/Каро, 2004. – 336 с.
121. Петрова, Е.Е. Способы лингвопрагматической репрезентации фантазийных концептов (на материале английских волшебных сказок) : дис. канд. филол. наук / Е.Е. Петрова. – Санкт-Петербург, – 2011. – 219 с.
122. Петрова, И.А. Парадигматические отношения имен собственных и способы ономастической номинации героев в фольклорном тексте: дис. ... канд. филол. наук / И.А. Петрова. – Волгоград, 2001. – 210 с.
123. Печерникова, Е.М. Основные особенности синтаксиса немецкихнародных сказок (на материале сказок братьев Гримм.: дис...канд. филол. наук / Е.М. Печерникова. – М., 1962. – 21 с.
124. Пименова, М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины мира внутреннего мира человека / М. В. Пименова. – Кемерово: Landau, 1999. – 262 с.
125. Плахова, О.А. Английские сказки в этнолингвистическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук / О.А. Плахова. – Нижний Новгород, 2007. – 221 с.
126. Померанцева, Э.В. Судьбы русской сказки / Э.В. Померанцева. – М.: Просвещение, 1965. – 160 с.

127. Померанцева, Э.В. Русская народная сказка / Э.В. Померанцева. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 128 с.
128. Попкова, А.Н. Лингвоэмоциональная картина мира: особенности вербализации (на основе языков текстов художественной литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Н. Попкова. – Краснодар, 2005 – 21 с.
129. Попова, А.М. Медведь в воззрениях русского старожилого населения Сибири / А.М. Попова, Г.С. Виноградов // Советская этнография. – 1936. – № 3. – С. 94–96.
130. Потебня, А.А. Символ и миф в народной культуре / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 2000. – 480 с.
131. Потебня, А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 622 с.
132. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность: избранные статьи / В.Я. Пропп. – М.: Наука, 1976. – 327 с.
133. Пропп, В.Я. Специфика фольклора / В.Я. Пропп. // Фольклор и действительность. – М.: Наука, 1976. – 327 с.
134. Пропп, В.Я. Трансформации волшебных сказок / В.Я. Пропп // Русская волшебная сказка. – М.: Искусство, 1992. – 127 с.
135. Пропп, В. Я. Поэтика фольклора / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 1998. – 352 с.
136. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. – 361 с.
137. Прохорова, Л.П. Интертекстуальность в рекламном дискурсе / Л.П. Прохорова // Вопросы филологии. – 2006. – №1 (22). – С. 44–48.
138. Пыпин, А.Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских / А.Н. Пыпин. – М.: Книга по требованию, 2011. – 374 с.
139. Раевский, Д.С. Мир скифской культуры / Д.С. Раевский; предисл. В.Я. Петрухина, М. Н. Погребовой. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 601 с.

140. Религиозная и мифологическая картина мира (РиМКМ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://studo-pedia.ru/8_11341_filosofskaya-teologiya.html (дата обращения: 10.08.2020)
141. Розенталь, Д.Э. Практическая стилистика русского языка / Д.Э. Розенталь. – М.: Высшая школа, 1987. – 399 с.
142. Роль человеческого фактора в языке (РЧФ в Я) // Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 13–14.
143. Русакова, О.Ф. PR и дискурс: теоретико-методологический анализ / О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. – Екатеринбург.: Уральское отделение РАН, 2007. – 339 с.
144. Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука. 1981. – 608 с.
145. Сага о Волсунгах / пер. с др.-исл. Б.И. Ярхо // Корни Иггдрасиля. – М.: Терра, 1997. – 638 с.
146. Сахарова, З.А. Просодические характеристики чтения английской сказки (в сопоставлении с русским языком): автореф. дис. ... канд. филол. наук / З.А. Сахарова. – М., 1981. – 21 с.
147. Семейн, Л.Ю. Когнитивные аспекты лингвокультурологии / Л.Ю. Семейн, И.А. Тарасова. Омск: Вариант–Омск, 2005. – 72 с.
148. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / Э. Сепир; общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – М.: Издательская группа «Прогресс»; Универс, 1993. – 656 с.
149. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 456 с.
150. Серебренников, Б.А. Языковая номинация. Виды наименований / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1977. – 358 с.
151. Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / П. Серио: пер. с франц. и португ. – М.: Прогресс, 1999. – С. 14–53.

152. Серио, П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999. – С. 337–383.
153. Сидоров, Е.В. Онтология дискурса / Е.В. Сидоров. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 232 с.
154. Сказка о животных как жанр. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://studopedia.ru/20_47961_-skazka-o-zhivotnih-kak-zhanr.html (дата обращения: 25.09.2020).
155. Скороходько, С.А. Жанровое и национальное своеобразие текста и перевод реалий: на материале волшебной сказки: дис. ... канд. филол. наук / С.А. Скороходько. – Симферополь, 1991. – 163 с.
156. Славяне (этимология). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sites.google.com/site/kokorinva/Home/s/slavane-etimologia> (дата обращения: 09.10.2021).
157. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград : Перемена, – 2004. – 260 с.
158. Смирнов, О.В. Реконструкция мерянского языка на основе топонимических данных: математико-статистический подход / О. В. Смирнов // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы Междунар. науч. конф. – (Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г.). – Екатеринбург: Из-во Уральского университета, 2019. – С. 299–304.
159. Соборная, И.С. Этнокультурные особенности сказочного дискурса: лингвориторический аспект (на материале русских, польских и немецких сказок): дис. канд. ... филол. наук / И.С. Соборная. – Сочи, 2004. – 154 с.
160. Спода, О.М. Концепт «Лень» как объект концептуального анализа. 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/21-DNIS_2009/Philologia/49456.doc.htm (дата обращения: 30.09.2021).

161. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века: сб. ст. – М.: РГГУ, 1995. – С. 35–73.
162. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, – 1997. – 838 с.
163. Степанов, Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 784 с.
164. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
165. Телия, В.Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 129–221.
166. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Высшая школа, 2000. – 259 с.
167. Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика Б.В. Томашевский. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 334 с.
168. Топорков, А.Л. Откуда у Бабы-Яги ступа? / А.Л. Топорков // Русская речь. – 1989. – № 4.
169. Топоров, В.Н. Модель мира / В.Н. Топоров // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – Т. 2. – С. 161–164.
170. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В.Н. Топоров. – М. : Прогресс, 1995 – 624 с.
171. Тхорик, В.И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация / В.И. Тхорик. – М.: ГИС, 2006. – 258 с.
172. Тюпа, В.И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ) / В.И. Тюпа. – М.: Лабиринт; РГГУ, 2001. – 192 с.
173. Уорф, Б. Наука и языкознание / Б. Уорф // Новое в лингвистике. – М.: Наука, 1960. – Вып. 1. – 123 с.

174. Уфимцева, А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) / А.А. Уфимцева // Языковая номинация. Виды наименований / отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – 82 с.
175. Фрейденберг, О.М. Миф и литература древности / О.М. Фрейденберг. – М.: Наука, 1978. – 605 с.
176. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер. – М.: Мысль, 1993. – 21 с.
177. Хендрикс, У. Стиль и лингвистика текста / У. Хендрикс // НЗЛ. – М.: Прогресс, 1980. – Вып. 9. – С. 234–251.
178. Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский. – М.: МГУ, 1972. – 262 с.
179. Хурматуллин, А.К. Понятие «дискурс» в современной лингвистике / А.К. Хурматуллин // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2009. – № 151. – С. 31–37.
180. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учебное пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 208 с.
181. Шарикова, Л.А. Понятие «картина мира» в современной лингвистике / Л.А. Шарикова, А.А. Беляков, Т.В. Зелякова // Вестник КузГТУ. – 2006. – № 5. – С. 164–167.
182. Эйнштейн, А. Влияние Максвелла на развитие представлений о физической реальности: собр. науч. тр.: в 4 т. / А. Эйнштейн. – М., 1967. – Т. 4. – С. 136.
183. Эпоева, Л.В. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты изучения языка волшебной сказки : дис. канд. филол. наук / Л.В. Эпоева. – Краснодар, 2007. – 147 с.
184. Эпоева, Л.В. Образные художественные средства в языке волшебной сказки / Л.В. Эпоева // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – №1. – С. 136–140.

185. Этимология слова «дракон» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dragons-nest.ru/dragons/etimologiya_slova_drakon.php (дата обращения: 10.10.2021).
186. Юнг, К.-Г. Практическое использование анализа сновидений / К.-Г. Юнг. – М.: Попурри, 1998. – 448 с.
187. Язык и картина мира. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://studfile.net/preview/2915154/page:54/> (дата обращения: 14.08.2020.).
188. Becker, F. Moderne Kollektivsymbolik. Ein diskurstheoretisch orientierter Forschungsbericht mit Auswahlbibliographie / F. Becker, U. Gerhard, J. Link // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur. – 1997. – 22. Bd. – 1. Heft.
189. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal – Cambridge: The Press Syndicate of the University of Cambridge, 2003. – P. 286–297.
190. Drews, A. Moderne Kollektivsymbolik. Eine diskurstheoretisch orientierte Einführung mit Auswahlbibliographie / A. Drews, U. Gerhard, J. Link // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur. – 1985. – 1. Sonderheft Forschungsreferate. – S. 256–375.
191. Duden 1999: Das Große Wörterbuch der deutschen Sprache. In zehn Bänden. / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion Mannheim, 1999. – 245 S.
192. Duden: Etymologie: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Bearb. von der Dudenred. unter Leitung von Paul Grebe. – Mannheim.: Bibliographisches Institut Verlag. 1963. – 816 S.
193. Hahn, van I. G. Märchen und Sagformen / I.G. Hahn van. // Griechische und albanische Märchen. Leipzig, 1864. – 319 S.
194. Hansen, J. R. Zauberwahn, Inquisition und Hexenprozess im Mittelalter / J.. R. Hansen. Didenbourg, 1998. – 399 S.

195. Harris, Z. Discourse analysis / Z. Harris // *Language*. – 1952. – Vol. 28., № 1. – P. 1–30.
196. Karlinger, F. Grundzüge einer Geschichte des Märchens im deutschen Sprachraum / F. Karlinger. – Darmstadt: Wissenschaftl. Buchges., 1983. – 159 S.
197. Klappenbach, R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Bde 3. und 5. 4. Auflage. Berlin, 1980.
198. Kosch, W. Deutsches Literatur-Lexikon. 2. Auflage. Horst Rüdiger, Erwin Koppen (Hrsg.). Bern/München 1956. Band. 3. 1809–2768 S.
199. Kress, G. Linguistic processes in sociocultural practice / G. Kress G. – Victoria: Deakin university, 1985. – 101 p.
200. Link, J. Was ist und was bringt Diskurstaktik / J. Link // *Kulturrevolution*. – 1983. – № 2. – S. 60–66.
201. Lüthi, M. So leben sie noch heute: Betrachtungen zum Volksmärchen / M. Lüthi. ... 2. Aufl. – Weiblingen: Stendel, 1995. – S. 7–13.
202. Lüthi, M. Märchen / M. Lüthi. – Stuttgart. Metzler-Verlag. 1990. – S 40.
203. Maas, U. Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand: Sprache im Nationalsozialismus. Versuch einer historischen Argumentationsanalyse. –Opladen: Westdt. Verlag, 1984. – 261 S.
204. Pecheux, M. Analyse automatique du discours / M. Pecheux. – Paris: Dunod, 1969. – 139 p.
205. Ranke, F. Volkssagenforschung. Vorträge und Aufsätze / F. Ranke. – Breslau 1935 // *Deutschkundliche Arbeiten* / A; 4.
206. Rölleke, H. Die Märchen der Brüder Grimm / H. Rölleke. – Bonn.: Bouvier-Verlag. 1983. – 111 S.
207. Röhrich, L. Sage und Märchen. Erzählforschung heute / L. Röhrich. Freiburg / Basel / Wien.: Verlag Herder KG, 1976. – 485 S.
208. Schiffrin, D. The language of discourse: Connections inside and out / D. Schiffrin // *Text*. – 1990. – Vol. 10. – p. 97–100.

209. Stubbs, M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language / M. Stubbs. – Oxford : Blackwell. – 1983. – 272 p.
210. Strüber, G. Märchenhafte Gedanken / G. Strüber. – Wiesbaden, Escritor Verlag – 1995. – 128 S.
211. Werlen, E. Sprache, Kommunikationskultur und Mentalität. Zur sozio- und kontaktlinguistischen Theoriebildung und Methodologie / E. Werlen. – Tübingen, Niemeyer (Reihe Germanistische Linguistik; 194). – 1998. – 390 S.
212. Wilpert, G. Sachwörterbuch der Literatur / G. Wilpert. – Stuttgart.: Kröner Verlag. 2000. – 925 S.
213. Wodak, R. Critical linguistics and critical discourse analysis // Discursive pragmatics / J. Zienkowski, J. Östman, J. Verschueren (eds). – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 2011. – P. 50–70.

Справочная литература

214. Ахманова, О.С. [СЛТ] Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 606 с.
215. Большой толковый словарь. [БТСРЯ] / сост. С.А. Кузнецов. – М.: Норинт, 1998. – 1534 с.
216. Гримм, Я. Полное собрание сказок и легенд: 1 в т. / Братья Гримм; пер. с нем. Е. Гиляровой, К Савельева. – М. : Изд. «Э», – 2018. – 832 с.
217. Гримм, Я. и Гримм В. Сказки / Я. Гримм, В Гримм: пер. с нем. Г. Петникова. – М., Художественная литература, 1978. – 509 с.
218. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль; сост. Н.В. Шахматова. – СПб.: Весь, 2004. – 735 с.
219. Лингвистический энциклопедический словарь. [ЛЭС]. Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990 г. – 682 с.
220. Мифологический словарь / под ред. Е.М. Мелетинского. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.

221. Народные русские сказки [НРС]: в 3 т. – М.: Наука, 1984. – Т. 1. – 512 с.
222. Народные русские сказки [НРС] в 3 т. – М.: Наука, 1985. – Т. 2. – 463 с.
223. Народные русские сказки [НРС] в 3 т. – М.: Наука, 1985. – Т. 3. – 495 с.
224. Немецко-русский (основной) словарь / под. ред. К. Лейн. – М.: Русский язык, 1998. – 1040 с.
225. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1983. – 816 с.
226. Русский язык. [РЯ]: Энциклопедия. / гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Советская Энциклопедия. – 1979. – 431 с.
227. Русские народные сказки / сост. В.П. Аникин. – М.: Детская литература, 1978. – 231 с.
228. Словарь литературоведческих терминов. [СЛТ] / под. ред. Л.И. Тимофеевой и С.В. Тураева. М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
229. Словарь синонимов [СС] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://synonymonline.ru/> / (дата обращения: 30.09.2021).
230. Советский энциклопедический словарь [СЭС] / под ред. А.М. Прохорова. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 1599 с.
231. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – 3-е изд. – СПб.; М.: Астрель 1996.
232. Философский энциклопедический словарь [ФЭС] / гл. ред. Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев и др. М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
233. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [ЭСБЕ]. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1996. – 272 с.
234. Grimm, Jakob und Wilhelm. Kinder- und Hausmärchen. Artemius & Winkler, 1991. – 844 S.

235. Klappenbach, R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Bd. 1: A-Deutsch. Akademie der Wissenschaften der DDR, 1969. – 800 S.